

Вежливость / невежливость в русском языковом сознании (на материале этикетной лексики)

Изучение семантики языковых единиц – задача, решаемая в настоящий период отдельными учеными и целыми научными коллективами. Семантический анализ лексем является одним из ведущих принципов в научных исследованиях собственно лингвистического, психолингвистического и когнитивного направлений современного языкознания (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.И. Новиков, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). Активно развивающимся аспектом семантического анализа выступает совокупное исследование языковых единиц разных тематических сфер и семантических полей. Объектами исследования становятся, в частности, семантические поля «Эмоции», «Религия», «Поведение» [см., например: Бабенко 1989, Плотнокова 2006, Слаутина 2006]. В центре нашего внимания оказывается исследование семантики языковых единиц, входящих в поле «Этикет».

Поле «Этикет» образовано, на наш взгляд, следующими оппозитивными подполями: «вежливость / невежливость», «пристойность / непристойность», «культурность / некультурность», «скромность / нескромность».

В данной статье выявим семантические особенности лексем, образующих подполе «вежливость/невежливость», которое является ядерным подполем в структуре поля «Этикет» и характеризует этикет в аспекте соблюдения и несоблюдения норм поведения. Определим лексический состав подполей «вежливость», «невежливость», образующих подполе «вежливость / невежливость»; установим состав лексико-семантических групп (далее –

ЛСГ) – классов слов с семантикой вежливости; определим доминанты и границы синонимических рядов.

Семантический анализ единиц языка базируется, прежде всего, на методике дефиниционного и компонентного анализа. С опорой на данные виды анализа установим лексический состав подполей: в словарных дефинициях обнаружим маркер этикетного поведения – сему со значением соблюдения или нарушения этикетных норм. Словарные дефиниции в данной статье предлагаются, преимущественно, в соответствии с данными «Большого толкового словаря» [см.: Большой ... 2005]. Во избежание повторяемости авторского термина «этикетный маркер» используем также его абсолютные синонимы: «этикетный показатель», «базовый идентификатор».

Описание семантических особенностей лексем со значением вежливости произведем с помощью процедуры определения близких семантических расстояний между словами. Характеризуя данную процедуру, А. И. Новиков писал следующее: «В основе формальных методов определения семантических расстояний лежит представление о взаимном расположении некоторых элементов (например, слов) в определенном пространстве, где одни являются более близкими по отношению друг к другу, чем иные. Чем меньше расстояние между двумя словами, тем более сильная связь между ними существует и наоборот» [Новиков, Ярославцева 1990: 14].

Подполе «вежливость» включает в себя слова *вежливый, вежливость, корректный, корректность, любезный, любезность, учтивый, учтивость, галантный, куртуазный, политес, джентльмен, джентльменствовать, subtilный (2), тонкий (10), мягкий (8), обходительный, предупредительный (2), предупредительность, деликатный, деликатничать, благоговейный, благоговеть, почет, почитать¹, почтение, почтительный, почтить, уважать, уважение, уважить,*

уважительный (2), *честь* (4), *такт*², (2) ближе к синонимическому ряду «вежливый», чем прилагательные *тактичный* и *политичный*. Ряд с доминантой «уважительный» мы включаем в состав подполя «вежливость» на основании определения вежливости как проявления уважения. *Уважительность* – «внешнее проявление уважения», то есть вежливость. В данный ряд были включены только те слова, в значении которых есть указание на внешнее проявление уважения в поведении, речи: например, *почтительный* – «выражающий почтение».

В **субстантивном классе** в составе подполя «вежливость» выделим два синонимических ряда. Первый – с общим значением вежливости: *вежливость*, *политес*, *предупредительность*, *учтивость*, *любезность*, *джентльменство*, *корректность*. Второй – с общим значением внешнего проявления уважения: *уважение*, *почет*, *честь* (4). Объединение в одну ЛСГ этих рядов происходит на том основании, что слова обоих рядов называют проявление качеств и свойств человека в его поступках, в этикетном поведении. На наиболее близком расстоянии находятся исконно русское слово *вежливость* и заимствованное слово *политес*, определяемое как «вежливость». Остальные слова ряда «вежливость» обозначают различные оттенки вежливого поведения. Внешнее выражение уважения отражено в семантике существительных *почет* и *честь* (4): *почет* – «уважение, оказываемое кому-н. обществом, окружающими людьми»; *честь* (4) – «почет, уважение».

Глагольный класс, отражающий проявление в поведении вежливости, почтения, деликатности, включает слова *джентльменствовать*, *деликатничать*, *уважать*, *уважить*, *почитать*¹, *почтить*. Эти глаголы, образуя одну ЛСГ, тем не менее не могут считаться синонимами и в семантическом плане отстоят друг от друга

приблизительно в два – три шага. См.: *джентльменствовать* – «быть джентльменом, отличаться корректностью, благовоспитанностью»; *деликатничать* – «стараться быть деликатным»; *уважить* – «1. исполнить (чью-н. просьбу, пожелание) из уважения, расположения к кому-н. (разг.); 2. оказать кому-н. уважение, выполнив его желание (прост.)».

В данном классе расстояние между словами различно. Наиболее семантически близки друг другу слова синонимического ряда с доминантой *уважать* (4 глаг.): *уважать*, *уважить*, *почитать*¹, *почтить*. Базовые идентификаторы: относиться с благоговением, с почитанием, с уважением, оказать почёт, почтение кому-, чему-н. В данном классе есть однокоренные синонимы: *почитать*, *читать*; *уважать*, *уважить*.

Подполе «невежливость» объединяет слова *невежливый*, *невежество* (2), *невежа*, *неучтивость*, *нелюбезный*, *некорректный*, *некорректность*, *неделикатный*, *грубость* (2), *грубый*, *грубить*, *грубиянить*, *грубиян*, *тыкать*², *брань*¹, *бранный*, *ругня*, *руготня*, *ругань*, *ругательство*, *ругательный*, *жесткий* (2), *резкий* (5), *резкость* (2), *нахамить*, *обхамить*, *хам*, *хамло*, *хамье*, *хамоватый*, *хаметь*, *хамить*, *хамство*, *хамский*, *неуважение*, *неуважительность* (2), *непочтительный*, *непочтение*, *нетактичность*, *нетактичный*, *бестактный*, *бестактность*, *нескромный* (2), *огрызаться* (2), *отрезать* (4), *отрубить* (2), *отбрить*, *брякать* (3), *ляпать*, *чертыхаться*, *выбраниться*, *выбранить*, *бранить*, *браниться*, *разбранить*, *костить*, *костерить*, *выругаться*, *выругать*, *облаять*, *излаять*, *песочить*, *хаять*, *хулить*, *хулительный*, *хулитель*, *хула*, *захаять*, *охаять*, *лаять* (2), *клевать* (2), *разнести* (5), *напасть*¹ (3), *напуститься*, *честить*, *отругиваться*, *отругать*, *ругать*, *ругаться*, *обругать*, *обругаться*, *разругать*, *кричать* (4), *орать* (3), *крик* (3), *наорать*, *накричать*.

Доминантой **адъективного класса** в данном подполе является прилагательное *невежливый*, отражающее идею класса. Прилагательное *невежливый* имеет значение «нарушающий правила вежливости, приличия». Семантику класса наиболее полно выражает также прилагательное *грубый* – «1. недостаточно культурный, неделикатный». Остальные прилагательные толкуются через *невежливый*, *грубый*, а также через синонимы: *неделикатный*, *нетактичный*, *неучтивый*. Например, *резкий* (5) – «лишенный мягкости, учтивости; дерзкий, грубый»; *хамоватый* – «склонный к хамству, грубый». *Нескромный* (2) отсылает нас к прилагательному *бестактный*: *нескромный* (2) – «несколько неприличный, бестактный». Кроме того, данное толкование содержит этикетный маркер «неприличный». В данном классе слова *бранный*, *ругательный*, семантически близкие друг другу, характеризуют исключительно вербальное поведение человека, в отличие от других слов ряда, обозначающих как вербальное, так и невербальное этикетное поведение.

Глагольный класс в составе данного подполя отражает проявление невежливости, грубости в речи, брани. В составе данного класса слова *грубить*, *грубиянить*, *хамить*, *хаметь*, *обхамить*, *нахамить* находятся на достаточно близком расстоянии и могут считаться синонимами. В толкованиях этих слов наличествуют маркеры *грубо*, *грубый*. В данном классе можно выделить пару синонимов *брякать* (3), *ляпать*, которые находятся друг от друга на семантическом расстоянии в один шаг: *брякать* (3) – «неосторожно, бестактно, не вовремя говорить то, чего не следует»; *ляпать* – «говорить что-н. некстати, бестактно». Этикетным идентификатором является наречие «бестактно». Выделим синонимический ряд *отрезать* (4), *отрубить* (2), *отбрить*, составляющие которого также наиболее близки друг другу в семантическом плане. В данных глаголах просматривается

семантика отсечения чего-л., в метафорическом значении слова характеризуют грубый, резкий ответ: *отрезать* (4) – резко и коротко ответить; *отрубить* (2) – то же, что отрезать (4). На нарушение норм этикета указывает наречие *резко*, которое отсылает к наречию *грубо*.

Особого внимания заслуживает глагольная лексика порицания (типа *ругать*, *бранить* и пр.). Полностью исключать из поля «Этикет» глаголы с семантикой порицания невозможно, так как в словарных дефинициях этих глаголов присутствует маркер невежливого поведения: прилагательное *грубый*. Обширный класс лексики порицания толкуется в основном через глагол *ругать* – «называть оскорбительными, грубыми, бранными словами». Большинство глаголов данного класса употреблено во вторичных значениях, что является результатом синонимической иррадиации [Воронина 2008: 50 – 54]. Так, в случае с глагольной лексикой данного класса вторичное значение порицания появляется у глаголов нанесения удара (*бичевать*, *взгреть*), обработки (*отделывать*, *утюжить*), физического отрицательного воздействия на объект (*пушить*, *шерстить*) [см. там же: 52].

Субстантивный ряд, обозначающий название лиц, нарушающих принцип вежливости, включает слова *невежа*, *грубиян*, *хам*, *хамло*. Показателем нарушения этикетных норм является прилагательное *грубый*, которое есть в составе словарных дефиниций всех слов данного класса. См.: *грубиян* – «человек, который груб и дерзок в общении и обращении»; *невежа* (1) – грубый, невоспитанный человек»; *хам* – «грубый, наглый человек».

В субстантивном классе, включающем в себя наименования качеств невежливого человека, его поведения, выделяются синонимы, называющие исключительно вербальное поведение человека: *брань*¹, *ругня*, *руготня*, *ругань*, *ругательство*, *резкость* (2), *крик*

(3), хула. В лексике со значением порицания, частотной в данном классе и в подполе «невежливость» в целом, наряду с семей «грубость», часто встречается компонент «непристойность» (*мат5, матрица, скабрзность (2), сквернослове и пр.*).

Завершая исследование особенностей семантики языковых единиц с общим значением вежливости, отметим, что исследование категории вежливости в аспекте не только соблюдения, но и нарушения принципов этикета, является актуальной проблемой лингвистики. Анализ семантики языковых единиц, отражающих норму и антинорму, выявление семантических расстояний между лексемами позволяет продемонстрировать сложность связей единиц в составе подполя «вежливость / невежливость» и характер их представленности в языковом сознании.

Литература

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2001.

Воронина Т.М. О границах синонимической иррадиации // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности: Материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», Екатеринбург, 24 – 26 апреля 2008 г. – Екатеринбург, 2008.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., 1989.

Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М., 1990.

Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). – Екатеринбург, 2006.

Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

©Аверкиева М.С., 2009

А.Б. Бушев
Тверь

Новая неграмотность: некоторые феномены и языковая личность

В центре наших размышлений в настоящей статье находится проблема «новой неграмотности». Объектом нашего изучения является языковая личность, компоненты языковой способности. Комплексно феномен неграмотности рассматривается в современной лингвopsиxологии и лингвокультурологии. Материалом в наших исследованиях выступают вербальные ответы обучаемых, интерпретация индивидуального знания. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые аспекты новой неграмотности: проблемы прецедентных имен, орфографии, лексической семантики и умение усматривать комическое в целом тексте.

Наши современники, подчас имеющие высшее образование, пишут: «Толейран, В. Иленин». Не знают, кто такие Джо Дассен, Дж. М. Кейнс, Г. Мелехов. Недавно студентка рассказывала о революционных демократах и цитировала: «Черныш сказал, Черныш отметил...». Посмотрел в ее конспект – это оказался Чернышевский. Записала сокращенно – так и стал Николай Гаврилович Чернышом.

Анекдотичны ошибки современных студентов при переводе иностранных текстов на русский язык:

Экономисты развивались в Кембриджевском(!) университете в течение данного времени.

Теория Маркса-Энджельса(!)

Критика императорства (the criticism of imperialism)

В рабочей семье Джавиша Хангариана (in the working class Jewish Hungarian family)

Откуда эти ошибки?!

Конечно, писать грамотно важно. Уровень грамотности катастрофически упал. Впрочем, в американском учебнике по психологии написано: «Проблемы с орфографией не мешают жизненному успеху». Человека создает средняя школа. Высшая – лишь дает специальность. Еду в троллейбусе в Твери, и на стенах читаю надписи-граффити: «Сериков-лАвелас (кАбель)». «Путин – наша любовь (нашЫ)». Гуляю возле суворовского, где снимались «Кадеты», и на стене читаю «Макаров. Ты лудИший».

Все это происходит на фоне потрясающего невежества современных студентов. Математик объясняет студентам теорему Колмогорова. «Холмогорова?» – переспрашивают студенты второго курса. Спрашиваю у студентов про итальянское Возрождение – студенты не могут назвать ни одного имени. Говорю про Рафаэля – «Ах, да, мы мультик смотрели...».

Высоцкому – семьдесят. Разговариваю со школьниками об авторской песне. «О, это нас не интересует». Достойный ответ на вопрос об актуальности его творчества. То ли дело Тату! И, конечно, это не Камеди Клуб, не Яна Чурикова, не Дом.

Это осуществляется в условиях, когда «школьников послали на три буквы» – так написано в российской газете(!) о сдаче школьниками ЕГЭ.

Недавно я случайно оказался в гостях – в кабинете русского языка и литературы вечерней школы. Будучи

человеком любознательным, я окунулся в прошлое, в декорации картины «Доживем до понедельника». Рука учеников-переростков выводила в тетрадках: «*За кем правда? За Лукой*». Изучали революционеров в пьесе «Вишневый сад»... Повсюду взор наталкивался на старые плакаты «Красуйся, град Петров», «Пушкинское кольцо Верхневолжья», «Писатели в нашем крае». «Хотелось бы видеть среди писателей Ахматову, Гумилева, – мечтательно протянула коллега. – А все остальное – все это было, было и прошло».

Проглядываю тетради и ужасаюсь: *Фанвизин, Орзамас, Бальмонд, изучают ямп, корей и даптель, Краништит*. «Д.К. Мирон», – так записала студентка про «Декамерон». Смеялись – пьеса-то неизвестна, а «Мирон» – фамилия распространенная.

Полистал лекции про Раневскую, - «*женщину, стоящую над пропастью*»; про Есенина было сказано «*Хочет наверстать упущенное за границей после Эйсидоры Дункан*». Профессия актера у Горького обозначена обучаемыми так: «*пьет*». Однако уже фигурируют в школьных конспектах и «Окаянные дни» Бунина, и акмеизм, и записи о Ф. Сологубе.

На полках красовались книги «Механизмы торможения», справочник-агитатора-пропагандиста 1986 года, живописавший преступления акул империализма, пыльные журналы «Преподавание истории в школе», книга «Ленин и Тверской край», пыльный Толстой без обложки, пара старых учебников Бархударова и Крючкова, книга «Мир гуманизма», пособие для подготовки к ЕГЭ, почему-то книга «Приколы». Был плакат «Матерь человеческая» с цитатами из лирики Рождественского. Висел портрет Пушкина. Что и говорить, достойное методическое обеспечение.

Ситуацию венчал *портфолио* Троицкой Веры Васильевны – учителя, отличника народного просвещения,

выпуска 1969 года Калининского пединститута. Нигде, кроме областного института повышения квалификации учителей, эта трудовая женщина не повышала своей квалификации. Графа «научно-методическая работа педагога» красноречиво зияла белизной.

И тогда мне подумалось: как это все абсолютно неадекватно современной ситуации. В тихой агонии советская школьная Атлантида медленно погружается на дно, шелестя желтыми листочками тетрадок и книжек.

Где новые педагогические технологии, не говоря об информационных, где внимание к тому, что за окном?!

Откуда вчерашнему школьнику и сегодняшнему студенту узнать про стилевые и жанровые стратегии в новой драматургии - Забалуев, Зензинов, Вырыпаев, братья Пресняковы и Дурненковы, М. Курочкин, Кс. Драгунская. Екатерина Нарши, Вадим Леванов, Е. Исаева, В Сигарев?! Где узнать про подвал Театра.doc, центр драматургии под руководством Казанцева и Рощина, фестивали «Новая драма», «Территория» «Черешневый сад», «Любимовка», как понять, чем знамениты фестивали новых пьес «Действующие лица», «Новая драматургия», «Территория», Аксенов-фест?! Где увидеть и прочитать пьесы «Таня-Дуня» О. Мухиной, «Русский сон» Ольги Николаевой, пьесы М. Угарова, О. Богаева, Е. Греминой, Д. Привалова?!

Как понять движение «пьесы-вербатим» – М. Курочкин, И. Вырыпаев, Е. Нарши, Г. Заславский, Е. Калужских, О. Дарфи, В. Леванов, С. Решетников, А. Корманов и А. Северский, Е. Гришковец?! С каким новаторским опытом соотнести?! Как узнать современную традиционную драму – Н. Коляда, А. Казанцев, А. Галин, С. Лобозеров, Н. Птушкина, М. Арбатова, А. Железцов, А. Слаповский, А. Яхонтов?! А рядом глобализирующийся мир – бит культура, «рассерженные молодые люди», исповедально-философский роман двадцать первого века.

Оказываешься у книжной полки: Макьюэн, Памук, Мураками, Буковский. Керуак, Коэльо, Лессинг, Рушди, Вишневский, У. Эко, Хосейни. Негде школьнику и студенту узнать, кто они такие.

Из преподавания культуры исключен историзм. Л. Мартынов, В Соколов, Н Тряпкин, Ю. Кузнецов – классики поэзии Бронзового века – незнакомы современнику. Равно маловедомы ему бардовская песня, современные поэты, обэриуты. Не говоря уже об именах критиков литературы – Лакшин, Белкин, Мамардашвили, Гачев, Б. Тарасов, Золотусский, Анненский. За семью печатями остается то, о чем написала Л. Сараскина о Солженицыне и Достоевском, И. Волгин о Достоевском.

Не слышны и современные поэтические голоса уже, увы, отнюдь не юных поэтов: Кибиров, Пригов, Рубинштейн, Иртеньев, Е. Рейн, Б. Кенжеев, С. Гандлевский, А. Цветков, О. Николаева, И. Вулых и Т. Глушкова, А. Парщиков. Ни малейшего представления нет и о Юзе и Петре Алешковских, Д. Липскерове, Н. Коляде, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Д. Рубинной, Т. Толстой, Н. Садур, В. Нарбикове, С Шаргунове, И Мамаевой, В. Орловой, З. Прилепине, М. Шишкине, Ю. Мамлееве, Д. Гуцко.

Самый занятой человек начала двадцать первого века – ученик одиннадцатого класса – не получает никакой поддержки в деле освоения современной культуры. Не получают ее и молодые люди более старшего возраста. В апреле 2008 года Левада-центр провел опрос 2500 россиян в трех крупных городах России: Москве, Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. Самым талантливым писателем современности россияне считают Бориса Акунина, на втором месте по популярности – Дарья Донцова, третье место занял Пауло Коэльо. Далее в порядке убывания идут Александр Солженицын, Татьяна Устинова, Стивен Кинг, Александра Маринина, Харуки Мураками, Виктор

Пелевин, Джоан Роулинг, Дэн Браун, Сергей Лукьяненко. В первую тройку классиков вошли А. Пушкин, Л. Толстой и Ф. Достоевский. Последним же в списке классиков стал Э.-М. Ремарк.

С тревогой слежу за дискуссией, развернувшейся в среде, окончательно не простившейся с культурой. В последнее время в масс-медиа появились сообщения о том, что отменяется обязательный выпускной экзамен по литературе. Сочинение по литературе ежегодно писалось всеми выпускниками страны первого июня. Якобы сегодня невозможно составить квалифицированное тестирование. А то как же: выбрал нужный ответ – и все готово. Обязательное сочинение уже давно заменялось на диктант и изложение, ЕГЭ по русскому языку уже котируется как вступительный экзамен в вузы.

Аргументом отмены сочинения звучит то, что с литературой знакомятся по тонким выжимкам из книг, что электронный век распространяет массу банальных шпаргалок типа «Как написать образцовое сочинение». Экзамен-де уже давно утратил свое назначение – продемонстрировать знакомство с классикой русской культуры, умение излагать мысли стройно, композиционно, вообще показать само умение мыслить ...

Сегодня также ведется дискуссия по отбору произведений в школьную и вузовскую программы по литературе. Важны принципы отбора произведений художественной литературы для чтения и разбора школьниками и студентами. Полагаем, что дискуссию должны вести не только ученые, специалисты в области образования, литературоведения и дидактики, но и библиотекари, деятели культуры, школьники и их родители.

Известный литератор И.Л. Волгин рассказывал недавно про свои беседы со студентами МГУ. Их ответы на экзамене анекдотичны: «В каком году умер Толстой? –

Году в восемнадцатом – Да?! И как же он относился к советской власти? – Он ее ... принял». Или вот: «Отчего умер Пушкин? – Ну, его задушило самодержавие. – Когда? – При Николае ... Третьем». Известные специалисты МГУ имени Ломоносова обратились по поводу пагубности отмены сочинения в самые высокие государственные инстанции, мы видели это письмо в «Литературной газете».

Много говорится сегодня по поводу «заботы» о русском языке, но на эти проблемы необходимо смотреть в комплексе с изучением литературы. Иначе на второй план отошла бы этическая проблематика, свойственная одной из больших литератур мира – русской. Светским Евангелием называли литературу писатели XX века. Мы безвозвратно утрачиваем дар читать бескорыстно, как в юности. Все более и более стремительные темпы ускоряющегося века отбрасывают чтение за ненадобностью как забаву избранных.

Причины необходимости пересмотра программы по литературе ясны. Мы живем в новых общественно-политических реалиях. Налицо и явное снижение роли писателя в обществе. Прекрасные русские и советские писатели изымаются не только из учебников, они давно изъяты из нашей действительности. Их заменили иностранные мультфильмы и фэнтезийные авторы. По мнению некоторых специалистов, большинство классических произведений недоступны части школьников по содержанию (виною тому называются клиповое сознание, инфантилизация). Надо напрячь мозг, чтобы понять необходимость литературных героев в жизни каждого культурного человека. А сейчас можно жить без напряжения. «Чрезвычайно трудно доказывать необходимость изучения литературы детям, в глазах которых счетчик», – справедливо полагает ряд не самых последних педагогов.

Литература из властительницы дум превратилась в банальную развлекательную индустрию.

Школа – отражение сегодняшнего социума, в ней преломляются негативные социальные процессы девяностых годов – деинтеллектуализация и архаизация образа жизни значительной части населения, полное устранение просветительского научного дискурса из средств массовой информации. Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека – человека массы. Это полуобразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций.

Все это необходимо проходит на фоне упрощения культурологического образования в школе и вузе. Потеряно понимание значимости культурной традиции, восприимчивость к культуре. Понимание искусства надо воспитывать. Так, Ю.М.Нагибин писал: «Лишь вглядываясь в образы красоты, созданные искусством, будь то Венера Милосская или Ника Самофракийская, Мадонна Рафаэля или мальчик Пинтуриккио, Флора Тициана или автопортрет Ван Дейка, царевна–лебедь Врубеля или три богатыря Васнецова, крестьянская девушка Аргунова, кружевница Тропинина, дочь Нестерова или бегущая спортсменка Дейнеки, можно приучить свой глаз и душу к той радости, которую дает встреча с прекрасным» [Нагибин 2000: 278].

Спрашиваю студентов про вкусы в области самого важного из искусств – кино. «Ультрафиолет», «Робот», в лучшем случае «Гарри Потер». Эрзац порождает эрзац. Кино авторское, история кино – где-то за горизонтом понимания. Для масскульта характерны стандартизация культурной деятельности, ее профанация, активное тиражирование с использованием средств массовой коммуникации (пресса, радио, ТВ, компьютерная сеть).

Смотрим не самый плохой фильм «Анна и король». По сюжету, учительница отказывается принять богатый дар короля Сиам – отца ее ученика. *«Ну и дура. Продала бы в Англии. – Да что ты. У нее (через губу, презрительно) принципы»*. Речь школьников и студентов полна клише из второсортных американских фильмов: *«Я в порядке», «У вас проблемы», «Непонятно», «Детей я беру себе», «Я не о том, дорогая»*.

Журналы?! В лучшем случае можно полистать журнал «Ответь» с томными наглыми-звездами на обложке. Со стрелялками не сравнится никакой театр. Да и театр – где он? Либо пыльные и скучные «Вишневый сад» в тридцать десятый сезон и Островский, либо антреприза.

Редки в эфире голоса оперных певцов. Наш земляк Лемешев – пустой звук. Многие никогда не слышали его голоса, не говоря об Иванове, Козловском, Рейзене, Лисициане, Максаковой, мировых оперных певцах... Кроме того, идет поток негативной или лицемерной информации по телевидению. Кочуют из программы в программу Резник, Орбакайте, Петросян, Шкет... Культура подачи информации по телевидению носит клиповый характер. По телевидению что-то рассказывается о Сталине, жертвах марта 1953 года и вдруг: *«Где найти людей, которые не любят Балтику–семь?! Вам всегда смогут перекинуть деньги. Живи на яркой стороне. Масло ТНК дает уверенность. Для деловых и модных...»*.

Все это происходит под лепет педагогики о необходимости выработки компетенции, социализации, освоения социальных ролей, нацеленности на универсальные, а не предметно ориентированные способности. На наших глазах создается новая культура знаний и образования – полезное знание. Нет фундаментальных знаний, панорамного видения проблем, ушел, помахав рукою, энциклопедизм. Произошла десакрализация знания. Грустны размышления о

культурном горизонте классов (похоже, они опять объявились в нашем обществе). Вырос человек, не слышавший о Феллини и Шекспире, сознательно исключивший их из своего обихода. Или это одна из технологий управления? Лояльной посредственностью руководить легче.

В сети возникает так называемый «изык падонкафф». Это не фонетическое письмо, а намеренное искажение языка, его крайние формы искажения, метаирония над грамотностью: *туд* вместо *тут*, *пачиму* вместо *почему*, *остаецца*, *христаматийный*, *фелософия*, *тродиция*, *афтор*, *кисларод*, *дагадацца*, *нихачу*, *фупазор*, *мысли вазникают в маеи* измученной *навастями галаве*, *вофсе нед*, *кетайский школьнег*, *красавчег* и т.д. Иные падонки уже становятся культовыми персонажами. Этот сленг называют олбанским. На сайте udaff.ru «тусуются» тысячи человек ежедневно. Есть мнение, что любой текст, написанный на языке падонкофф, теряет агрессию и пафосность. Ведь здесь чувствуются элементы иронии: *почетайте*, *я запейсал*, *пишел вон*, *чмовый троль*, *диссиденты*, *онегдоты*, *жадноклассники*, *ну вот нах спрашиваеЦЦа*.

Создается впечатление о криптолалической функции такого языка для посвященных: *я сабж разлочил*, *каменты отключаю*, *поскольку откоментились все уже*, *под котом-фотки к посту*, *френдлента*, *имхо*, *к-а*, *под котом лидочки опять флешмоб*, *в ютубе*.

Блогосфера воспринимается как пространство прайваси и свободы, простирающееся, как известно, пока оно не нарушает свободы другого, не идет на преступления, предусмотренные УК. Оценочность постоянно присутствует в сообщениях: *возбуждение животного потреотизма*, *порадировать*, *мундаки*, *нипайду*, *пишел вон*, *чуня*.

Полагают, что неумеренный мат в албанском звучит даже нежно. Некоторые исследователи пишут, что идеология падонкофф строится на отрицании образования, стремлении к оригинальности и протесте против несвободы. Вот такой коктейль. Под редакцией С. Минаева выходят сборники прозы падонкофф (феномен «Литпром»).

Не будем забывать, однако, что грамотность, прецедентные тексты, имена – лишь одна из сторон языковой личности. Каковы уровни, компоненты языковой способности?! Эта проблема занимает нас в связи с изучением перевода на родной язык как одной из высших способностей языковой личности. Чему должно учить при переводе? Каковы трудности родного языка?

Можно отталкиваться от языковой нормы в ее орфографической ипостаси. Нет сомнений, что в переводимом тексте не должно быть орфографических ошибок. Необходимо серьезное изучение орфографии. На школьной ступени долгое время все и сводилось к изучению орфографической и пунктуационной нормы.

Часто обучение ведется не на позитивных образцах, а на примерах ошибок. Можно отталкиваться от многочисленных типологий речевых ошибок. Их создано великое множество. Так, на высшем уровне языковой способности – стилистическом – выделяют речевые ошибки, вызванные неправильным выбором слова, неучетом лексической сочетаемости, явлением речевой избыточности (плеоназм, тавтология, ляпалиссиады, пустословие). Употребление слова без учета его семантики, нарушение лексической сочетаемости, неправильный выбор синонимов, немотивированные объединения стилистически несовместных лексических средств порой заслоняют нормативные и – что еще более важно – творческие примеры хорошего стиля.

Необходимо обучать учету контекста – вдумчивой оценке слова с точки зрения мотивированности его в контексте. Сюда же относится анализ закономерностей использования стилистически значимых средств. Например, знание лексической синонимии – необходимое условие речевой культуры человека. Сложно порой построить простой синонимический ряд типа *смеяться – хохотать – заливаться – закатываться – покатываться – хихикать – фыркать – прыскать*. Необходимо рассмотреть синонимов в контексте: *быстрый (взгляд, походка, шаги, решение, движение) – скорый (поезд, помощь)*. Показательна неспособность к внутрстилевой синонимике и межстилевой синонимике типа *лик – лицо – ряха – мурло – харя*. Необходимо учить использованию правильного синонима, стремлению к такой категории, как семантическая точность.

Антонимия актуальна для переводчика на родной язык в связи с антонимическим переводом. Такие явления, как полисемия, паронимия помогают учету стилистической окраски слова. Слова стилистически неравноценны. Выделяются книжные слова, торжественные, принадлежащие к другому функциональному стилю. Существует большой пласт лексики, не закрепленной в функционально-стилевом отношении (общеупотребительная). Важно понимание эмоционально-экспрессивной окраски – торжественной, поэтической, шутливой, ироничной, фамильярной, неодобрительной, пренебрежительной, презрительной, уничижительной, вульгарной, бранной. В художественной речи существует лексика торжественная, официальная (холодная), интимно-ласковая, шутливая, нейтральная. Показательно, что в германистике, например, существует другая система оценок.

Изучение речевого стандарта подразумевает выделение стандартных средств выражения и собственно клише, и

штампов, и шире – явления речевого стандарта как явления речевого этикета. Языковыми стандартами называются готовые, воспроизводимые в речи средства выражения, их свойства – четкая семантика и экономное выражение мысли (В. Г. Костомаров).

Заслуживает внимания проблема «терминология в речи». Показательны неоправданное употребление слов с различной стилевой окраской, смешение стилей, экспансия просторечия в публицистический стиль. Нас интересуют такие вопросы, возникающие в связи с узусом русской речи переводчика, как стилистическая оценка сленга в современной русской литературной речи, стилистическая оценка заимствованных слов, стилистическая классификация заимствований, стилистически неоправданное употребление заимствованных слов [Бушев 2006, 2007, 2008].

Известны структурные качества речи – правильность, чистота, богатство. Теория коммуникативных качеств речи в рамках функционального подхода выделяет такие функциональные качества речи, как точность, логичность, ясность, доступность, уместность.

Есть еще один вариант – идти от качеств, предъявляемых к речи. Актуально учение о качествах речи, разработанное Б. Н. Головиным. Оно развивается, в частности, в работе В. В. Соколовой [Соколова 1995].

Существенным критерием выступает в теории языковой личности умение оперировать целым текстом.

Посмотрим на следующий современный русский текст:

Досточтимые коллеги! Имеем честь пригласить вас на Юбилейные Хлестаковские чтения, организуемые кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского университета! Чтения состоятся 30–31 марта 2009 года в Саратовской губернии на родине бессмертного литературного героя Ивана Александровича Хлестакова. Чтения приурочены к празднованию 200-

летия Н. В. Гоголя и 100-летия Саратовского университета.

Посему мы предлагаем вам «заумствоваться» на темы:

- литературной, театральной, читательской судьбы и славы самого Ивана Александровича и его создателя – юбиляра Николая Васильевича Гоголя;

- феномен юбилея в мировой культуре, формы и механизмы его реализации в русской и мировой литературе;

- мистификации, вдохновенного обмана и хвастовства, проявляющихся в произведениях литературы, журналистики и PR.

Посетители чтений – непосредственные участники, слушатели и просто зеваки – смогут походить гоголем, осматривая знаменитые места Саратова и его окрестности: улицу Гоголя, дом И. А. Хлестакова с фонтаном, памятник Петрам Ивановичам Добчинскому и Бобчинскому, а также присутствовать на открытии шкафа-музея И.А.Хлестакова, откусить лабардана, посчитать сорок и сорвать цветы удовольствия.

Итогом юбилейных чтений станет сборник научных и околону научных статей. Стоимость страницы – 100 рублей (уважаемый оргкомитет опять берет деньги взаймы – в случае достижения кем-то из оргкомитета миллионного состояния, все деньги обязуемся тотчас же вернуть). Как сказал сам Н. В. Гоголь о Юбилейных Хлестаковских чтениях: «Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!»

ки языковых средств, опредмечивающих комическое. Актуальность исследования комического в связи с языковыми знаками состоит в обучении пониманию этого феномена в тексте и особым техникам создания творческого – в том числе комического текста. В последние годы представители семиотики, теории

интерпретации текста, риторики и герменевтики обращают свое внимание на проблемы комического в современных и классических литературных и бытовых текстах. Гоголевская традиция комического полна иронии, сарказма, сатиры, гротеска. Известна в литературе и традиция юмористического. Понимание языковой и внеязыковой природы комического важно для процесса обучения родному и иностранному языкам, ибо на высших стадиях обучения языковая личность должна понимать комизм.

Таким образом, рассмотренные проблемы – орфография и языковая способность, лексическая семантика и тонкие смысловоразличительные стилистические навыки языковой личности, знание прецедентных имен и понимание комического – иллюстрируют различные грани научной проблемы функциональной безграмотности. На ее ликвидацию должна быть нацелена работа нашей системы просвещения.

Литература

Бушев А.Б. Культурологический потенциал исследований языка// Тезисы докладов участников I Российского культурологического конгресса 25–29 августа 2006 г. в Санкт-Петербурге. – СПб, 2006.

Бушев А.Б. Русский язык и современный социум// Знамя, № 11, 2007. В сокр. виде в книге: II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. – М., 2008.

Бушев А.Б. Культура информации в блогосфере // Второй Российский культурологический конгресс с междуна-

родным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему». – СПб., 2008.

Нагибин Ю.М. Дневник. – М., 2000.

Соколова В.В. Культура речи и культура общения. – М., 1995.
©Бушев А.Б., 2009

Л.В. Вахрушева
Ижевск

Билингвизм в аспекте специфики современного образования

Двуязычие определяется учеными как «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения», при этом двуязычие имеет характер «континуума, простирающегося от весьма элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им» [Национально-региональный ... 2006]. Билингвом является не только тот человек, который владеет всеми видами речевой деятельности на двух языках, но и тот, который владеет одним из языков (первым) в полной мере, другим (вторым) лишь частично, например, только понимает речь на втором языке – его владение языком носит пассивный характер.

Билингвизм рассматривается и под углом зрения механизмов производства речи. Вопросы контактирования в сознании человека двух и более языковых систем составляют содержание психолингвистических исследований в области билингвизма (двуязычия). О функционировании в сознании человека той или иной языковой системы свидетельствуют его умения воспринимать речь и / или создавать свои собственные тексты (устные и письменные) на этом языке. Так, возвращаясь к определению билингва, следует отметить, что если человек, владея первым языком, только понимает речь на втором языке, но не обладает навыками говорения, то и в этом случае он двуязычен, так как в его сознании присутствуют две языковые системы, одна из которых функционирует в полной мере, другая – лишь частично.

В методике обучения языкам при определении языков используются термины «родной» / «неродной» и «первый» / «второй». Термин «родной язык» говорит о языке той или иной национальности, соответственно о принадлежности

человека к ней. Термин «первый язык» не отражает принадлежности к какой-либо национальности, в этом случае речь идет об очередности в овладении тем или иным языком. Например, первым языком ребенка удмуртской национальности может быть как его родной язык – удмуртский, так и неродной – русский. Таким образом, понятия «родной язык» и «первый язык» не всегда тождественны.

К психолингвистическим аспектам двуязычия, включающим контактирование двух языков в сознании человека, непосредственно относятся вопросы трансференции и интерференции.

Одной из многих причин возникновения ошибок, выявленных учеными, является интерференция. Само понятие интерференции имеет психологическую, лингвистическую и методическую стороны. С психологической стороны интерференция понимается как перенос речевых умений и навыков из родного языка в русский, имеющий стихийный характер, происходящий неосознанно [Кунанбаева 1985]. С лингвистической точки зрения интерференция выступает как влияние одной языковой системы на другую, проявляющуюся в речи билингвов или изучающих второй язык [Национально-региональный ... 2006, Русский язык ... 1977]. Методическая сторона интерференции раскрывается как отрицательное влияние на изучение второго языка и овладение им [Кунанбаева 1985].

По поводу соотношения в сознании учащихся двух языков следует отметить, что ученик воспринимает и осознает те признаки, которые имеются в родном языке, другие признаки он игнорирует [Розенцвейг 1972]. В случае приобретения первого языка интерференция отсутствует, при усвоении второго языка она присутствует. Поэтому задачей обучения русскому языку удмуртских учащихся является и то, что при усвоении русской

языковой системы и овладении русскими речевыми навыками и умениями учащийся должен осознавать соотношение объема изучаемой единицы в русском и удмуртском языках и в соответствии с этим употреблять данные единицы в речи. Обучение русскому языку в удмуртской школе должно быть направлено на предупреждение смешения языков или совмещенного производства речи.

Ошибки нерусских учащихся могут быть также обусловлены ложной аналогией языковых средств одного и того же языка, что уже относится к внутриязыковой интерференции [Кунанбаева 1985]. Возникновение ошибки, связанной как с отрицательным влиянием первого языка, так и с ложной аналогией средств одного и того же языка, определяется как смешанный тип интерференции [Имедадзе 1979]. Например, употребление падежных конструкций в речи нерусских учащихся подвергается влиянию грамматической межъязыковой и внутриязыковой интерференции.

Интерференция может проявляться в употреблении средств разных уровней языковой системы. Грамматическая интерференция в области использования русских предложно-падежных конструкций является следствием многоплановости падежной системы русского языка и вытекающей отсюда ее сложности и фактов расхождения между языками. С опорой на исследования К. З. Закирьянова можно выделить основные причины возникновения интерференционных ошибок в русской речи удмуртских учащихся, а именно:

1) недодифференциация вследствие упрощения второго языка при соответствии одной единице родного языка нескольких в русском языке;

2) реинтерпретация вследствие истолкования различительных признаков русского языка в соответствии с правилами родного языка.

Появление ошибок вследствие недодифференциации функционально-семантических свойств языковых средств имеет место в выражении объекта обусловленными синтаксемами – беспредложной формы творительного падежа: 1) объекта – агенса и каузатора в страдательных модификациях, 2) объекта – потенсива, 3) объекта – критерия сравнения и оценочной квалификации и т.п.:

рус.	удм.
1) <i>Деревья посажены
выпускниками.</i>	<i>Пистуос выпускникъёс-ын
мерттэмын.</i> - Твор.п.
2) <i>Теперь он хвастался
своим умением
плавать.</i>	<i>Табере со ушъяськылиз уяны
быгатэм-еныз.</i> - Твор.п.
3) <i>Весна красна цветами,
осень - плодами.</i>	<i>Тулыс чебер сяська-ен,
сизьыл - емыш-ен.</i> - Твор.п.

Соотнесенность русских синтаксем с формой творительного падежа может обусловить появление в речи учащихся предложно-падежной формы *с + Твор.п.*, неуместной в этих случаях [Ванштейн 1981]. Реинтерпретация функционально-семантических свойств языковых средств в результате межъязыковой интерференции наблюдается при выражении объекта связанной синтаксемой предложно-падежной формы *по + Дат.п* при глаголах типа *бить, стрелять*:

рус.	удм.
Ударив три раза по Тиреныд музъем-ез куинь пол
земле топором, сам шуккыса, ачид изыны выд. -
ложись спать.	Вин.п.

В этом случае могут возникнуть ошибки типа «*Ударив три раза землю топором...*».

Факты интерференции и трансференции указывают на целесообразность учета сходств и различий функционирования системы русского и удмуртского языков.

Но наличие интерференции может быть причиной возникновения вопросов, сомнений по поводу изучения родных (нерусских) языков.

Предвосхищая подобные вопросы, отметим, что отказ от общения на родном языке, от его изучения не ведет к изменению языкового мышления, обусловленных его национальными особенностями.

Меняя только язык (как внешнюю оболочку мышления), человек не меняет полностью особенности своего мышления, своего национального характера, своего статуса в обществе. Иначе может рассуждать только тот, кто недостаточно глубоко знаком с основами психологии человека, этнопсихологии, теории речевой деятельности.

Методические аспекты двуязычия тесно связаны с вопросами соотношения языка, мышления, восприятия, памяти, общения и места языка (и речи) в разных видах человеческой деятельности.

Усвоение нового языка непосредственно связано с формированием новых понятий, закрепленных словами, а овладение речью – с развитием нового способа мышления.

В речи билингва происходит взаимодействие не столько языковых систем, сколько двух способов мышления, двух различных культур.

Согласно исследованиям Н.В. Имедадзе, И.И. Усова, уровень речевого развития на родном языке определяет уровень речевого развития на втором языке.

Изучение второго языка зависит от уровня интеллектуального развития личности, мотивированности, готовно-

сти к обучению, а также от условий обучения. Для развития активного двуязычия определяющим является уровень развития речи на родном языке, так как именно с опорой на него ребенок овладевает неродным языком.

Как известно, специфика преподавания языков обусловлена двойственной природой языка. С одной стороны, язык – это система знаков и правил, с другой, – речь, речевая деятельность. Вместе с тем изучение языков неразрывно связано с изучением культуры их носителей. С учетом определенных содержательных линий языковых предметов, выделяемых Е.А. Быстровой и Т.С. Кудрявцевой, развитие билингвизма предполагает формирование:

- способности общаться на русском и удмуртском языках, навыков правильного и уместного использования средств первого и второго языков в разных условиях общения;

- совокупности знаний системы и структуры первого и второго языков;

- совокупности знаний о реалиях быта, обычаях, традициях народов первого и второго языков;

- коммуникативных способностей, которые позволяют более точно переводить тексты с одного языка на другой, что в свою очередь призвано повысить уровень умений создавать свои собственные и воспринимать чужие тексты не только на первом, но и на втором языке.

Решение задач развития коммуникативных умений на двух языках представляется более эффективным с учетом условий, связанных с функционально-семантическим, коммуникативным, культуроведческим подходами к процессу преподавания как первого, так и второго языков. В соответствии со сказанным одной из важных задач является формирование и развитие билингвальной и бикультурной компетенции для развития более важных умений – умения общаться с людьми разных социальных групп, разных взглядов, разных культур.

Компетентностный подход к содержанию образования определяет специфику современного образования. В языковом образовании в условиях национально-русского

билингвизма, помимо общекультурной, информационной, социальной, коммуникативной, исследовательской и др., особую значимость имеет компетенция в сфере межкультурного общения. С учетом теоретических разработок И.Б. Ворожцовой, А.Н. Утехиной и других ученых содержание названной компетенции определяется как готовность и способность адекватного понимания сходств и различий между разными культурами; развитие интуиции в интерпретации реакции (положительной или отрицательной) носителей языка на то или иное речевое поведение; освоение правил речевого поведения в чужом социуме, что в целом способствует успешной коммуникации и снижению степени риска нежелательных коллизий в речевом межкультурном общении.

В условиях удмуртско-русского билингвизма изучение родного (удмуртского) языка, русского языка как государственного языка Российской Федерации имеют важное значение для формирования и развития языковой личности человека. Значимость русского языка в современных социальных условиях понимается большинством общества, но односторонне – только в социолингвистическом аспекте, когда другая не менее важная (даже включающая в себя вышеназванную) сторона языкового образования не всегда осознается. Овладевая вторым языком как неотъемлемой частью культуры изучаемого языка в ее диалоге с культурой родной, билингв воспринимает свою культуру как часть всеобщей культуры. Столкнувшись с другой культурой, учащиеся обращаются к своей, «ведь, находясь в своем культурном окружении, человек пользуется тем, что усвоил, не контролируя себя и не подвергая сомнению способы действия» [Русский язык ... 1977].

Также следует обратить внимание на то, что учащийся будет мыслить, «понимать иные культуры на своем языке» [Вахрушева 2000]. В связи с этим важнейшей задачей

образования «в условиях двуязычия ... являются не только привитие обучаемым правильных речевых навыков, но и сохранение в их мышлении особенностей миропонимания, выработанных многовековой традицией, закрепленных в родном языке и составляющих национальное достояние любого народа, а также познание собственной национальной культуры» [Вахрушева 2000: 28]. Ведь без понимания своей культуры (без понимания самого себя, без уважения собственного «Я») человек не готов к восприятию другой культуры (к пониманию другого человека, к уважению другого человека).

Таким образом, в содержании языкового образования в условиях двуязычия важнейшими являются задачи формирования и развития у учащихся общекультурной и межкультурной компетенции как основы для развития коммуникативных умений и личностного самоопределения.

Литература

Беляев В.Б. Введение в психолингвистику. – М., 2001.

Библер В.С. На гранях логики культуры. – М., 1997.

Ваништейн В.С. Мыслитель. – М., 1981.

Вахрушева Л.В. Лингводидактическое обоснование содержания практического компонента курса современного русского языка в национальных группах педагогических вузов России (на материале раздела “падежная система русского языка”). Дисс... канд. пед. наук. – М., 2000.

Ворожцова И.Б. Культура общения в речевом взаимодействии: Речевой субъект на перекрестке культур. – Ижевск, 2007.

Закирьянов К.З. Двуязычие и интерференция. – Уфа, 1984.

Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения языком. – Тбилиси, 1979.

Кунанбаева С.С. Проблема лексико-грамматической интерференции при формировании грамматической стороны иноязычной речи у билингвов // Языковые контакты и интерференция. – Алма-Ата, 1985.

Национально-региональный компонент в поликультурном образовательном пространстве: Интегративная программа для средней школы (на базе МОУ татарской классической гимназии № 6 г. Ижевска) / Под ред. А.Н. Утехиной, Т.И. Зелениной. – Ижевск, 2006.

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л., 1972.

Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики. / Под ред. Н.М. Шанского, Н.З. Бакеевой. – М., 1977.

Weinreich. U. Languages in Contact. – The Hague. 1962.

©Вахрушева Л.В., 2009

Т.В. Гоголина
Екатеринбург

Психолингвистический эксперимент как метод изучения коммуникем в разговорной речи

Одним из эффективных методов изучения языка как феномена, обуславливающего развитие и компетенцию языковой личности, является психолингвистический эксперимент, который основывается на показаниях языкового сознания респондентов. Наибольшей востребованностью в этом плане обладают методы свободного и направленного ассоциативного эксперимента, которые можно использовать при изучении разных уровней языковой компетенции говорящих, в том числе и грамматического.

К числу грамматических явлений, использующихся в разговорной речи, относятся *коммуникемы*, которые позволяют охарактеризовать особенности межличностного общения современных носителей русского языка. Специальным предметом разработанного нами экспериментального исследования стала специфика функционирования в разговорной речи коммуникем со значением неуверенности / несогласия. В качестве базового нами использовался метод направленного ассоциативного

эксперимента с применением методик идентификации, дополнения и прямого толкования (субъективных дефиниций).

Под коммуникемой мы, вслед за В.Ю. Меликяном, понимаем «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, характеризующуюся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающую определённое непонятное смысловое содержание, не воспроизводящую структурных схем предложения и не являющуюся их регулярной реализацией, лексически непроницаемую и нераспространяемую, по особым правилам сочетающуюся с другими высказываниями в тексте и выполняющую в тексте реактивную, волюнтативную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян 2001а: 80].

Традиционно считается, что содержание коммуникем сводится к выражению определённого значения в конкретном контексте, поэтому их коммуникативная значимость проявляется, как правило, только на фоне определённого речевого контекста:

– *Там действительно не ступала нога человека?*

– ***Кажется***, – сказал мне парень (Е. Гришковец).

Эта особенность коммуникем подчеркивается другим их терминологическим обозначением – «слова-предложения», которые наиболее частотны в разговорной речи. Например, для выражения значения неуверенности / несогласия используются как коммуникемы типа ***Наверное, Может быть, Кажется, Скорее нет, чем да, Гм-м, Ой-ли***, так и коммуникемы типа ***Иди гуляй! Облезешь! Мечтай! Перетопчешься! Перетерпишь! Нет, обломись! Повянь! Щас-с-с! Проветришь! Сейчас, только шнурки поглажу!***

В словаре В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» представлен достаточно

широкий круг коммуникем со значением неуверенности / несогласия и спектр выражаемых ими семантических оттенков [Меликян 20016].

При постановке эксперимента нами была выдвинута **гипотеза** относительно того, что существует стандартный набор коммуникем со значением несогласия/ неуверенности, которые воспроизводимы, стандартны, стабильны, но их состав постоянно пополняется, а выбор той или иной коммуникемы обусловлен речевой ситуацией. Состав реакций на слова-стимулы соответственно будет описывать актуальный для говорящего набор коммуникем со значением несогласия/ неуверенности. В ходе эксперимента проявятся актуальные для говорящего смыслы предложенного слова, личностные проекции значения, что и соответствует психологической реальности значения слова в сознании носителей языка.

В качестве испытуемых выступили студенты первого и пятого курса факультета русского языка и литературы и студенты второго курса географо-биологического факультета УрГПУ.

Для проведения эксперимента были подготовлены анкеты, которые включали в себя следующие задания: 1) замените слова в предлагаемых ответных репликах-реакциях на синонимичные (близкие по смыслу) выражения; 2) продолжите ряд выражений, имеющих то же значение; 3) определите, что выражают данные фразы (испытуемым предлагается дать толкование слов, опираясь при этом на свою языковую интуицию).

Обработка реакций, полученных в ходе эксперимента с применением методики идентификации:

Задание № 1: Замените выражения в предлагаемых ответных репликах-реакциях на синонимичные (близкие по смыслу) выражения:

1.1.– *Его желание осуществится?*

– *Только через мой труп!*

Ядерной (по частотности) является реплика-реакция *ни за что!* (7) [далее данная зона обозначается: Ядро].

В зоне ближней периферии оказались реакции: *когда рак на горе свистнет!* (3) и *даже не думай!* (3) [далее – Ближняя периферия].

В зоне **дальней периферии** представлены реакции: *ни в коем случае!* (2) *да конечно!* (2) *в следующей жизни!* (2) *фигушки!* (2) *обойдешься!* (2) *не дождешься!* *никогда!* *однозначно нет;* *не обсуждается!* *обрадовалась!* *с чего это баня упала!?* *мечтать не вредно!* *размечталась!* *после дождичка в четверг!* *как бы не так!* *не жирно ли!* *ага, сейчас!* *флаг в руки!* *с печи на полати!* *мечтай!* *посмотрим!* *ни за какие коврижки!* *конечно, нет!* *как же ж так же ж!* [далее – Дальняя периферия].

1.2. – *Будешь писать сегодня доклад? – Вряд ли!*

Ядро – реплика-реакция *сомневаюсь* (8)

Ближняя периферия – реакции: *может быть* (5) *не думаю* (3) *наверное, нет* (3)

Дальняя периферия – реакции: *конечно!!!* (2) *нет уж; а смысл? как получится!* *посмотрим; подумаю; не-а; с ума сошла!* *ещё чего!* *сомнительно мне; не знаю; некогда; лениво; ой, нет, спасибо!* *ещё точно не знаю; децельный вариант.*

1.3. – *Завтра придёшь в институт? – Как знать!*

Ядро – реплика-реакция *Может быть* (8).

Ближняя периферия - реакция *посмотрим* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Возможно* (2) *Всякое может быть* (2) *Будет день – будет пицца* (2) *Утро вечера мудренее* (2) *Кто знает* (2) *Куда деться* (2) *Вряд ли; Скорее всего; Не знаю; Дожить до утра надо! Не уверена; Как покатит; Как получится; Как фишка ляжет! Если снег выпадет! Конэшню! Уже бегу! Одному Богу известно!*

1.4. – *Пойдёшь с нами в кино? – Вот ещё!*

Ядро – реплика-реакция **Нет** (8).

Ближняя периферия – реакция *Да ну!* (2).

Дальняя периферия – реакции: *Ни за что! Ага, Конечно! Ну да! Мне некогда! Конечно, нет; Чушь! Сейчас же! Чепуха! Уже бегу! В казино! Сейчас, ага! Больно надо! Разбежалась! Чего??? Не дождёшься! Не хочу! Я занята! Щаз! Два раза! Завтра! Бегу - запинаясь! Я с дуба, что ли, упала?! Какое мне кино! О чём вы говорите?! Ни разу!*

1.5. – *Я не пойду в школу!*

– **Неужели! Марш собираться!**

Ядро – реплика-реакция **Да что ты!** (7).

Ближняя периферия – реакция *Конечно!* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Сейчас же!* (2) *Да ну!* (2) *Неужто!* (2) *Не обсуждается!* (2) *Да что ты говоришь!* (2) *Куда денешься!* (2) *Пеняй на себя!* (2) *Ни в коем случае! Вперёд! Бегом! Серьёзно?! Надо же! Вот ещё! Посмотрим! Правда, что ли! Как бы не так! Руки в ноги! Хвост морковкой и вперёд! Не ломайся! Нашим легче! Собралась, пока спичка горит! Шевели отростками! Куда ты денешься с подводной лодки! Я так не думаю!*

Задание №2: Продолжите ряд выражений, имеющих то же значение:

2.1. **Вряд ли!**

Ядро – реплика-реакция **Едва ли** (6).

Ближняя периферия - реакция *может быть* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Возможно!*(2) *Сомневаюсь* (2) *Неоднозначно; Скорее, нет; Ну да, Конечно! Посмотрим; Сомнительно; Фиг знает; Не-а; Иди ты! Не уверена; Не знаю; Наверяд ли; Очень сомневаюсь; Скорее всего, нет; Этого никогда не будет; Наверное.*

2.2. **Бог знает!**

Ядро – реплика-реакция **Кто знает!** (7).

Ближняя периферия – реакция *Чёрт его знает!* (3) *А кто его знает!* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Неизвестно* (2) *Фиг его знает* (2) *Грех его знает; Не знаю точно; Я не знаю; Этого никто не знает; Не знаю; Аллах и Будда тоже догадываются.*

2.3. *Ещё чего скажешь [придумаешь]!*

Ядро – реплика-реакция *Ещё что!* (2) *Что за глупости говоришь!* (2).

Дальняя периферия – единичные реакции: *Не бреши! Напряги мозги! Чё несёшь-то?! Ну и чепуха! Не гони! Ага, я тебе верю, конечно! Я тебе, конечно, верю Ну-ну! Чё-ё-ё! Ну ты дал! Не вешай лапшу на уши! Ну и что! Ну ты и сказал! Ну ещё чего придумаешь!? Не чеши! Не сочиняй! Собирай дальше! Заметим, что малое число повторяющихся реакций на заданный стимул, образующее зону ядра – всего по 2 реакции, не позволяет ранжировать другие полученные реакции по зонам ближней и дальней периферии. Соответственно, следуя традиции, мы относим единичные реакции к зоне дальней периферии.*

2.4. *Не приведи [дай] Господь (-и) [Бог]!*

Ядро – реплики-реакции: *Боже упаси!* (5) *Только не это!* (5).

Ближняя периферия – реакция *Не дай Бог!* (2).

Дальняя периферия – реакции: *Ни в коем случае! Что бы такое ещё повторилось! Переплюнь через левое плечо! Нетушки, не дай Боже! Всё, я умру! Пронеси меня ветер! Чур не меня!*

2.5. *Ни в жизнь!*

Ядро – реплика-реакция *Ни за что!* (12).

Ближняя периферия – реакция *Никогда!* (10).

Дальняя периферия – реакции: *Ещё чего не хватало! Ага, щас подпрыгну! Никогда в жизни! Ни за что на свете! Ни разу! Да никогда! Разбежалась! Только через мой труп!*

2.6. *Обойдётся!*

Ядро – реплика-реакция *Обломишься!* (4).

Ближняя периферия – реакция *Перебьёшься!* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Иди гуляй! (2) Облезешь! Перетопчешься! Перетерпишь! Ничего не получится! Обтопчешься! Отстань - отойди! Нет, обломись! Появись! Перетрёшься! Щас-с-с! Проветрись! Бритва! Сейчас, только инурки поглажу! Мечтай! Хрен тебе! Не дождейся! Давай как-нибудь своими силами!;*

Обработка реакций, полученных в ходе эксперимента с применением методики дополнения и субъективных дефиниций:

Задание №3: Продолжите ряд выражений, имеющих то же значение:

3.1. *Едва ли* (Выражение сомнения в возможности, допустимости чего-л.) [Меликян 2001б: 36].

Семь человек определили, что эта реплика выражает сомнение, что отражено в словаре В.Ю.Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи». Пять респондентов отметили, что выражение синонимично выражению *Вряд ли*, и двое привели в качестве определения выражение *Может быть*, что также зафиксировано у В.Ю. Меликяна: выражение сомнения в возможности, допустимости чего-л.

Дополнительными оттенками данной коммуникемы, не зафиксированными в словаре В.Ю. Меликяна, оказались следующие значения, выражаемые коммуникемами: *Маловероятно; Навряд ли; Может быть; Не совсем; Вероятнее, нет; Скорее всего, нет; Не точно.*

Также респонденты определили, что данная реплика выражает сомнение с перевесом в отрицательную сторону и неопределённость.

3.2. *Исключено!* (Выражение категорического несогласия, отрицания, опровержения, отказа) [Меликян 2001б: 43].

Один респондент отметил, что данная коммуникема выражает категорический отказ / однозначный отказ, без вариантов / отказ / полное отрицание; два опрошенных

указали, что выражение передаёт отрицание, что отражено в словаре В.Ю. Меликяна.

Респонденты приводили синонимичные коммуникемы в качестве толкования значения предложенных коммуникем *Исключено!:* *Ни за что!* (2) *Никогда* (2) *Ни в коем случае!* (2) *Не может такого быть; точно нет; невозможно; Конечно же, нет; Ни за что на свете! Нет, нет, ещё раз нет!*

В качестве дополнительных оттенков, не зафиксированных в словаре В.Ю. Меликяна, респонденты выделили следующие значения: уверенность в невозможности, категоричность, отсутствие существования предложенного варианта для отвечающего.

3.3. *Сочиняй!* (Выражение несогласия в сочетании с неодобрением, недоверием, возмущением и т.п.) [Меликян 2001б: 57].

Четыре респондента в качестве определения коммуникемы привели выражение *Придумывай!* (передаёт недоверие), двое опрошенных – *Фантазируй!* (передаёт неодобрение) и двое – *Выдумывай!* (передаёт возмущение), что зафиксировано в словаре В.Ю. Меликяна.

Также испытуемые определяли значение реплики как выражение своего недоверия к говорящему (3), что также отражено в словаре.

Дополнительными оттенками значения данной коммуникемы, не зафиксированными в словаре В.Ю. Меликяна, оказались следующие: ирония; усмешка; передача нереального факта для собеседника: *Говори неправду дальше! Не выдумывай; Не говори неправды; Не верю! Придумай сам! Ври больше! Ври! Обманывай и дальше!*

Данные эксперимента показали, что испытуемые в качестве ответных реплик в большинстве случаев используют коммуникемы, хотя встречаются и членимые предложения (например: *Я так не думаю!* или *О чём вы*

говорите?!), но использование таких конструкций ограничено.

Таким образом, выдвинутая нами экспериментальная гипотеза подтвердилась: состав коммуникем не является «закрытым» (раз и навсегда заданным) и постоянно пополняется. В ходе эксперимента с применением методики дополнения и прямого толкования (субъективных дефиниций) проявились актуальные для говорящих смыслы предложенных слов и выражений со значением неуверенности/ несогласия, личностные проекции значения, что соответствует психологической реальности значения слова в сознании носителей языка. Мы установили, что пополнение коммуникем происходит по моделям, закреплённым в языке и проанализированным, в частности, в работах В.Ю. Меликяна. Например, коммуникемы, в основе которых – номинативная форма: *Вилы! Бритва! Труба! Чепушина! Бесперспективняк! Децельный вариант*; коммуникемы, созданные на базе глагольных форм: *Обойдёшься, Перебьёшься, Обрадовалась, Размечталась; Облезешь* и др.

Обычно носители языка чувствуют тонкие грани оттенков коммуникем, например, коммуникема *Вряд ли!* определяется респондентом как выражающая сомнение с перевесом в отрицательную сторону, а коммуникема *Исключено!* как передающая уверенность в невозможности, категоричность, отсутствие существования предложенного варианта для респондента.

В зависимости от ситуации происходит актуализация одного из компонентов значения коммуникемы.

Представим две ситуации общения: ответ на поставленный вопрос, когда отвечающий сомневается и хочет «мягко» отказать собеседнику, то использует *Вряд ли!*, и когда отвечающий не согласен с собеседником, но не хочет говорить «нет», то употребляет коммуникему *Как знать*. Но отвечающий в обоих случаях может применить

коммуникему *Может быть*, актуализирующую в различных речевых ситуациях семантические компоненты значения неуверенности:

1) – *Будешь сегодня готовиться к экзамену?* – ***Может быть.***

2) — *Ты пойдёшь на каток?* – ***Может быть!***
Возможно, найдутся другие дела.

У некоторых коммуникем появились новые оттенки значений: в словаре В.Ю. Меликяна представлена коммуникема ***Чушь!*** – Прост. Выражение усиленного отрицания в сочетании с недовольством, возмущением, негодованием и т.п. [Меликян 2001б: 207].

Данные нашего психолингвистического эксперимента показали, что это предложение дополнительно выражает скептическое пренебрежение: – *Пойдёшь с нами в кино?* – ***Чушь!***

Все приведённые выше факты подтверждают положение, выдвинутое В.Ю. Меликяном, о том, что «...наиболее продуктивной тенденцией формирования этих сообществ является их построение на базе однозначных лексем и синтаксических конструкций со свободной структурой, потому что, во-первых, количество неполнозначных слов и фразеологизированных синтаксических конструкций в языке ограничено, во-вторых, несмотря на максимально обобщенный характер значения коммуникем, пополнение их состава идет по линии детализации выражаемого значения для более точной и полной передачи информации, которая стоит за такими единицами» [Меликян 1999: 79].

Таким образом, коммуникема является важным компонентом процесса общения, благодаря своей креативной направленности и особой функциональной нагрузке, которая заключается 1) в восполнении отсутствующих (недостающих) языковых средств общения; 2) в придании речевому акту большей

экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое она замещает; 3) в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению обычного, достаточно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчлененности высказывания или нескольких высказываний одной краткой репликой.

Реализация коммуникем в речи основывается на выборе между экспрессивной и эмоционально нейтральной структурами. При этом предпочтение отдается конструкции, наиболее точно выражающей замысел говорящего в конкретной речевой ситуации. «Чем меньше вы скажете слов и чем больше сумеете сказать этими словами – тем больший будет эффект» [Новиков 1990: 19-20]. Если общение неформальное, то приоритетными могут стать экспрессивные коммуникемы. Их можно отнести к единицам, которые несут на себе основную коммуникативную, в отличие от номинативной, нагрузку текста, и их целесообразно рассматривать как построения, максимально ответственные за удачу общения.

Таким образом, психолингвистический эксперимент можно отнести к наиболее перспективным методам изучения различных грамматических явлений, в том числе и коммуникем, позволяющим выявить актуальные для говорящего смыслы предложенных конструкций, личностные проекции их значений, что соответствует психологической реальности значения проанализированных конструкций в сознании носителей языка.

Литература

Меликян В.Ю. Модели построения нечленимых предложений со значением утверждения/ отрицания // РЯШ. – 1999. – №5

Меликян В.Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. // Филологические науки. – 2001а. – № 6

Меликян В.Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М., 2001б.

Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы А. Белого. – М., 1990.

© Гоголина Т.В., 2009

В.В. Горбань, Н.Г. Иванова
Одесса

Ассоциативное поле слов-соматизмов

Изучение ассоциаций имеет давнюю научную традицию; в течение многих веков они были объектом изучения философов, психологов, лингвистов, которых интересовали различные их аспекты: философов больше волновало исследование «ассоциаций идей», а не вербальных ассоциаций, для психологов важна была практическая сторона исследования ассоциаций в психиатрии и психодиагностике, лингвисты же

определяли, какие существенные черты значения слова отражаются в ассоциациях.

При анализе ассоциативно-вербальной сети можно выявить элементы, входящие в «образ мира» современного носителя языка, т.е. мы можем установить как экстралингвистические, так и интралингвистические знания, существующие в сознании и подсознании языковой личности, а также её ценностные ориентиры.

Лексикон человека как феномен языкового сознания состоит из ядра и периферии, при этом он антропоцентричен, т.е. «единицы ядра покрывают в большей степени все области концептов «Вселенная – Человек». «Семантическая карта» лексикона включает следующие семантические группы, отражающие наиболее значимые для человека жизненные категории: названия лиц (1), названия частей тела (2), названия видов пищи (3), цветообозначения (4), понятия, связанные с домом, жилищем (5), здоровьем (6), названия животных (7), одежды (8) и понятия, связанные с войной (9) [Золотова 2000: 94]. Как видим, соматизмы входят в ядро лексикона языковой личности, что и обусловило тему нашего исследования.

В ходе свободного ассоциативного эксперимента нами было получено 3486 ассоциаций на 7 слов-стимулов: глаза, губы, голова, усы, нос, лоб, щёки. И хотя усы не являются частью тела, мы, вслед за Д.И. Тереховой [Терехова 2000], будем относить их к соматизмам.

Как показывает обзор психологических, психолингвистических и социолингвистических работ, использующих в качестве научного инструментария метод свободных ассоциаций, исследователи неизбежно в той или иной мере с самого начала его применения сталкивались с проблемой классификации ассоциаций, то есть распределения их по группам согласно некоторым непротиворечивым основаниям. И проблема

классификации реакций, и собственное описание психических процессов ассоциирования представляет до сих пор одну из самых сложных и трудноразрешимых задач как в методологическом, так и в практическом планах. Во-первых, существуют психологические классификации, во-вторых, лингвистические и психолингвистические, в-третьих, логические.

Выбор основания классификации, как правило, определяется теми целями и задачами, которые стоят перед исследователями, использующими свободный ассоциативный эксперимент, то есть её основной принцип зависит напрямую от того, что исследователь хочет найти, соответственно этому обычно и выстраивается его система классификации. Мы следовали в своей работе классификации, предложенной Д.И. Тереховой [Терехова 2000], которая выделила девять типов ассоциаций. Результаты нашего эксперимента можно представить следующим образом:

I. Синтагматические.

1) С1 – синтагматические ассоциации, которые включают оценку и вместе со стимулом образуют словосочетание: *усы – чёрные, длинные, глаза – голубые, губы – маленькие, голова – умная, нос – длинный, лоб – морщинистый, щёки – мягкие;*

2) С2 – синтаксические синтагматические ассоциации: *усы – кусаются, глаза – смотрят прямо, горят; губы – целовать, кусать, нос – чешется, голова – болит, нос – вечно чешется, мёрзнет на морозе.*

II. Парадигматические.

1) П1 – категориальные парадигматические ассоциации, относящиеся к тому же семантическому полю, что и стимул: *усы – нос, губы, борода; глаза – брови, ресницы, губы – зубы, язык; лоб – голова, чёлка, мозг, голова – волосы, череп, виски, щёки – скулы.*

2) П2 – ассоциации, принадлежащие тому же семантическому полю и являющимися синонимами стимула: *глаза – очи*;

3) П3 – ассоциации, характеризующие стимул по качеству: *усы – волосы, щетина; глаза – белок, зрачок, губы – силикон; лоб – морщины, прыщи; нос – веснушки, угри; щёки – щетина*.

4) П4 – ассоциации, в которых стимул является показателем или характерным признаком ассоциации: *усы – мужчина, казак, старик, глаза – корова, кошка, губы – любимый, лоб – умник, нос – Буратино, Баба-Яга, щёки – матрёшка, Дед Мороз, хомяк, голова – Мудрый Ярослав, Ткачук*.

5) П5 – ассоциативные сравнения: *усы – мочалка; глаза – небо, океан, море; губы – мак, роза, тюльпан; голова – тыква, кочан, арбуз, котелок, земной шар, мячик, лампочка, круг; нос – хобот, склон горы, клюв, треугольник; щёки – яблоки; лоб – камень*.

III. Тематические ассоциации, которые в результате грамматического изменения могут составить со стимулом словосочетание, а также те, которые называют ситуацию, связанную со стимулом: *усы – казаки в бою, глаза – ссора, измена, губы – разговор, нос – разбит в кровь, щёки – в них можно унести еду с фуришета*.

IV. Фонетические – реакции, созвучные со стимулом: *усы – трусы, глаза – бирюза, нос – нос, лоб – лобстер*.

V. Словообразовательные.

1) морфемно-словообразовательные, основанные на единстве (общности) корня стимула и реакции: *усы – усики, усища, глаза – сглазить, глазные капли, губы – губная помада; нос – курносый*.

2) комбинаторного типа – сложные слова, в состав которых входит основа стимула: *глаза – косоглазие, губы – губошлёп, голова – головоломка, нос – утконос*.

VI. Грамматические – являются грамматической формой стимула: *усы – ус, глаза – стеклянный глаз, губы – разбитая губа, щёки – щека.*

VII. Реминисцентные (цитатные) – перенесение цитат и названий, имён персонажей из литературных произведений, кинофильмов, песен, пословиц, поговорок и т.д.: *усы – Карл Модестович («Бедная Настя»), Мюнхаузен, Чапаев, глаза – зеркало души, мужчина любит глазами (посл.), «Чёрные глаза» (эстрадная песня), Мальвина, губы – «Губки бантиком, бровки домиком...» (слова из песни), щёки – Дед Мороз, лоб – Шариков, Берлиоз, голова – хлеб всему голова, «дело тёмное и исследованию не подлежит».*

VIII. Фразеологические: *усы – сами с усами, глаза – в пять копеек, губы – раскатал губу.*

IX. Персоналии: имена, прозвища исторических лиц, политических деятелей, писателей, актёров и т. д.: *усы – Горький, «Чай вдвоём», Антонио Бандерос, Якубович, Гитлер, губы – Памелла Андерсон, Анджелина Джоли, головы – Булгаков, Эйнштейн, нос – Жерар Депардьё, Рой МакКай, глаза – Джениффер Лав Хьюит.*

Характеристики соматизмов синтагматического типа C1:

1) Параметрические: *усы – длинные, большие, короткие, губы – маленькие, лоб – высокий, узкий, широкий, нос – большой, длинный.*

2) Характеристики по форме: *усы – завивающиеся, симметричные, закрученные вниз, неровные, торчащие, глаза – большие, круглые, выпуклые, губы – пухлые, средние, тонкие, большие, бантиком, пышные, щёки – округлые, надутые, нос – крючком, греческий, тонкий, прямой, курносый, голова – круглая, овальная, яйцевидная, лоб – покатый, ровный, плоский.*

3) Характеристики по качеству: *усы – густые, роскошные, колючие, жёсткие, редкие, блестящие, пушистые, глаза – глубокие, косые, выразительные,*

раскосые, водянистые, яркие, губы – влажные, обветренные, полопанные, липкие, искусственные, сухие, упругие, мягкие, покрашенные, чувствительные, искусанные, голова – волосатая, лысая, нос – сломанный, конопатый, щёки – упитанные, мягкие и тёплые, нежные, небритые, лоб – морищинистый, блестящий, прыщавый.

4) Характеристики по цвету: *усы – чёрные, рыжие, жёлтые, пшеничные, седые, русые, глаза – голубые, карие, чёрные, каре-зелёные, болотные, синие, серые, небесного цвета, зелёные, бледные, хамелеоны, морской волны, губы – алые, красные, розовые, бледно-розовые, кровавые, лоб – бледный, смуглый, голова – рыжая, седая, щёки – красные, розовые, пурпурные, персиковые, нос – красный.*

5) Эмоционально-оценочные характеристики: *усы – красивые, неприятные, страшные, некрасивые, допотопные, старомодные, грязные, смешные, лохматые, сопливые, противные, мерзкие, прокуренные, щекотные, глаза – красивые, тёплые, открытые, безжизненные, печальные, обречённые, грустные, хитрые, смеющиеся, обворожительные, многообещающие, добрые, оценивающие, вытρεщенные, раздевающие, мутные, накуранные, злые, губы – чувственные, нежные, приятные, сладкие, красивые, сексуальные, сочные, привлекательные, прикольные, некрасивые, нос – любопытный, голова – тёмная, светлая, ясная, тяжёлая, квадратная, дурная, золотая, пустая, лоб – некрасивый, щёки – весёлые, пухленькие, надутые.*

Ассоциации на стимул *усы* можно подразделить ещё на несколько подгрупп. Например, ассоциации типа *усы – грязные, блестящие, ухоженные* относятся к группе реакций с указанием на уход за внешностью, ассоциации *усы – папины, подростковые* – к поло-возрастной группе. Ассоциации *усы – казацкие, гусарские* являются историко-культурными реакциями.

Синтагматические ассоциации подтипа С2 представлены примерами *усы – щекочут, носить, колются, идут / не идут*. Реакции *усы – бриться, подстригать* имеют указание на уход за внешностью. Парадигматические ассоциации категориального подтипа П1: *усы – волосы, борода, губы, лицо, бакенбарды, нос, зуб* относятся к нейтральным реакциям. Ассоциации-качества ПЗ: *усы – ножницы, бритва* – указывают на уход за внешностью.

Ассоциации, в которых стимул является показателем, одним из характерных признаков П1: *усы – мужчина, дедушка, старик, подросток* (поло-возрастные и социально-ролевые); *усы – нехороший человек, добрый дядя, приколист, дурак, красивый мужчина, прелесть, дебри, отвращение* (эмоционально-оценочные), *усы – профессор, директор школы, военный, гусар, учёный, священник, офицер, клоун* (ассоциации по смежности с профессией или видом деятельности), *усы – солидарность, статус, мужество, доброта* (указание на характер, настроение, эмоциональное состояние человека), *усы – таракан, жук, сом, карп, рачки, кот, кошка, тюлень, животное* (зоонимические), *усы – Украина, галичанин, Дон* (историко-культурные). Ассоциации-сравнения: *усы – веники* относятся к эмоционально-оценочным реакциям.

Но реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, не всегда укладываются в простые семантические и синтаксические отношения, они характеризуют когнитивный уровень языковой способности и квалифицируются как единицы «картины мира» – метафоры, фразеологизмы, картинно-наглядные реакции, несущие знак какого-то мысленного образа, типовой «картинки» (*глаза – охота, стрельба*). Каждая из этих последующих реакций подразумевает моментальный снимок, своего рода остановленный кинокадр, воспоминание.

Синтагматические образуют в паре стимул-реакция (S-R) так называемую модель двух слов или минимальную речевую единицу – «синтаксему», то есть словосочетание, элементы которого реализуют формальную синтаксическую связь – согласование, управление, примыкание.

АВС (ассоциативно-вербальная сеть) фиксирует лишь знания, имеющие вербальную форму выражения, но они-то и составляют большую часть наших знаний о мире. Логически строгая и системно упорядоченная «картина мира» – это абстракция, которая не воплощается ни в индивидуально-личностном знании отдельного носителя, ни в обобщённой сумме знаний речевого коллектива, к которому принадлежит носитель. АВС, полученная в нашем ассоциативном эксперименте, подтверждает этот тезис, очерчивая весьма разнородную, отчасти даже противоречивую совокупность знаний, которую условно можно разделить на три части.

Одна из них представляет собой экстралингвистическую информацию, запечатлённую в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления жизни носителей, их повседневного общения, реалии окружающей их действительности. Среди этого разнородного множества есть факторы повседневные, мимолётные, навеянные актуальным состоянием дел в общественной жизни, искусстве, быте, моде, и есть феномены относительно долговременные, постоянные, связанные с особенностями жизни русского человека, чертами национального характера, историей и культурой народа и мира.

Другую часть можно назвать диалоговой и считать, что она служит отображением языкового сознания носителя, поскольку содержит элементы рефлексии по поводу языка, национальной культуры, даёт в реакциях оценку понятиям,

событиям и типовым ситуациям окружающей действительности.

Наконец, третья, самая обширная в АВС часть знаний, которая остаётся для большинства носителей, видимо, неосознанной, касается устройства самого языка, его поуровневой структуры – фонетики, морфологии, синтаксиса, то есть грамматики в широком смысле слова, и лексики с её многосложной стратификацией, с её сложной системой зависимостей, с её распределённостью по разным стилям речи. Иными словами, эта часть информации отражает интуитивное знание языка его носителями [Горошко 2002]. Следуя классификации Ю.Н. Караулова, полученные результаты ассоциативного эксперимента можно представить следующим образом [Караулов 1994].

1. Экстралингвистические (внеязыковые) реакции, воссоздающие мозаичную картину мира совокупного носителя языка.

1.1. Имена и фамилии людей (антропонимы): *глаза – дядя Миша, губы – Наташа, Лиля, как у Димы, глаза – Римма, тётя Шура, щеки – Ганнибал, нос – Лёша, голова – Ярослав Мудрый.*

1.2. Названия мест (топонимы): *усы – Украина, губы – Африка.*

1.3. Названия народов: *губы – негры.*

1.4. Знания, связанные с актуальным состоянием общественной жизни, политики, экономики, культуры. Эта информация носит не постоянный характер, а зависит от конъюнктуры, тенденций моды и массовой культуры. Она складывается в разных областях жизни в данный момент (момент анкетного опроса) и является в известном смысле информацией-однодневкой. Если бы опрос проводился позднее или раньше, ответы многих испытуемых могли бы быть другими (*усы – допотопные, фу, старомодно, глаза – неформалка, чёрно покрашенные, губы – силиконовые, искусственные, прозрачный блеск, лоб – чёлка, щеки –*

пудра, румяна, чупа-чупс, нос – пирсинг, пластическая операция).

1.5. Факты и явления искусства, культуры. Культурная информация, заложенная в памяти носителя языка, в его АВС и приводимая к выражению в реакциях. Совокупность сведений, относящихся к культуре в широком смысле слова, составляет необходимую часть владения языком. Она создаёт тот самый апперцепционный фон, который с большой экономией языковых средств и интеллектуальных усилий обеспечивает, наряду с грамматикой и словарём, их взаимопонимание. Для иностранца актуализируемая пара S-R, которая несёт такого рода сведения, как правило, не расшифровывается и требует комментария.

1.5.1. Искусства.

1.5.1.1. Литература (*глаза – Наташа Ростова, усы – Чапаев, лоб – Шариков, нос – «Парфюмер», «Шинель», «Карлик Нос», Гоголь, Буратино*).

1.5.1.2. Живопись, скульптура, архитектура, классическая музыка (*глаза – Мона Лиза, губы – «Девочка с персиками»*).

1.5.1.3. Театр, кино, ТВ (*усы – Чарли Чаплин, Д'артаньян, губы – Анжелина Джоли, глаза – Меньшиков, нос – Жерар Депардьё*).

1.5.1.4. Массовое искусство (песня, эстрада, рок), цирк, спорт (*усы – Мюнхгаузен, Дед Мороз, губы – клоун, Рональдиньо, «Губки бантиком...», глаза – «Очи чёрные», «у неё глаза – два бриллианта в три карата», нос – Рой МакКай*).

1.6. Мифология, религия, библейские понятия и изречения, народные верования и приметы, фольклор (*глаза – пророк, сглазить, щеки – матрёшка, Дед Мороз*).

1.7. Метафорическое осмысление действительности. Любую метафору можно квалифицировать как единицу картины мира, которая как экспрессивное языковое

средство является сложным порождением лингвального и образного мышления, опирающегося на ассоциацию по аналогии и на различные коннотативные оттенки значения (*глаза – небо, океан, пуговицы, огоньки, искорки, хамелеоны, усы – веники, губы – бутон, роза, малина, вишенка, тюльпан, калина, цветок, мак, голова – котелок, тыква, глобус, кабина, лампочка, лоб – плоскость, камень, нос – хобот, клюв, картошка, треугольник*).

1.8. Фразеологизмы как единица картины мира. Фразеология несёт обобщённую информацию о ситуации, содержит элементы образности и эмоционально-смысловые оценки этой ситуации, а значит, отображает какой-либо элемент картины мира (*усы – сами с усами, глаза – зеркало души, в пять копеек, губы – раскатал губу*).

1.9. Образность и наглядность в реакциях. Одной из форм хранения и актуализации знаний в сознании носителей языка являются наглядные «картинки», мысленное воспроизведение образа предмета. В вербальной фиксации такие изобразительные реакции опознаются благодаря тому, что выбранные для передачи слова вызывают у читателя или лингвиста-комментатора либо визуальный образ, либо образы, связанные со слуховыми, осязательными и обонятельными ощущениями. Количество изобразительных реакций довольно велико, но преобладают среди них кинестетические и вкусовые (*усы – лес, тундра, жёсткие, пушистые, глаза – море за тысячу километров от берега, терновник, вечер, любовь, трава, птицы, корабль, губы – чувственное прикосновение, липкие, сладкие, прохладные, сочные, нежные, влажные, красные, щеки – горящие от телефонных звонков с любимым, в них можно унести еду с фуршета*).

1.10. Жесты, мимика, интонация (*глаза – выпученные, удивлённые, молящие, печальные, смеющиеся, прищуренные, губы – улыбка, ухмылка, гримаса, надутые,*

упрямство, смех, радость, улыбочные, лоб – угрюмый, щеки – смех, ямочки на них, нос – морщиться, ухмылка).

2. Лингвистические, в которых проявляется языковое сознание в АВС.

2.1. Рефлексия по поводу языковых феноменов (*губы – существительное во множественном числе, глаза – часть лица человека, орган зрения).*

2.2. Диалоговый режим. Это случаи, когда стимул воспринимается как вопрос или реплика интервьюера в диалоге, а реакция выступает как продолжение диалога, ответная реплика испытуемого (*глаза – чьи? твои? губы – сойдёт, нос – не знаю).*

2.3. Эмоционально-оценочные ответы. Оценка как составная часть суммарной взаимной информации S и R в той или иной мере присутствует во всех разновидностях ответов, в которых мы усматриваем проявление языкового сознания. Однако среди них имеется и такая группа пар S и R, где оценка оказывается основной составляющей взаимной информации (*глаза – как у жабы, беньки, вытрецил, усы – страшные, ужасные, сопливые, роскошные, губы – прикольные, очень красивые, сладкие, щеки – нежно прикоснуться к ним, лоб – некрасивый, голова – дурная).*

2.4. Дейкитические и перформативные реакции. По восприятию стимула в координатах «я – здесь – сейчас», то есть таким образом, что результат реагирования на него материализуется в конкретные точные данные, характеризующие одну из частных интерпретаций стимула (*усы – кот на фотообоях, глаза – Анжелины (о девушке, сидящей рядом), хочу целовать, сейчас обветренные (о своих губах).*

2.5. Пресуппозиция.

Пресуппозиция, послужившая непосредственной причиной ответа, становится наблюдаемой, восстанавливается в таких парах S-R, где на первый взгляд

взаимная информация минимальна, то есть связь между первичным стимулом и зафиксированной в ответе реакцией как будто отсутствует (*усы – (мужчина) – солидный, глаза – (взгляд) – тёплый, губы – (любимый) – предательство, губы – (говорить) – ласковые слова, голова – (волосы) – резинка, голова – (мозг) – биология, щеки – (румянец) – стеснительность, нос – (Буратино) – Чиполлино, нос – (нюхать) – цветы, лоб – (морщины) – старость*). Это происходит в тех случаях, когда первичный результат реагирования на стимул, то есть действительно первая реакция, не фиксируется испытуемым, а говорится уже вторичный ответ – ответ, для которого реальным стимулом оказалась та самая незафиксированная им первая «реакция-стимул», которая может квалифицироваться как пресуппозиция.

3. Метаязыковые, отражающие структуру русского языка. Наиболее интересным нам представляется исследование лексического состава полученных реакций. В ассоциациях представлена:

- исконная и заимствованная лексика (*усы – профессор, детектив, симметричные, глаза – прожектор, татуаж, компресс, информация, ля МУР, дальтоник, лорнет, бинокль, губы – стоматолог, герпес, интим, нос – пирсинг*);

- различные социолекты (*глаза – глазное яблоко, беньки, гляделки, лоб – умнота, голова – черепно-мозговая травма*);

Как видно из проведённого эксперимента, ассоциативное поле представляет собой весьма интересную лингвистическую и психологическую информацию, которая позволяет судить о «культурной специфике» респондентов и модели их сознания.

Литература

Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций// Докл. II междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2002.

Золотова Н.О. Ядро лексикона человека как феномен языкового сознания// Языковое сознание: содержание и функционирование. XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности// Русский ассоциативный словарь. Книга 1. – М., 1994.

Терехова Д.И. Особенности восприятия украинцами и русскими соматизма «УСЫ». – Вестник КГЛУ. – Серия: Филология. – 2000.

©Иванова Н.Г., 2009

©Горбань В.В., 2009

М.В. Голомидова

Личное имя как носитель социальной информации

Трудно найти языковой знак, который был бы в большей степени приближен к человеку, чем имя собственное. Выделяя индивида из числа многих, имя служит той точкой отсчета, опираясь на которую, человек осваивает отношения «я – другой и другие», привыкает отделять себя от многих, осознает свою уникальность и развивается как личность. Ни личное местоимение, ни нарицательные обозначения не могут в полной мере выполнить функцию этой ментальной опоры. Не случайно исходное наполнение термина «имя собственное» (первоначально относившегося только к антропонимам) связано именно с тем, что входит в круг духовного владения, обладания, духовной собственности человека.

Однако, будучи символом человеческой уникальности, имя одновременно несет в себе глубокий социальный смысл, поскольку вводит своего носителя в культурное пространство и социальный континуум, включает в многочисленные связи и отношения – правовые, религиозные, нравственные и прочие – и таким образом служит языковым инструментом социального приобщения. Уже сам акт наречения, или наделения именем расценивается как акт принятия обществом в свои пределы нового члена. Эту семантику прозрачно проявляет лексический материал языков¹, которые в значительной мере сохранили реликты архаичного отношения к слову. Ее эксплицируют тексты, сопровождающие ритуалы

¹ Например, у западноафриканского народа фульбе ребенок, не получивший имени, воспринимается как нечто неодушевленное. Поэтому принято, говоря о нем, употреблять местоимение, которое не относится к категории людей [Системы 1989: .321].

именования у племенных народов². Она включена в существующие по сей день и существовавшие ранее в разных культурах правила языкового поведения, согласно которым события биологического свойства (рождение ребенка и первые дни его жизни) отделены и отдалены от наречения как особого социального действия³.

В лингвистических и философских интерпретациях имени собственного (при разности концептуальных платформ его многочисленных исследователей) социальная нагрузка знака не подвергается сомнению: «Без имени, – писал ярчайший философ серебряного века П.А. Флоренский, – общественному устройству нет средств включить в себя и соотнести собою своих членов»

² См., в частности фрагмент текста церемонии наречения у игбо (народность Нигерии): «Братья, новый ребенок родился. Пока он был в матке, он принадлежал женщине. Благополучно родившись, он стал общим ребенком, членом семьи Нибо, нигерийцем. Он вырастет под присмотром родителей; повзрослев, он будет о них заботиться. Он станет прислушиваться к добрым советам родителей и избегать дурного. Нам нужен не просто какой-нибудь, а по-настоящему хороший ребенок. Он вырастет трудолюбивым, будет помогать отцу, матери и другим родственникам. Пусть он не будет злым! Пусть ему, а не вору сопутствует удача. Имя ребенку – Чинень» [Всемирное ... 1995: 132].

³ Укажем выборочно лишь несколько примеров таких культурных стереотипов: так, чукчи присваивают имя ребенку на пятый день его жизни. Восточноафриканские народы банту – на седьмой день. Синегалы – жители острова Шри-Ланка в Юго-Восточной Азии – именуют ребенка по прошествии года после его рождения, при этом действие сопровождается составлением подробных и сложных гороскопов и включается в обряд первого «рисового кормления».

У древних народов, насколько позволяет судить о том исторический материал, именование также было отдалено во времени: например, согласно древнегреческой традиции имя положено было давать ребенку лишь на десятый день его жизни [Системы ... 1989: 288, 337, 368 и др.]

[Флоренский 1982: 264]. Сходную оценку можно найти в феноменологии имени у А.Ф. Лосева: «Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, неспособен и, следовательно, также неиндивидуален, не сущий, он – чисто животный организм» [Лосев 1990: 49].

Если коротко подытожить сказанное и перевести характеристику имени в формат лингвистической семиотики, можно сделать следующее принципиальное заключение: социоцентрическое начало выступает неотъемлемой частью феномена имени, оно заложено в его природе и образует сложное диалектическое единство с тем, что является началом эгоцентрическим, или личностно ориентированным. Единство этих противоположностей – их разнополярность и сопряжение – создает в семиотическом объеме знака главную смысловую антиномию, ту смысловую напряженность, которая обуславливает специфику знака и его способность выполнять особые функции.

Имя собственное индивидуально, но индивидуальность – буквально от *in divido* – «не-раздельность» – подразумевает объективное присутствие других, отделенных и мыслимых в разделении сущностей, возможность противопоставления которых «нераздельному» предельно широка. Именно потому спектр многочисленных социальных характеристик человека, при явной своей пространности и разнообразии, способен, как в зеркале, отражаться в именных обозначениях, по-разному проявляясь в тех или иных компонентах формы или содержания.

Самые простые подтверждения тому – социально значимые признаки, которые могут закладываться в мотивировочную семантику в случае, если нормы культурной традиции разрешают свободно «сочинять», создавать имена на базе описательного лексического

материала. Подобные традиции, как правило, сохраняются в изолированных культурах малых народов, не испытавших на себе влияния мировых религий (и здесь социокультурные факторы заявляют о себе на уровне внешних регуляторов деятельности). Приведем в этой связи примеры из именника нганасанов – северного народа, который не подвергся процессу христианизации и сохранил вплоть до XX столетия обычаи свободного конструирования имен почти исключительно из средств родного языка. В интересующем нас ракурсе интересны некоторые нганасанские имена, выражающие пожелания родителей: *Б̄арб̄э* – «хозяин, начальник» (то есть «вырастет, станет хорошим хозяином и улучшит состояние семьи»), *Дил"о* – от глагола *дил̄эби* «поднять» (имя дано в ожидании, что выросший сын поднимет благосостояние своих родителей), *Туй* – «огонь» (огонь считался священной принадлежностью рода, унаследованной от предков; этим именем мальчику предписывалось охранять родовые традиции), *Таси* – от глагола *тат̄уси* «держат олени» – имя выражает пожелание, чтобы сын стал умелым оленеводом [Терещенко 1965: 24]. Отмеченные мотивировочные признаки – ответственность перед родом за его достаток, благосостояние, традиции – хорошо подчеркивают те ценностные ориентиры, которые выработаны в этнической культуре при осмыслении долга и обязанностей человека как члена сообщества и через мотивировочные модели поддерживаются на уровне языковой картины мира.

Известно, что аналогичным образом – с помощью относительно свободного словообразования из материала нарицательной лексики – складывались языческие древнерусские имена и прозвания. Жесткую разделительную черту между ними провести невозможно, да и сами слова «имя», «прозвание», «прозвание», как показывает их нераздельное использование в

древнерусских текстах, имели близкое или тождественное значение. Однако даже беглый взгляд на перечень личных древнерусских именований позволяет обнаружить определители социального «профиля» человека. Упомянем лишь некоторые из них: такие имена, как *Несвой*, *Инозем* несут указание на прежнюю прямую или опосредованную (через сородичей) принадлежность своих носителей к какому-то иному сообществу. Сходная, хотя и более конкретная мотивировка, просматривается в именованиях *Варяжско*, *Гречанин*, *Казарин*, *Немчин* (буквально «не говорящий на понятном для нас языке»).

Другой социальный признак – род деятельности, занятий человека, осмысляемый в реальной или пожелательной модальности, – отражается в именах *Кузнец*, *Гончар*, *Дегтярь* и под.⁴

Примечательно, что в древнерусском антропонимическом материале рельефно проступает различие «свой – чужой». Эта оппозиция, древняя и, в сущности, универсальная для всех культур, являет себя и в нарицательной лексике, и в собственных именах, однако степень интенсивности, с которой она эксплицируется в антропонимах разных народов, различна. Лексически выраженным при этом оказывается второй член смысловой оппозиции – «чужой», поскольку принадлежность к кругу «своих» уже заложена «по умолчанию» в именах обычных и привычных для языкового коллектива. У восточных славян значимость именной мотивировки через указание на чужака очевидна: признак инородности «проговаривается» в разных вариациях. Но сам факт именования одновременно служит сигналом включения иноплеменника в свое жизненное пространство и приобщения к тем

⁴ Примеры даны по известной работе Селищева А.М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ [Селищев 1968: 97-128].

связям, которые здесь существуют⁵. «Чужой, ставший своим» – так можно сформулировать смысл мотивировочной именной модели. Регулярность ее применения есть языковое подтверждение не только множественности этнических контактов, но и открытого характера древнерусской культуры.

Все приведенные выше примеры личных именовании объединены в том отношении, что в равной степени демонстрируют возможности передачи социальных характеристик человека посредством мотивировочной семантики, или внутренней формы слова. Она входит в семантический объем имени и осознается носителями языка при условии сохранения производящего лексического материала и актуализации живых словопроизводственных связей. Однако это далеко не единственный способ передачи социальной информации.

Еще одним средством для выполнения той же функции являются некоторые структурные компоненты имени. Чаще всего это относительно свободные либо связанные и частично десемантизированные корни (радиксоиды), которые указывают на особые связи человека с социальной группой или сообществом. Предельно прозрачно эту нагрузку демонстрируют кастовые индикаторы индийских имен, они выступают в качестве дополнительных знаков в структуре составных именовании и сигнализируют о правах их владельцев на определенное место в кастовой иерархии общества. Так, именные индексы *Чатурведи* – «знающий четыре веды», *Триведи* – «знающий три веды», *Двivedи* – «знающий две веды», а также *Шукла* – «светлый», *Шарма*, *Варма*, *Упадхья* сообщают о том, что носители имен относятся к высшей брахманской

⁵ Имена нарицательные, в отличие от антропонимов, напротив, по сути выполняют функцию обозначения разных граней противопоставления своего и чужого.

(жреческой) касте; *Синх, Арора, Чопра* – показатели причастности к касте воинов и т.д. [Системы ... 1989: 122].

Роль маркеров, указывающих на место человека в социальной иерархии, могут брать на себя «титульные компоненты» сложных имен, их широкое хождение отмечено у разных народов мира. Разветвленная титулатура, в частности, вплоть до середины XX века входила в словообразовательные модели имен южно-азиатских народов. Титульные компоненты были популярны в языках народов, населяющих острова Яву, Мадур, Бали, Суматру, Сумбы, Сумбавы и стабильно закреплялись в именах высшей феодальной аристократии, см.: *Hamengku Buwono* – «миродержец» (династическое имя султанов Джокьякарты), *Paku Buwono* «ось мира» (имя императора Суракарты), *Sakraningrad* – «властитель мира» (имя императора Мадур).

Не составляли исключения в маркировании причастности к верхушке общества и древние славянские имена. Древнерусский именник, как это отмечал еще Е.А. Болховитинов, довольно четко дифференцировал общество на элиту – князья, бояре, старшая дружина – и остальную массу [Болховитинов 1813: 18]. Имена высшего сословия Древней Руси обычно представляли собой именасложения с элементами, которые несли семантику атрибутов власти: умение править, умение воевать, особые свойства воли и влияния, выделяющие человека среди других (качества, которые в определениях современного языка называют харизматическими): -мир/мир-, -слав-, тверд-, яр-, вои-/вой-, -мсти- и т.под. См.: *Владимир* – буквально «владеющий миром, сообществом», а также *Велимир, Вестимир, Властимир, Воимир, Воислав, Всеволод, Всеслав, Всемир, Вышеслав, Гремислав, Ратислав, Твердомир, Ярополк, Ярослав* и др.

Учитывая семантические параллели в других языках, можно полагать за подобными именами модальность

исходной пожелательности: они отражали пожелание родителей (либо династии) нареченным в будущем обрести свойства, предписанные именем. Но тот факт, что имена-сложения с «властными» компонентами есть во многих славянских языках, убеждает в наличии глубоких исторических корней и весьма архаичном характере модели в целом. Вместе с тем содержательное сходство «титulyных» компонентов в именах разных по своему происхождению языков оставляет простор для гипотезы о неких универсалиях, лежащих в их основании.

Социальная семантика стабильно повторяющихся радикасидов открыта для восприятия и даже при условии частичного размывания носит достаточно выраженный характер в силу промежуточного статуса самой морфемы – между корнем и аффиксом. Но маркирующую функцию способны выполнять даже служебные, аффиксальные компоненты. У русских подчиненную социальную позицию передавали вплоть до середины XIX века суффиксы $-к(a)/-к(o)$ с уменьшительно-уничижительным значением. С таким суффиксом употреблялись не только в устной, но и в письменной официальной деловой речи календарные, и некалендарные имена: *крестьянишко Максимко Кондратьев сын Можяев, Дружинка Васильев, сын Кочеван*. Имена женщин-крестьянок оформлялись с помощью суффиксов $-иц(a)$ – *Ксеньица, Марьица*, иногда с помощью суффикса $-к(a)$ – *Иринка, Оленка*. Все эти антропонимы, уничижительные по форме, не несли эмоционально-оценочной окраски, но предназначались исключительно для низшего сословия [см. Полякова 2005: 67].

Не менее значимыми для социальной дифференциации у русских оказывались различия в огласовке христианских канонических имен. Заимствованные имена – греческие, латинские, семитские по происхождению – нередко по-разному адаптировались в простонародной и знатной

среде. В результате возникали отличные в звуковом отношении варианты одного и того же корня. Каноническое имя *Афанасий* в народной речи превращалось в *Апанас*, *Георгий* – в *Егор*, *Дмитрий* – в *Митрий*; *Анастасия* становилась *Настасьей*, *Елена* – *Аленой*, *Оленой*, *Евдокия* – *Адвотьей*.

В народной речи в первую очередь происходило приспособление заимствований к живым звуковым законам языка-преемника. Впрочем, нужно признать, что расхождение звуковых форм при усвоении иноязычных имен коснулось лишь части именника и не затронуло всего объема канонического списка: в нем сохранились имена, непривычные для слуха русского человека. Возможные перестройки, если и происходили на уровне устной речи, не дали сколько-нибудь устойчивых результатов в виде обозначений, которые бы прочно вошли в языковой фонд. Несомненную сдерживающую роль здесь играл внешний социокультурный фактор – авторитет церковной нормы. В новых актах наречения выбор имени вновь отталкивался от церковных текстов – месяцеслова и святцев, и непреложность канонического списка оставляла мало шансов для массовых и регулярных звуковых модификаций.

До сих пор мы говорили о компонентах семантики, которые находят материальное выражение в каких-либо сторонах формы антропонима – его структуре, звуковой оболочке, внутренней форме. Однако есть и более тонкие и сложные по лингвистической организации связи между именем и социальной информацией, которую оно способно передавать. В отдельных случаях имя целиком, во всей целостности содержания, строения и звучания приобретает функцию социального маркера. Вспомним хрестоматийный пример имени главной героини пушкинского романа «Евгений Онегин» Татьяны. Читающая просвещенная публика XIX века не могла не

удивляться диссонансу: дворянская девушка носила имя, которое в большей степени подходило для простолюдинки⁶.

Привязка тех или иных имен к определенному социальному слою хорошо осознавалась в XIX столетии. И.С.Тургенев в рассказе «Уездный лекарь» выводит лекаря Трифона, отвергнутого дворянкой из-за его плебейского имени; лекарь женится на купеческой дочери – зовут ее Акулина, «Трифону-то под стать». Жизненность этого сюжета подтверждают коллизии в реальных семейных биографиях. Б.А.Успенский со ссылкой на семейные записки А.Лескова приводит такой факт: «Бабка писателя Н.С.Лескова по материнской линии родилась в 1790 г. В Москве в зажиточной купеческой семье. Родители хотели назвать ее Александрой, но священник окрестил младенца Акилиной (по святцам, поскольку день рождения девочки приходился на день св. Акилины). Отец слышать не мог неблагозвучного имени новорожденной, видя в нем поругание своей купеческой именитости и избыточности. Бросился к архиерею – тщетно! Тогда он строго-настрого приказал всем в доме облагорожено называть девочку Александрой... Тайна эта соблюдалась всеми. Подлинное имя открылось только на панихиде» [Успенский 1995: 338].

⁶ Выбор имени, однако, был всецело оправданным. Наблюдения над жизнью языка у Пушкина неизменно распространялись и на бытование собственных имен. В примечании в «Евгению Онегину» он писал о предпочтительном употреблении таких имен, как Агафон, Филат, Фекла, именно в простонародной среде. Простонародное имя Татьяна обратилось у поэта в один из инструментов для решения задач художественного свойства: его героиня системе персонажей романа воплощала лучшие черты национального женского характера, возвращенного не ограниченным светским воспитанием, а ценностными установлениями всей народной русской культуры.

Итак, имя, не обладая какими бы то ни было внешними отличиями, включенное вместе с другими на правах равного в антропонимический «список», все-таки может нести дополнительную окраску. Закономерен вопрос о языковом механизме этого эффекта. Что в устройстве языкового знака позволяет ему выполнять различительную работу, и может ли звуковая оболочка имени сама по себе, напрямую передавать социальную семантику?

Последнее предположение заслуживает скорее отрицательного ответа. Взятая изолированно, звуковая форма едва ли способна вызывать стабильные и четкие ассоциации. Зависимость здесь имеет опосредованное свойство: звучание опосредовано особыми компонентами значения, точнее, смысловыми оттенками, или коннотациями, которые появляются у слова, если при своем употреблении оно начинает устойчиво соотноситься с некоторыми общими для большинства членов языкового коллектива представлениями. Поэтому привычки и предпочтения в выборе и речевом использовании имен, сформировавшиеся в той или иной социокультурной среде, «откладываются» в их периферийной семантике в виде особых культурных коннотаций. Подобное коннотированное имя сохраняет связь с социально дифференцированными традициями и при ее актуализации подчеркивает принадлежность своего носителя к определенному сословию или группе.

Говоря о семиотическом потенциале имени, нельзя не упомянуть еще об одном возможном компоненте его уже не периферийной, а фоновой семантики – своеобразном смысловом ореоле, окружающем именную знак. Особое место имени в культуре влияет на выработку некоторых стереотипов речевого поведения, диктующих, в свою очередь, правила применения имени в языковой практике – выбор, изменение, подмену и т.д. Сложившиеся сценарии типизированных, или ритуализированных

речевых действий с использованием собственных имен сохраняют прочные ассоциативные привязки к антропонимическому знаку, таким образом, ментальные коммуникативные схемы, сохраняемые в коллективном культурном «фонде», сцепляются с устойчивыми представлениями о семиотических возможностях имени.

Но и сам языковой знак вбирает в свою фоновую семантику снятые и свернутые во фрейм представления, которые – уже в обратной проекции – могут развернуть ментальную схему речевого и поведенческого сценария. Так имя начинает осознаваться как инструмент и/или символ действия, события. Это отчетливо прослеживается в обрядах инициации. Например, согласно архаичным обычаям тувинцев юноша, достигший совершеннолетия, считался мужчиной, только если он мог укротить коня. Переход в качественно новое состояние и приобщение к полноправным членам сообщества сопровождался обрядом наречения с присвоением нового, взрослого имени – символа изменившегося социального статуса, новых прав и обязанностей человека. Имя оказывалось вплетенным в ритуал, и одновременно оно было окружено ритуалом, поскольку находилось в центре события. Именованье – знак и одновременно цель и награда, право на обладание которой нужно было заслужить.

Можно полагать, что древняя ритуальная, инструментальная функция личного имени лежит в основе многих правил смены имен, которые по сей день существуют в разных культурах. Отголоски семантики можно усматривать в правилах возрастных переименований у некоторых азиатских народов. В частности, согласно вьетнамским традициям человек на протяжении своей жизни имеет несколько имен: в раннем детстве ребенок носит «молочное имя», известное только в кругу семьи. После достижения совершеннолетия он получает официальное имя. Нередко при поступлении на

службу родители или друзья дают ему еще и второе имя. Кроме того, каждый человек, достигший успехов в карьере, может выбрать себе псевдоним – этот именной знак становится своеобразным символом самостоятельной жизненной позиции личности⁷.

К особым ритуалам следует отнести наделение именем в обряде крещения, принятом в христианской церковной традиции. Именованье в этом случае также сигнализирует о некоем переходе: оно наполняется смыслом приобщения к вере и расценивается церковью как первый шаг на пути обретения духовных ценностей религии.

Современное православие сохраняет эту трактовку, ср.: «Освящение имени человека особой молитвой о нем в Духе Святом освобождает человека от влияния природных, более грубых энергий и дает возможность выйти на новый уровень духовного развития. С этого момента его имя несет связь с иными, исходящими от Бога, а не от человека, энергиями, что изменяет весь настрой личности» [Мумриков 1995: 38]. Иной церковный ритуал – принятие монашеского сана – неизменно сопровождается актом замены имени, это действие призвано быть знаком разрыва связей человека с миром и полного посвящения его жизни делу религиозного служения.

В целом мена имени при переходе человека в другую возрастную категорию, модификация первичного

⁷ У китайцев в настоящее время еще принято в раннем возрасте давать ребенку «молочное имя» (*жу-мин*, или *сяо-мин*), которое употребляется в семье, а уже по достижении совершеннолетия китаец получает официальное имя (*мин*), которое сопутствует ему до самой смерти. Особое детское имя («рисовое имя») сохраняется до совершеннолетия у синегалов, сменяющее его имя официальное свидетельствует о получении человеком социальных «полномочий» полноправного члена общества.

антропонима или переименование при изменении социального статуса имеют общее смысловое основание: они косвенно свидетельствуют о приобретении человеком новой социальной роли, новых обязанностей и ответственности. Имя выступает сигналом произошедшего изменения, но способность его к выполнению этой функции обусловлена сложившимися стереотипами восприятия, интерпретирующими знак в качестве маркера, или указателя на состояния, которые принципиально значимы для социума.

Подведем итог эскизному обсуждению нашей темы. Социальная семантика пронизывает весь объем имени собственного. Исходная точка для ее формирования лежит в когнитивном основании знака, призванного по своей основной языковой функции выделять индивидуума как члена сообщества.

Социальная семантика может транслироваться внутренней формой имени, его мотивировочным значением, если имя создается в ходе словообразовательной деятельности. Она воплощается средствами служебных морфем и близких к ним дополнительных индикаторов, несущих указание на социальный статус человека.

Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990.

Терещенко Н.М. Собственные имена людей у ненцев // Вопросы советского финно-угроведения. Вып.3. – М., 1965.

Системы личных имен у народов мира. – М., 1989.

Болховитинов Е.А. О личных собственных именах у Славеноруссов // Вестник Европы. М., 1813, ч. LXX, №13.

Полякова Е.Н. Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII-XVIII веков // Ономастика в кругу гуманитарных наук. – Екатеринбург, 2005.

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Б.-О. Унбегаун «Русские фамилии». – М., 1995.

Мумриков отец Александр Что в имени твоём // Наука и религия. 1995. № 5.

©Голомидова М.В., 2009

Т.А.Гридина, Н.И.Коновалова
Екатеринбург

Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные

Зооморфная метафора относится к разряду межъязыковых универсалий. Всеобщая анимизация как одна из ранних форм мифологического сознания проявляется в частности во взаимном приписывании свойств человека животному и, наоборот, — свойств животного человеку. Утратив исходные мифологические основания, зооморфная «аналогия» закрепляется в качестве техники образной номинации во всех языковых картинах мира. Однако «...в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем... Сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 20].

Применительно к задачам сравнительно-сопоставительного (лингвокультурологического и когнитивного) исследования особенностей национального сознания, воплощенного в метафорических зооморфных номинациях, представляется релевантным определение стереотипа как «некоего устойчивого, минимизированно-инвариантного, обусловленного национально-культурной спецификой представления о предмете или о ситуации. Причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место — неважно, в реальной или "виртуальной" действительности — и впоследствии приобретших статус "прецедента", но о предмете или ситуации, так сказать, "вообще"» [Брилева и др. 2004: 19].

Национально-культурные стереотипы в сфере образных номинаций могут быть выявлены на основе компонентного анализа словарных дефиниций, фиксирующих типовые символические значения сопоставляемых единиц (в частности зооморфизмов) в разных языках. Однако результаты такого анализа, безусловно, нуждаются в верификации в опоре на психологическую реальность значения слова в сознании конкретных представителей определённой лингвокультуры.

Психологическая реальность значения как достояние общественного и индивидуального сознания описывается, как известно, набором (совокупностью) ассоциативных реакций, соотносительных с тем или иным словом, который может быть выявлен при использовании психолингвистических методов свободного и направленного ассоциативного экспериментов. Доминирующие в сознании носителей того или иного языка символические смыслы зооморфизмов должны соответствовать неким ассоциативным стереотипам, имеющим динамический характер (см. об этом в: [Гридина 1996]), варьирующимся в зависимости социального,

возрастного, гендерного, профессионального статуса говорящих. Эта вариативность распространяется и на национально-культурные компоненты, закреплённые в фоновой семантике лексических единиц, по-разному оценочно маркированных и у разных этносов.

При постановке психолингвистического эксперимента, целью которого была верификация полученной путем словарного анализа выборки символических смыслов зооморфизмов в русском и турецком языках, мы исходили из гипотезы, согласно которой в основе значений зооморфных метафор, характеризующих человека, лежат *ассоциативные стереотипы*, обусловленные этнокультурной оценкой зооморфного образа.

Для проверки этой гипотезы респондентам (русским и турецким студентам – по 20 человек в каждой группе⁸) предлагалось дать название животного, «образ» которого соответствует, по их представлениям, содержанию сравнительной конструкции, характеризующей определённые свойства человека. Таким образом, информанты должны были спонтанно соотнести предъявленную когницию с соответствующей зооморфной номинацией. Ср.: например, *хитрый* как...; *коварный* как..., *сильный*, как ...; *ходит как...* и т.п. (всего 17 стимульных конструкций). В составе этих конструкций были «заданы» стереотипные метафорические смыслы зооморфных номинаций, отмеченные нами в словарях русского и турецкого языков, а также в лингвокультурологическом словаре «Русское языковое пространство» (см. [Брилёва, Вольская и др. 2004]). Стереотипизация таких смыслов с неизбежностью проявляется, с одной стороны, в наиболее частотных

⁸ Экспериментальная выборка по группе турецких студентов выполнена под нашим руководством аспирантом (ныне кандидатом филологических наук) И.Устуньером.

реакциях на заданные зооморфные стимулы (например, лиса – *хитрая*, волк – *злобный* и т.п.); с другой стороны, предъявление определённого символического значения зооморфизма (типичной ассоциативной реакции на него) в составе сравнительной конструкции может «вызывать» сам стимул (хитрый как... – *лиса*, злобный, как... – *волк*). Направление ассоциативного поиска от реакции к стимулу должно было, таким образом, подтвердить стереотипность реакции, с одной стороны, и дополнить данные словарных дефиниций зооморфных метафор, с другой стороны. Полученные от русских респондентов ассоциаты (зооморфные номинации) сравнивались с данными «Русского ассоциативного словаря (далее – РАС). Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка» [Караулов 1996].

Результаты эксперимента с индексом частотности и соответствующими комментариями даны в приведенных ниже сравнительных таблицах:

Ходит как ... (о неуклюжем человеке)	
Медведь – 5 (в РАС на данное слово отмечены ассоциаты <i>косопалый</i> –11, <i>неуклюжий</i> –2); павлин – 4, слон – 3, цапля – 2. Страус, гусь, лошадь дрессированная, лиса, баран, петух	Eşek (ишак) - 10 Çağanöz (краб) - 6 (ходит вразвалку)

Данная сравнительная конструкция задает «зооморфную» характеристику человека по особенностям его походки. Стереотипным зооморфным символом неуклюжести в сознании русских выступает номинация *медведь* (ср. ассоциаты *косопалый*, *неуклюжий*, отмеченные в РАС на данный стимул). Этот стереотип

нашел отражение и в реакциях русских респондентов (по частотности предъявления в эксперименте зооморфизм *медведь* получает ядерный статус). В зоне периферии у русских студентов оказались зооморфизмы с коннотацией «тяжелый» или «нелепый, смешной» (о походке). Ср. *павлин, гусь, петух* – ассоциаты, актуализирующие признак *ходить вперевалку*; *слон* – признак *тяжело ступать*; *цапля, страус* – *ходить, высоко поднимая ноги*; дрессированная лошадь – *об искусственной (раскачивающейся) походке* и т.п. В реакциях турецких респондентов символика «неуклюжести» репрезентирована зооморфными ассоциатами *ишак* и *краб*. Комментарий испытуемого к слову *краб* фиксирует признак «ходит вразвалку» (как известно, при передвижении краб, как и рак, пятится назад); для зооморфизма *ишак* актуальной оказывается характеристика животного как упрямого, непослушного, упирающегося («спотыкающегося», «присаживающегося на задние ноги», «нехотя волочащего ноги по земле»).

Глупый как...	
Осел – 3 (ср. в РАС ассоциаты <i>глупый, дурак</i> – 8; <i>безмозглый, тупой</i> – 6; <i>глуп, глупый человек, человек, это не я</i>), курица – 3, баран – 2, мартышка, медведь, попугай, заяц, дятел В РАС на стимул <i>глупый</i> приведены реакции <i>осел</i> – 8, <i>индюк</i> – 2, <i>попугай</i> – 2, <i>гусь, котенок, птица, щенок</i> . На стимул <i>глупая</i> – ассоциаты <i>собака</i> – 4; <i>гусыня, корова,</i>	Kaz (гусь) 7 Öküz (бык) - 3 Sığır (скот) - 3 Keçi (коза) - 3 Angit (огарь) – «красная утка» - 2 (передвигается, не глядя по сторонам, без видимой необходимости изменяя направление движения. Panda (панда) - 1 Kuş (птица) - 1 Hindi (индюк) - 1 Koyun (баран) - 1

<i>утка – 2; ворона, как корова, кошка, мышь, овца, птица, свинья. На стимул глупый человек – ассоциат осел.</i>	
---	--

Как видно из полученных реакций на заданный стимул, значение «глупый человек» у русских стойко ассоциируется с образом «осла» (животное, не понимающее, что от него хотят, *упрямое, непослушное*). Символика других зооморфизмов данного поля маркирована иными оценочными векторами «глупости»: баран – *медлительность, непонимание* (ср.: *установился как баран на новые ворота*); мартышка – *кривляние*; попугай – *передразнивание, подражание, механическое повторение*; дятел – *однообразное долбление*, медведь – *длительное пребывание в спячке* (ср. также переносный смысл выражения *медвежья берлога*); ворона – *любопытство, громкое карканье, нахальство* и т.п.), мышь – *недогадливость* (попадает в мышеловку, поддается на приманку). *Глупость* приписывается в целом женским особям животных и птиц: гусыня, корова, свинья, курица (ср.: *курица не птица, баба не человек*), овца и т.п., а также незрелым особям животных (котенок, щенок).

В турецком языке (судя по реакциям турецких респондентов) коннотация «глупости» актуализирована образами *гуся, утки* (ср. русское *гусыня*), *индюка* (надутый внешний вид), вообще *любой птицы*; *скота* (ср. русское *скотина безмозглая*), *быка* (негибкость ума, ср. поведение быка, идущего напролом), *козы, барана* (животных с остекленелым, как бы застывшим, тупым, взглядом), *панды* (очевидно, по особенностям поведения, присущей панде лени и безразличию ко всему окружающему). В целом можно отметить корреляции турецких и русских зооморфных метафор, маркирующих признак «глупость» как характеристику человека, однако мотивация этой модели имеет национально-специфические нюансы,

связанные с акцентированием оцениваемых свойств животных и птиц в соответствии с их значимостью в культуре каждого народа.

Тупой как ...	
Осел – 5 Баран – 3 Индюк – 2 Бык – 2 Курица, петух, тюлень, обезьяна. В РАС отмечены следующие стимулы, вызывающие реакцию <i>тупой</i> : осел – 6; индюк-2; бык, козел, скот. Ср.там же: индюк – надутый-11, важный-3, глупый, тупой –2; бык – упрямый –3, тупой , упертый; козел – дурак – 4, тупой ; скот – тупой ; скотина – безмозглая , бессловесная, тупая .	Angit (огарь) – красная утка - 6 Kaz (гусь) -5 Davar (мелкий рогатый скот – общее название овец и коз, стада овец либо коз) - 4 İnek (корова) – 2 (ассоциируют тупого человека с коровой, когда хотят подчеркнуть, что можно достичь того же результата меньшими усилиями) Öküz (бык) -1 Kötebek (крот) -1 Ayı (медведь) –1

Ядерным маркером *тупости* (как и *глупости*) применительно к образной характеристике человека выступает у русских зооморфизм **осел** (здесь акцентируется, очевидно, признак «крайне упрямый», без всякой видимой причины отказывающийся подчиняться хозяину). Зооморфизмы зоны ближней периферии акцентируют иные аспекты «тупости»: *напыщенный вид* индюка метафорически осмысливается как самомнение глупого человека (ср.: *индюк думал, думал, да в суп попал*); особенности поведения петуха (*кичливая походка, громкое кукареканье*) метафорически осмысливаются как недостаток ума; ср. *кудахчет, как курица* (о болтливой и глупой

женщине; ср. также фразему *куриные мозги*); бык упрямым (упрямство ассоциируется с тупостью), тюлень малоподвижен (безразличие ко всему – основание для негативной оценки интеллекта) и т.п. В турецком языке явно преобладает «птичья» метафора (тупость приписывается утке, гусю) и зооморфные метафоры, уподобляющие тупого человека стадному животному.

Заметим, что реакции на стимулы *глупый, тупой* выявляют синонимию зооморфных ассоциативных стереотипов (вариативные номинации) в каждом из сопоставляемых языков с учётом соответствующих лингвокультурологических «акцентов».

Покорный как...	
Овечка (овца) - 5 (Ср. в РАС: овца - беззащитная, безрогая, стриженная, стричь). Собака – 4 (Ср. в РАС: друг-5, верная, на поводке, сторожит, цепь), осел (ср. в РАС – ишак, трудолюбие), теленок (ср. отдать тельца на заклание)	Коюн (баран) – 8 Kuzu (ягненок, барашек) - 7 Tavuk (курица) - 2 Kedi (кошка) – 2 Panda (панда) - 1

Направление ассоциирования в русском и турецком языках задано в данном случае оценочными стереотипами восприятия образа животного как маркирующего соответствующий аспект представления о покорности. Ядерным ассоциативно-оценочным маркером безропотности, кротости у русских респондентов выступает зооморфизм **овца / овечка** (*дает себя остричь, не имеет рогов*), **собака** - символ преданности и послушания (*сторожит дом, сидит на цепи, ходит на поводке*); зооморфизмы **осел, ишак** актуализируют коннотации принудительного послушания, подневольного труда (*животные используются для перевозки тяжелого*

груза), **телен**ок - *беззащитность* и (как прецедентный смысл) *жертвенность*.

В реакциях турецких респондентов в качестве символа покорности выступает зооморфизм **Koyun** «баран» (в отличие от русского языка, где данный зооморфный символ маркирует *глупость*, а символом кротости и покорности выступает *овца*), ср. также **kuzu** «ягненок, барашек» (с коннотацией незрелого существа и кротости). На периферии метафорического выражения коннотации «покорности» находятся зооморфизмы **Tavuk** (курица «домашняя птица»), **Kedi** (кошка «домашнее животное») и **Panda** (панда «*небольшой по размерам медведь, не проявляющий агрессии*»).

Сильный как...	
Лев – 8	Aslan (лев) –8
Бык – 6	Aygir (жеребец) – 6
Тигр – 4	Ayı (медведь) -3
Слон – 3	Öküz (бык) -2
Муравей, буйвол, вол.	Boğa (телец) -1
Реакция <i>сильный</i> дана в РАС на стимулы <i>медведь</i> – 2; <i>крокодил, тигр</i> .	

Состав полученных на данный стимул ассоциатов показывает, что в ядре зооморфных номинаций *силы* человека закономерно оказываются лексемы, обозначающие диких или домашних животных крупных размеров, как хищников, так и травоядных, способных к проявлению агрессии: **лев** (царь зверей), **тигр** (см. РАС: *хищник, лев, мощный, большой, кровожадный, сильный*), **слон** (см. РАС: *большой, огромный, гора, любящий огромные нагрузки, толстый, топтать* и др. ассоциаты, коррелирующие с признаком *сильный*); **бык**, (*большой, свирепый, большие рога, бычара, вол, здоровенный,*

здоровый, массивный, огромный, опасность, сила, слон, страшный – см. РАС); **медведь** (ассоциаты в РАС: большой, **сильный**, страшный, огромный и **сильный, сила**). **Вол**, **буйвол** (ср. фраземы: *сильный как вол, буйвол*); **крокодил** (РАС: *зубастый, страшный, зубы, гигантский, длинный, людоед, убийца, хищник, **сильный***). Реакция **муравей** отражает коннотации *«выносливый, способный переносить на себе предметы, иногда значительно превышающие его размеры»*. В турецком языке (по данным эксперимента) признак силы наиболее жестко связан с зооморфизмом **лев** (что совпадает с ядерным элементом данного ассоциативного поля в русском языке), а также с зооморфной метафорой **жеребец** (*«молодой сильный самец лошади»*, ср. оценку коня по его силе и выносливости, актуальную в частности для кочевых народов). Ср. также: **бык**, **телец** (молодой бык) – символы силы и выносливости.

Здоровый как...	
Бык – 6	Canavar (хищник) – 8
Медведь – 3	Aslan (лев) – 5
Лев – 2	At (лошадь) - 3
Лошадь – 2	Eşek (ишак) – 1
Орел, кабан, бегемот, корова,	Koç (баран)- 1
тигр, слон, лось, буйвол	Ayı (медведь) - 1
В РАС реакция <i>здоровый</i>	Hayvan (животное) -1
отмечена также на следующие	
зооморфные номинации: бык,	
горилла, мамонт	

Понятие о здоровом человеке у русских информантов ассоциативно коррелирует с признаками «выносливости» (например, как у **лошади**), «силы» (как у **слона, медведя, льва, тигра, лося, быка, буйвола, кабана**), «крупного телосложения» (ср. **корова, бегемот** как

отрицательные маркеры чрезмерной полноты и неуклюжести мужчины или женщины и те же номинации в функции положительной оценки здоровья); «способности до глубокой старости сохранять бодрость» (как **орел**) и т.п. У турецких информантов наиболее частотным ассоциатом оказалось *родовое наименование хищного зверя*, в то время как у русских символика здоровья представлена конкретными зооморфными образами хищников (у турков это только **лев** и **медведь**); **лошадь** – зооморфизм, актуальный для указания на здоровье (ср. *лошадиное здоровье*), **ишак**, **баран** – зооморфизмы с коннотацией выносливости. Кроме того, в турецком языке актуализировано представление о хорошем здоровье человека как *сходном со здоровьем животного* (ассоциация с родовым наименованием **Hayvan** «животное»).

Упрямый как...	
Осел (ишак) – 10	Keçi (коза) - 9
Баран – 8	Eşek (ишак) –6
Козел, корова	Katır (мул) - 4
В РАС: упрямый – осел (10), бык (3); там же: осел - упрямый (11), козел (4), ишак (2). Ср. Бык-упрямый (3), упертый.	Deve kuşu (страус) – отрицает очевидное – 1

Стереотипными обозначениями *упрямства* в обоих языках являются зооморфные метафоры **осел**, **ишак**. В зоне ближней периферии находятся зооморфизмы **баран**, **бык**, **корова**, **козел** (у русских) и **коза**, **мул** (у турков). Все перечисленные метафоры актуализируют представление о норове парнокопытных домашних животных. Специфической в данном ряду и характерной для турецкого языка выступает метафора **страус**, где актуализировано знание о том, что эта птица зарывает

голову в песок, чтобы ничего не видеть (буквально «отрицает очевидное», с упрямством не хочет признавать, замечать угрозу). В русском языке данный зооморфный образ выступает символом трусости.

Большой как...	
Слон – 12	Ау1 (медведь) – 6
Медведь – 3	At (лошадь) – 4
Бегемот – 3	(только о женщине)
Жираф – 2	Коç (баран) – 3
Кит, лошадь, аист	Balina (кит) – 3
Ср. в РАС: <i>большой</i> – слон (33),	Aygır (жеребец) – 1
живот (24), кит (14), вес (9),	Deve (верблюд) – 1
объем (4), мамонт, медведь,	Babaç (самый
могучий (3), верблюд, олень,	крупный самец
гусь, индюк. Там же: <i>слон</i> –	домашней птицы) – 1
мамонт (8), громадный (3);	Dinizor (динозавр) – 1
<i>медведь</i> – могучий (1); бегемот	
– толстый (2); <i>лошадь</i> – кобыла	
(14), большая (3).	

В основе зооморфных метафор, характеризующих человека по признаку его крупного телосложения, лежат соответствующие оценочно маркированные признаки внешнего вида *крупных* животных (*большой вес, объем, рост*): у **русских** символикой характеристики *рослого, часто чрезмерно полного* человека наделены зооморфизмы **слон** (*самое крупное травоядное животное*), **медведь** (*крупный хищник*), **бегемот** (*крупное животное, имеющее большой вес*); ассоциат **кит**, полученный в эксперименте, представляет собой частную реализацию той же модели по отношению к человеку большого роста и веса; для характеристики *высокого худого* человека используется зооморфизм **жираф** (животное с длинной шеей: в РАС у данного слова не зафиксировано ассоциата *большой*, хотя

для разговорного узуса эта связь актуальна, ср.: *Жираф большой - ему видней* (В.Высоцкий): на периферии – наименования птиц, имеющих длинные ноги (**аист, журавль**) – чаще такие номинации у русских характеризуют, однако, не рост, а особенности походки высокого человека (*с длинными ногами*). У турецких информантов в роли образного идентификатора признака «*большой*» наиболее частотным оказался зооморфизм **медведь**; зооморфизм **лошадь** маркирует отрицательное отношение к внешнему виду *излишне высокой и крупной женщины* (той же коннотацией наделен данный зооморфный образ и у русских, ср. *тетя-лошадь*, употребляемое в шутливо-ироническом или в уничижительном смысле в разговорной и часто в детской речи как дразнилка). В отличие от русского языка, в турецком в качестве зооморфизмов-носителей признака «*большой*» выступают названия самцов домашних животных (**баран, жеребец, верблюд**) и птицы (см.: **Babaç** – самый крупный самец домашней птицы). У русских в этом смысле употребляется только **жеребец** – о крупном молодом мужчине. Ср. **верблюд** - у русских обозначение высокого или сутулого человека. Зооморфизм **динозавр**, отмеченный у турецких информантов, является одним из периферийных идентификаторов признаков «*большой*», «*крупный*», «*тяжелый*».

Выносливый как...	
Лошадь – 4	Kedi (кошка) – 10
Слон – 3	(турки говорят, что у кошки 9 душ)
Вол – 2	Katir (мул) – 8
Собака – 2	Ayı (медведь) - 2
Буйвол, бык, волк, осел, ишак, муравей, пантера, леопард, тигр, кошка	

У русских зооморфизмов символика выносливости связана, прежде всего, с представлением о способности животных *выносить большие физические нагрузки (лошадь, ишак, осел)*, их *силе (слон, вол, бык)*, *способности диких животных к выживанию* благодаря их *силе и ловкости (пантера, леопард, тигр)*, образе жизни насекомых (например, *трудолюбии и выносливости муравья*). Зооморфизмы **собака** и **кошка** метафорически указывают на человека, способного легко переносить болезни, зализывать собственные раны (ср. русские фраземы: *заживет, как на собаке, на кошке*) и приспособляться к жизненным обстоятельствам). У турков стереотипными зооморфными символами *выносливости* являются **кошка** (что, вероятно, поддержано религиозными, сакральными мотивами – см. примечание информанта о наличии у кошки девяти душ), **мул** – тягловое животное; периферия поля представлена зооморфизмом **медведь** (ср. универсальность образа этого животного для указания на ряд качеств человека, в том числе силу).

Усердный как...	
Муравей – 5	Arı (пчела медоносная) -9
Белка –3	Karınca (муравей) - 7
Еж –2	Kaplumbağa (черепаха) - 2
Бобер, крот, пчела	Pire (блоха) –2

Стереотипными зооморфизмами, маркирующими данный признак, являются названия насекомых – **муравей, пчела**. Эти зооморфные образы в составе устойчивых сравнительных оборотов олицетворяют *трудолюбие, вечное движение, постоянную готовность к работе*. Положительное значение этих лексем в составе устойчивых оборотов речи обусловило позитивное отношение к ним на уровне национального сознания в

целом. Отметим, что для русских информантов **пчела** – *периферийный символ усердия*, в то время как для турецких информантов этот ассоциат является самым частотным. Для характеристики *усердия* актуальными у русских оказываются признаки «упорство в добывании пропитания» (**пчела** – *кропотливо собирает цветочную пыльцу*; **белка** – *без устали вылуцивает шишки*, **еж** – *с усердием переносит на своих иголках ягоды, грибы и пр. «снеть»*), «забота об обустройстве собственного жилища» (**бобер** – *устраивает запруды, перегрызая деревья*, **крот** – *роет себе нору*, **муравей** – *терпеливо, по былиночке, собирает муравейник*). У турков к этому ряду подключается зооморфизм **черепаша** (*заботится о выведении потомства, откладывая яйца и зарывая их в песок*). Ср.: *Усердный как блоха* – актуализация признака «мелкий», возможно «назойливый» (ср. *выискивать блох*), вероятнее всего, о дотошном человеке.

Жестокий как...	
Гиена – 7	Ejderha (дракон) - 2
Тигр – 4	Domuz (свинья) – символ всего
Волк – 3	отрицательного (грязная, толстая,
Шакал – 2	здоровая) – общая отрицательная
Лев – 2	оценка).
Змея, оса,	Akbaba (черный гриф), Akrep
коршун, пантера,	(скорпион), Çakal (шакал), Tilki
крокодил	(лиса), Canavar (зверь), Kaplan
	(тигр), Kurt (волк)

В русском языке признак *жестокости* устойчиво метафорически маркирован «образами» хищных животных, рептилий и птиц (**гиена, тигр, волк, шакал, лев, пантера, крокодил, коршун**), ядовитых пресмыкающихся (**змея**) и жалящих насекомых (**оса**). Каждый зооморфизм обладает при этом собственной

символической коннотацией (**гиена**, **шакал** – презрит., *алчность и трусость* – нападают на слабых, *питаются падалью*; **тигр** – *свирепость*, **волк** – *злость*, **лев** – *неотвратимость победы над жертвой*, **крокодил** – коварство, **пантера** – внезапность и скорость нападения, *оса* – нападение как оборона). В турецком языке репертуар зооморфизмов несколько иной: в экспериментальном материале представлено сравнение жестокого человека с родовым зооморфизмом (родовым названием диких животных) – **Canavar** (зверь); среди частных зооморфных метафор, аналогичных русским (**шакал**, **тигр**, **волк**), представлены зооморфизмы **лиса** (у русских символика последнего связана с проявлением *хитрости*, а не *жестокости*), **скорпион** (у русских это, скорее, зооморфное обозначение *внезапной опасности*). Наиболее частотным у турецких информантов оказалось экзотическое для русского языка зооморфное обозначение признака жестокости **Ejderha** («дракон»), в чем можно усмотреть мифологические корни сознания тюркских народов. На втором месте по частотности предъявления оказался ассоциат **Domuz** («свинья»), имеющий в турецком языке значение общей отрицательной оценки, что характерно и для русского языка, однако в русском менталитете символический смысл данного зооморфизма связывается, прежде всего, с проявлениями *нечистоплотности*, *неблагодарности* и т.п., а не *жестокости*. Национально-культурной спецификой обладает зооморфная метафора **Akbaba** (чёрный гриф) – образ хищной птицы, растерзывающей свою добычу, питающейся кровавой пищей, наделяется символикой жестокости (ср. также негативно-оценочную коннотацию *чёрного цвета*, которая в русском языке закреплена в частности за номинацией *чёрный ворон* – «зловещая», *накликающая беду* птица).

Хитрый как...	
Лиса – 10	Tilki (лиса) - 7
Кот – 5	Çakal (шакал) - 5
Змея - 4	Apaç (зрелая самка животного) - 4
Шакал - 2	Tavşan (заяц) - 3
Рысь, тушканчик, крыса, сорока	Atmaca (ястреб) –1

Коннотация *хитрости* у русских и у турков стереотипно связана с зооморфизмом **лиса**. Общим обеих групп информантов является ассоциат **шакал** (правда, с разным индексом частотности; для русских это периферийная, для турков – ядерная ассоциация). Остальные ассоциаты обнаруживают расхождение в образной репрезентации признака *хитрость* в сопоставляемых языках. Для русских типичным словосочетанием является *хитрый, как кот* (с шутливой коннотацией «плут»), хитрость **змеи** сочетается с представлением о ее *коварстве*; периферийные (единичные) ассоциаты связаны с представлением хитрости через признаки, характеризующие особенности поведения животных и птиц: **рысь** – *внезапное нападение*; **тушканчик** – *способность быстро исчезать из поля зрения, скрываться*; **крыса** – *способность проникать во все щели и выбираться из любого лабиринта*; **сорока** – *склонность к воровству*. В турецком языке номинация признака «хитрость» представлена специфическими зооморфизмами: **Apaç** «зрелая самка животного» (*хитрость* отождествляется с *опытностью, зрелостью*), **Tavşan** «заяц» (хитрость связывается со способностью убежать, прятаться), ср. символику зооморфизма *заяц* в русском языке, где то же самое качество отождествляется с трусостью; **Atmaca** «ястреб» – *хитрость* отождествляется со способностью птицы к точному «расчету» (*внезапному, молниеносному поражению цели*).

Маленький как	
Муравей – 7	Pire (блоха) - 7
Воробей - 5	Serçe (воробей) - 5
Котенок – 4	Böcek (насекомое, жук) - 4
Мышонок – 3	Kağa Böcek (черное насекомое) – маленький смуглый человек - 2
Хомячок, ежик,	Bit (вошь) -1
цыпленок, лягушка,	Karınca (муравей) –1
белка, комар, колибри,	
муха, букашка,	
насекомое	

Признак «маленький», выраженный представленными в таблице зооморфизмами, отражает прототипические «образы» животных, с которыми этот признак соотносится в каждом из сопоставляемых языков: это названия мелких животных, насекомых, птиц и их детенышей. Совпадающие прототипические образы - **муравей** (с разным индексом частотности у русских и турецких информантов), **воробей**, насекомые (**жук**, **вошь**, **блоха** – у турецких информантов, **букашка** – у русских). В турецком языке образы насекомых метафорически «нагружены» в большей степени, чем образы животных и птиц (что в частности наблюдается в представленной группе зооморфизмов, полученной на стимул «маленький как...»). У русских информантов, наряду с названиями насекомых (**муха**, **букашка**, **комар**, **муравей**), представлены названия птиц (**воробей**, **колибри**) и целый ряд наименований мелких животных (птиц) и их детенышей (**котенок**, **мышонок**, **хомячок**, **ежик**, **белка**, **цыпленок**).

Злой как...	
Собака – 8	Yılan (змея) - 8
Волк – 4	Akrep (скорпион) - 5
Акула, барс, аллигатор, бык,	Sırtlan (гиена) - 2
комар, дикобраз, шакал, лев,	Karga (ворон) - 2

тигр	Timsah (крокодил) -2 Mikrop (микроб) – 1
------	---

У русских информантов самым частотным ассоциатом выступает зооморфизм **собака**, что, очевидно, связано с представлением о цепной собаке, охраняющей дом (злость собаки, как правило, связывается с пресуппозицией «голодная», «посаженная на цепь»). Остальные зооморфные метафоры основаны на соотнесении признака «злой» с проявлениями агрессии по отношению к человеку (**акула, аллигатор, бык**), способом добывания пищи хищными животными, растерзывающими добычу (**барс, лев, тигр**), внешним видом животных (**шакал** – злобный оскал, **дикобраз** – торчащие во все стороны иглы), проявлением неприятных (болезненных) для человека свойств (**комар** - «зло» кусает). Турецкие студенты отметили в качестве наиболее частотных ассоциатов названия пресмыкающегося и насекомого, обладающих ядовитым укусом (**змея, скорпион**). Интересно замечание информанта, согласно которому «скорпионами называют обеспеченных членов родственного клана, которые не заботятся о своих бедных сородичах, плохо относятся к ним. На Востоке, где живут курды, принято, чтобы девушка выходила замуж за мужчину из родственной семьи курдов, в противном случае ей желают несчастья, нарушительницу закона могут убить. Выражая свое отношение к данному факту проявления «злости», девушка может сравнить своих родственников с семейством скорпионов». Таким образом, символика данного зооморфизма наполняется у турков совершенно конкретным национально-культурным содержанием. Коннотация «злой» приписывается не только зооморфизмам **гиена** (на основе пресуппозиции «нападает на слабых»), **крокодил** (опасен для человека, способен к нападению на него), **ворон** (на основе пресуппозиции

«птица, предвещающая несчастье»), но и **микроб** (очевидно, на основе пресуппозиции «болезнетворный организм»).

Свободолюбивый как...	
Орел – 10	Kuş (птица) – 6
Волк – 4	Kartal (орел) – 5
Кот, кошка – 3	Şahin (сапсан = сокол) – 4
Коршун - 2	Kurt (волк) - 3
Голубь -1	Kedi (кошка – не любит поводок) - 2
Лань - 1	

Стереотипным символом *свободолюбия* (и в русском и турецком языках) выступает зооморфизм **орел** (реализация когниции «птица – полет»). У турецких информантов как наиболее частотный представлен ассоциат **птица** (родовое наименование, соотносительное с коннотацией *свободолюбия*). Номинативный репертуар зооморфизмов, реализующих данный символический смысл, представлен видовыми названиями птиц, *живущих на воле, способных взлетать высоко в небо* (у русских - **коршун, голубь**; у турков - **сапсан**). Другим направлением зооморфного представления признака *свободолюбия* является реализация когниции «дикое животное, не поддающееся приручению» (ср. **волк, лань**). Оценочно маркированным и в русском, и в турецком языках оказывается образ **кошки** (как животного *со своенравным характером, не терпящим подчинения*, ср. примечание турецкого информанта - *не любит поводок* и закрепленное в русском языке выражение *кошка, которая гуляет сама по себе*). Отметим, что большинство приведенных зооморфизмов являются полифункциональными: могут актуализировать и другие символические смыслы (ср. **лань** – *грациозность*, **волк** – *злоба*, **голубь** – *миролюбие*, **кошка** – *ласка* и т.п.).

Зловещий как...	
Ворон – 9	Baykuş (сова) – 8
Змея – 6	(Есть такое пожелание злему, недоброму человеку: <i>«Пусть у тебя дома будет много сов, и пусть они размножаются»</i>)
Шакал – 4	Karga (ворон) – 5
Сова – 2	Kara kedi (черная кошка) – 3
Волк, тигр,	Fare (мышь) – 2
паук, гиена	Örümcek (паук) – 1
	Gese kuşu (ночная птица) – 1

Символика зооморфной метафоры, связанная со *зловещим* образом животного (птицы, насекомого), основана на следующих пресуппозициях: у русских **ворон** – птица, питающаяся падалью – *«предвестник несчастья»*; у турков **сова** – хищная ночная птица, издающая пугающие «ухающие» звуки, что производит зловещее впечатление; ср. также **ворон**). Различие национально-культурных коннотаций зооморфной метафоры **сова** проявляется в актуализации соответствующих признаков: у русских **сова** – стереотипный символ *мудрости*, а коннотация *зловещей ночной птицы* является периферийной; в турецкой зооморфной метафоре **Baykuş** («сова») этот признак, напротив, «подчеркнут», акцентирован. Ср. также **Gese kuşu** («ночная птица») – зооморфная метафора, реализующая пресуппозицию *«ночной – зловещий»*. Названия хищных животных, имеющих *устрашающий, свирепый вид (тигр)*, *питающихся падалью (шакал, гиена, волк)*, *пресмыкающихся, обладающих смертельным укусом (змея)*, **паук** как насекомое, *плетущее паутину для своей будущей жертвы*, **черная кошка** – зооморфный образ, осмысленный в народной сакральной картине мира как *знак неудачи, невезенья, грядущего несчастья*. Ассоциат **мышь**, приведенный турецкими информантами

на стимул «зловещий как...», очевидно, метафорически актуализирует *оценку внешнего вида и агрессивного поведения этих животных* (их способности к *угрожающему размножению*).

Таким образом, сравнение зооморфных метафор в русском и турецком языках (по данным проведенного эксперимента) позволяет судить как об универсальных, так и о специфических аспектах образной характеристики человека, выделяемых на основе прототипических представлений о животном (птице, насекомом и т.п.), соотнесенных с соответствующей номинацией.

Различия в зооморфных метафорах, характеризующих человека в русском и турецком языках, выявляется на нескольких уровнях:

1) **номинативном** – различие в составе номинаций с использованием зооморфного образа для выражения тех или иных аспектов характеристики человека;

2) **семном** – различие в объеме и акцентуации семантики зооморфизма в соответствующем языке (с учетом использования зооморфизма в одном или нескольких символических значениях);

3) **когнитивном** - различие в основаниях для метафоризации (внеязыковых национально-культурных пресуппозициях «разработки» соответствующей символики зооморфизма);

4) **психолингвистическом** - различие между стереотипизированными и индивидуализированными представлениями зооморфного образа в сознании конкретных носителей языка.

Литература

Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус

современного русского языка». Часть II/ Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова». – М., 1996. – [РАС]

Русское культурное пространство:
Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б.Гудков, И.В. Захаренко, В.В.Красных. – М., 2004.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993.

©Гридина Т.А., 2009

©Коновалова Н.И., 2009

Н.В. Данилевская
Пермь

Эмоционально-смысловая доминанта научного дискурса

Функционализм науки XXI века стимулирует развитие речеведческого аспекта исследования языка, актуализирует антропоцентрический подход к языковым фактам. Сегодня идеи Э.Бенвениста о «человеке в языке» и М.Хайдеггера о языке как «доме бытия духа» или «пространстве мысли» стали не просто хрестоматийными метафорами, а в какой-то мере точками отсчета, методологическими принципами исследования для многих лингвистических направлений, в том числе для теории дискурсивного анализа и функциональной стилистики.

При всей самостоятельности этих направлений, их объединяют, по мнению М.Н.Кожиной, а) интерес к динамизму, процессуальной стороне языка, понимание последнего как когнитивно-речевой деятельности, б) представление о детерминации изучаемого объекта экстралингвистическими факторами, в) принцип системности при использовании языковых средств, г) понимание текстов как результата речевой (дискурсивной) деятельности и одновременно как материала исследования этой деятельности, е) междисциплинарный метод анализа языковых явлений [Кожина 2004: 25-30]. Очевидно, что функционально-стилистический анализ текста, предполагающий особое внимание к *динамике* его развертывания, к самому *процессу* воплощения в языковых структурах познавательной деятельности ученого, являет собою одновременно и дискурсивный анализ, поскольку в центре внимания оказывается текст как результат интеллектуально-духовного творчества.

Вообще, текст – это объединяющее понятие, некая *универсальная* категория для теории дискурса и функциональной стилистики. Ср. мнение П.Серио о том, что дискурс – это не просто текст с определенной

содержательно-вербальной структурой, а нечто большее, напоминающее «узор или ткань, сплетенные из отношений-нитей с чем-то внешним, лежащим за пределами текста» [Серио 1999: 379]. Так же, т.е. именно как дискурс (только без использования этого термина) всегда понимала текст и функциональная стилистика. Ср.: «...он [текст] исследуется не только как собственно языковая единица (интралингвистический аспект), но как коммуникативная единица, как единица общения. Для его осмысления, следовательно, недостаточно лишь лингвистических знаний, но необходим учет ситуации общения и целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до широкого экстралингвистического контекста, в котором протекает познавательная-коммуникативная деятельность (как реализация неречевой деятельности)» [Кожина 1995: 39]. Таким образом, изучение текста в рамках обоих направлений осуществляется при четком понимании единства и взаимосвязанности в нем формы и духа (грамматики и мысли), а также при сознательном глубоком проникновении в закономерности коммуникации и следующим отсюда учетом важности интеллектуальных и психических особенностей порождения и восприятия речи.

Вместе с тем сегодня параллельно с терминами *текст* и *дискурс* функционируют термины *интертекст* и *интердискурс*. Под интертекстом обычно понимается «переключки» конкретного («своего») текста с другими («чужими») текстами или диалог различных мнений в рамках одного контекста. Интердискурс представляет собой результат интеграции многих дискурсов; это некоторое пространство для единства многих текстов, соотнесенных содержательно и функционально в едином целом.

Многолетние наблюдения за спецификой текстообразования в научной сфере деятельности

убеждают нас в адекватности рассмотрения научного текста, с одной стороны, как дискурса (учет формальной и содержательно-духовной сторон объекта), с другой стороны, и как интердискурса – некоего непрерывного во времени и пространстве коммуникативного процесса интеллектуально-духовной и культурно-исторической деятельности человека, направленной на объективное описание действительности и объединяющей знание об этой действительности в единую систему научных ценностей.

Итак, исследование динамики текстообразования в научном общении с неизбежностью, как кажется, предполагает выход далеко за рамки собственно текста – в область интеллектуально-эмоциональной деятельности, когда научное познание становится «напряжением духа». При этом степень влияния иррациональной сферы познания на рациональную достаточно велика, что объясняется самой природой науки служить поиску объективных истин. Последние, как известно, не могут быть результатом массовой деятельности. Следовательно, в поиске и обосновании нового научного знания достаточно большую роль должна играть *эмоциональная*, т.е. *оценочная* сфера мышления. Условно назовем этот текстообразующий феномен *познавательной оценкой*.

Под познавательной оценкой понимается сознательный выбор автором текста определенного познавательного действия и определенных языковых и речевых средств его текстуализации с целью осуществления адекватного обоснования нового знания в каждый конкретный момент познавательной речемыслительной деятельности [Данилевская 2005]. Познавательная оценка (далее – ПО) сопутствует эвристическому процессу на всех его этапах, находясь в начале (в основе) всякого интеллектуального действия. Однако важно, что сама текстуализация познавательного процесса осуществляется ученым не

только ради познания как такового, но и ради предполагаемого читателя. Ср.в связи со сказанным мнение философов о том, что в основе формирования *нового знания как научной ценности* лежит операция оценивания, ибо, не поняв, как это сделано, невозможно объяснить, что это такое [Славин 1976: 91; Петров 1992: 153; Ким, Блажевич 1998: 38 и др.]. Применительно к нашей теории операцию оценивания целесообразно трактовать как познавательную оценку, объединяя в этом понятии два плана научного познания – интеллектуальный (когнитивный) и эмоциональный (психический).

Именно познавательная оценка помогает объяснить и описать закономерности научного текста с точки зрения динамики его формирования; именно понятие познавательной оценки подтверждает мнение психологов о важной роли «сферы аффекта» в смыслоформировании. Так, по мнению С.Л.Рубинштейна, «эмоциональные процессы... никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние, друг друга исключающие противоположности. Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [Рубинштейн 1989: 141]. Это положение разделяют большинство отечественных психологов, психолингвистов и языковедов [см.: Выготский 1996; А.Н.Леонтьев 1971; Вольф 2002; Лукьянова 1986; Фрумкина 1990; Телия 1991 и др.]. Более того, эмоциональное, собственно субъективное начало познания (в рамках которого лежит и оценка) активизирует ментальные действия, ориентирует их протекание в определенном направлении, а следовательно, принимает непосредственное участие в формировании смысла текста и самого нового знания [Жинкин 1998: 90-92; Леонтьев 1979: 26-30; Пищальникова 1992: 15-21 и др.], т.е. выполняет текстобразующую функцию.

Таким образом, в основе ПО (авторского выбора того или иного познавательного действия) лежат две интенции: 1) направленность автора на реализацию *содержательно* адекватного научного диалога и 2) направленность на реализацию *коммуникативно* адекватного научного диалога. Эти две интенции познания составляют два плана ПО – *когнитивный*, указывающий на связь с рациональной областью познания, и *эмотивный*, указывающий на связь с эмоционально-психической областью познания.

Когнитивный и эмотивный варианты ПО (или когнитивная оценка и эмотивная оценка) в рамках креативной научной деятельности взаимосвязаны и неразрывны, предполагают друг друга. При этом эмотивная оценка оказывается, не менее важной, чем первая, что объясняется сложностью научного знания и стремлением автора текста изложить свою концепцию не только более просто, доступно для читателя, но и (насколько это допустимо в научном стиле) более образно, даже выразительно.

Мы считаем, что благодаря эмотивной оценке рациональные мыслительные (когнитивные) действия автора получают психологическую корректировку и предстают в тексте в более отточенном, выверенном варианте. Можно сказать, что эмотивный план оценки выступает по отношению к когнитивной деятельности автора в качестве дополнительного (но не менее важного!) смысло-и текстоорганизующего механизма. Более того, по мнению А.А.Леонтьева, А.Р.Лурии, С.Д.Смирнова и других ученых, начало понимания смысла высказывания лежит именно в сфере аффекта, и, только проходя через эту сферу, понимание оказывается достоянием интеллекта [Леонтьев 2001; Лурия 1979; Смирнов 1985 и др.]. А.В.Кинцель, например, говорит о наличии в любом тексте своей эмоциональной доминанты, «выступающей единственным представителем процессов мотивации»,

репрезентированной в тексте различными языковыми средствами и выполняющей в нем функцию «текстообразующего фактора» [Кинцель 2000: 36-42].

Исходя из всего сказанного, можно говорить об эвристической деятельности именно как о деятельности познавательно-оценочной. Если онтология научного текста, образно говоря, отвечает на вопрос «что?», методология – на вопросы «как?», «каким образом?», то аксиология (в том числе оценка), в отличие от двух первых, в общем, статических планов, – на вопросы «почему?» (в смысле «удовлетворяет или не удовлетворяет предшествующее знание новой точке зрения») и «куда?» (в смысле «направление движения в процессе познания»), т.е. именно осуществляет динамику познания и ее направление. Оценка, по мнению М.Н.Кожиной, – это и стимул, и «горючее» познавательного процесса и текстообразования в научной сфере [Кожина 2004: 68].

Итак, пронизывая все планы познания, оценка является несомненным фактором текстообразования. Она принимает активное участие в формировании и выражении нового научного знания. В конкретном смысловом развертывании познавательная оценка выполняет разные функции (см. подробно: [Данилевская 2005]), в том числе и функцию выразительную. Однако применительно к научному дискурсу речевая выразительность носит специфический характер: принимая непосредственное участие в динамике экспликации *нового* знания, выразительность предстает в качестве интеллектуальной экспрессии.

Интеллектуальная экспрессия – это отраженный в тексте авторский поиск как самого нового знания, так и способов его наиболее адекватного языкового оформления. Иначе говоря, это фрагменты текста, фиксирующие, с одной стороны, напряженность интеллектуальной

(когнитивной) деятельности ученого, т.е. деятельности, направленной на обоснование нового знания, причинно-следственных связей между его компонентами; с другой стороны – напряженность эмоционально-духовной (эмотивной) деятельности автора, направленной на убеждение читателя в истинности впервые выражаемого (нового) научного знания.

Обычно интеллектуальной экспрессии соответствуют фрагменты дискурса, организованные по принципу содержательного уплотнения. В таких фрагментах наблюдается концентрация нескольких познавательных действий собственно когнитивного (различного рода уточнения, пояснения, конкретизации, обобщения, причинно-следственные, следственно-выводные высказывания и др.) и эмотивного характера. Под последними имеются в виду высказывания, в оформлении которых принимают участие эмоционально-оценочные и экспрессивные средства.

Признание важной роли интеллектуальной экспрессии в динамике научного познания и его экспликации свидетельствует, на наш взгляд, о том, что речемыслительная шлифовка нового осуществляется на основе не только строго логического развития мысли, но и эмоционально-экспрессивного речеведения. Чем большее количество тех или иных познавательных действий наблюдаем в определенном смысловом фрагменте, тем более четко проступает в нем позиция самого автора. Следовательно, содержательные компоненты научного знания материализуются в тексте сквозь сетку психической познавательно-оценочной деятельности автора. Смысловая структура относительно законченного высказывания оказывается оформленной тогда, когда заключенная в нем мысль подвергается и когнитивной, и чувственной оценке со стороны исследователя. Таким образом, эмоционально-

экспрессивное речеведение — это вспомогательный (по отношению к логико-смысловому), но неотъемлемый механизм обоснования научного знания. Посредством действия этого механизма онтологическое поле научного знания приобретает логическую, композиционную и коммуникативную завершенность.

Рассмотрим, фрагмент из философского текста, выделив средства, выражающие познавательную оценку:

Не отрицая того, что в монографии... содержится интересный анализ ряда актуальных аспектов... мы считаем, что предполагаемая ими трактовка категории идеального является в большинстве случаев некорректной. Эта некорректность проистекает из-за того, что не выдерживается логическое отличие категории идеального от категории материального. В самом деле: что означает “внепсихическая, но несубстанциальная реальность”, в качестве которой, по словам авторов, выступает идеальное? Если “несубстанциальная реальность” означает нематериальное, т.е. не является объективной реальностью, то каким образом, соблюдая элементарные правила логики, ее можно считать внепсихической, а следовательно, качественно иной, чем наше сознание? Когда же утверждается, что идеальное существует “как общественная форма опредмеченных общественных отношений”, как “овеществленный образ”, то это вызывает опять-таки серьезные недоразумения, ибо всякая “общественная форма опредмеченных общественных отношений”, всякий “овеществленный образ” есть объективная реальность, социальная объективная реальность, и ни в коем случае не могут быть названы “несубстанциальной реальностью”, если под субстанцией понимается материя, а не что-то другое (“вещество”, “субстрат”, некое природное физическое основание...) [Разрядка

автора. – Н.Д.].

Здесь все изложение буквально пронизано средствами когнитивной (см. уточнения, пояснения, объяснения, причинно-следственные и следственно-выводные отношения между фразами и др.) и эмотивной (такие экспрессивы, как ‘в большинстве случаев’, ‘ни в коем случае’, ‘опять таки’, ‘серьезные недоразумения’, усилительные частицы, противительно-сопоставительные союзы и др.) оценок. К числу переходных случаев можно отнести графическое выделение и вопросо-ответные комплексы, выполняющие в научном дискурсе двойную функцию – «смысло-усилительную». Весь этот комплекс познавательного-оценочных действий, обрамляя содержание знания, способствуют его более четкому, точному и вместе с тем более эффектному выражению в тексте, а следовательно, и более адекватному пониманию его читателем.

Еще пример, из лингвистического текста:

Как известно, для оптимизации процесса обучения, даже при наличии хорошего учебника, преподавателю необходимо привлекать и другие (и весьма многочисленные) средства обучения, с которыми учебник, образуя ядро учебно-методического книжного комплекса, тесно связан.

Здесь выражения *необходимо привлекать* [1], *весьма, многочисленные* [2], *ядро комплекса* [3], *тесно связан* [4] содержат экспрессивное значение. Это модальная окраска необходимости, определенной категоричности утверждения [словосочетания 1, 2, 4]; оценка, усиливающая представление о большом объеме [2]; образности [3]. В контексте нормативной для научной речи общей безэмоциональности подобные словосочетания явно коннотативны. Кроме того, в приведенном предложении можно выделить и структурно значимые риторические

компоненты, среди которых: *как известно* – типичное для научного языка стереотипное сочетание, выполняющее сразу несколько функций: сцепления смысловых звеньев логической цепочки (функция инtratекстового диалогового стыка), апелляции к научной картине мира читателя (функция активизации общих с автором пресуппозиций), сигнализации о констатации известных в науке фактах; *даже при наличии хорошего учебника* – присоединительная конструкция, в контексте предложения имеющая значение акцента на мысли о необходимости сочетания разных методических и дидактических материалов в процессе обучения; *и весьма многочисленные* – вставная конструкция такого же акцентирующего характера; более свойственный экспрессивным типам языка деепричастный оборот *образуя ядро учебно-методического книжного комплекса* нарушает строго последовательное развитие мысли, усиливая значение второго, сопутствующего действия, как бы образуя при этом второй смысловой центр высказывания. Без указанных средств экспрессии данное предложение могло бы выглядеть так: *Для оптимизации процесса обучения преподаватель должен пользоваться учебником и дополнительной литературой. Основное методическое средство обучения – учебник.*

В качестве риторически маркированных структур в научном тексте предстают и фрагменты, включающие в свой состав сразу несколько оборотов с уточняюще-разъясняющей семантикой (уточняющие, поясняющие, присоединительные, а также другие обособленные обороты с обстоятельственным значением). При этом риторичность таких фрагментов создается именно благодаря их насыщенности лексемами и сочетаниями с общим значением смысловой конкретизации. Ср. (сочетания с уточняюще-разъясняющим значением подчеркнуты, уточнения внутри уточнений выделены полужирным

шрифтом):

Говоря о языковых единицах как системах, мы имеем в виду целостные объекты (лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции), представляющие собой упорядоченные множества содержательных элементов (с соотношениями и связями между ними, т.е. с определенной структурой плана содержания), соотнесенные с множеством элементов формального выражения (таким образом, речь идет о двусторонних — содержательно-формальных — единицах).

Как видно, интеллектуальная экспрессия реализуется в научном тексте как выбор автором не одного, а нескольких познавательных действий в процессе обоснования какого-либо компонента знания. Иначе говоря, плотность знания, или моменты «сгущения» познавательно-оценочных действий, есть показатель интеллектуальной экспрессии научного изложения.

Закономерно, что М.Н.Кожина находит естественным «вторжение» в нормативные для научного стиля отвлеченно-обобщенность и строгую логичность своеобразной экспрессивности, эмоциональности и даже образности, без которых научная речь не достигала бы своей цели, а автор не убедил бы читателя в истинности своих взглядов. «Очевидно, под экспрессивностью научной речи следует понимать такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» [Кожина 1993: 167]. Не случайно среди разнообразных языковых средств научной экспрессии исследователь выделяет специфическую для научного текста точность изложения, называя ее интеллектуальной экспрессией [там же, с. 168]. Понятие интеллектуальной экспрессии помогает осмыслить особенности риторической организации содержания научного текста. Но главное, это понятие

теснейшим образом связано с аксиологическим планом познавательной деятельности, поскольку интеллектуальная экспрессия реализуется в текстовой деятельности, во-первых, через когнитивную (рациональную) оценку, во-вторых, через оценку эмоциональную, в том числе экспрессивную. При этом очевидно, что основу риторики научного дискурса составляет множественность познавательно-оценочных действий в отдельно взятом текстовом фрагменте, посвященном выражению одной мысли, что при внимательном чтении воспринимается как содержательная плотность текста, или его интеллектуальная экспрессия.

Именно интеллектуальная экспрессия как природное свойство научного творчества является ментальной основой, тем истоком, от которого берут начало все глубинные нити движения знания, постепенно сплетающиеся в этом движении смысловой узор, но так, что и сам узор, и точки сцепления отдельных рисунков оказываются вербально зримыми, яркими, структурно и композиционно рельефными, а значит – понятными для читателя. Реализация интеллектуальной экспрессии на поверхностном уровне текста ведет к повышению эффективности общения, к решению его главной задачи – выражению и верификации нового научного знания в доступной (отчасти и красивой, изящной) форме. Ср.: «выразительность, а также индивидуальность отнюдь не являются для научного стиля чем-то незначимым (как многие думают). Эти черты весьма желательны и присущи лучшим образцам научной литературы» [Кожина 1986: 42]. В унисон этому звучит высказывание К.Изарда о том, что эмоции «выступают в роли организующей силы сознания, они непрестанно упорядочивают и творчески реорганизуют поступающую от рецепторов информацию» [Изард 1999: 88]. Ср. также мнение В.Е.Чернявской о том, что интердискурс (в том числе и научный) – это такое

взаимодействие автора и интерпретатора, когда первый, «намеренно выстраивающий свое сообщение как игру – пересечение, взаимоналожение, "монтаж" нескольких дискурсивных типов, решает задачу персуазивного, в той или иной мере манипулятивного воздействия на адресата» [Чернявская 2004: 38], а сознание второго (интерпретатора) «"переключается" в иное ментальное пространство и начинает "работать" с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке... данного в тексте содержания» [там же].

Завершая размышления о риторическом принципе образования научного текста, подчеркнем, что интеллектуальная экспрессия – это не просто выразительность, но **интеллектуально-эмоциональная напряженность изложения**, моменты открытой (явной) и скрытой апелляции автора к сознанию читателя. Действительно, если риторику понимать как теорию и практику «оптимизации речевого общения, его эффективности, результативности посредством воздействующей и убеждающей речи» [Кожина 2000: 25], то средства выражения интеллектуальной оценки, отражающие напряженность познания, как раз во многом выполняют функцию оптимизаторов конструирования и понимания нового знания. Как справедливо отмечает Н.К.Рябцева, «хорошая наука и хорошее изложение – почти одно и то же» [Рябцева 1996: 43]. Вообще, строго логичное мышление возможно только как размышление про себя. Творческое же мышление (т.е. для кого-то) непременно включает в себя образные и эмоциональные компоненты [Соловьев, Ракитов 1991: 34. См. также: Разинкина 1965; Одинцов 1980: 148-152; Понимание... 1992: 45-46; Кожина 1993: 167-171]. По мнению В.В.Одинцова, эмоционально-риторические структуры, попадая «на почву» научного текста, «дают ростки» эффекта выразительности, который, как правило, является

результатом структурно-синтаксической трансформации высказывания, нарушения нормы, правила, характерного для логических структур [Одинцов 1982: 148-151]. Такое «преображение» речи в конечном итоге трансформирует логически строгое и сухое изложение в речь, способную воздействовать на интеллект и эмоции читателя.

Литература

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002.

Выготский Л.С. Мышление и речь. – М, 1996.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. – Пермь, 2005.

Жинкин Н.И. От замысла к слову: речь индивида как процесс и поступок (1958) // Язык. Речь. Творчество (Избранные труды). – М, 1998.

Изард К. Психология эмоций. Пер. с англ. – СПб, 1999.

Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург, 1998.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул, 2000.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. – Пермь, 1986.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М, 1993.

Кожина М.Н. Целый текст как объект стилистики текста. – Stylistyka IV. – Opole, 1995.

Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стил: сб. науч. ст. – С.-Петербург, 2004.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М., 1971.

Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс// Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев, 1979.

Леонтьев А.А. Деятельный ум: Деятельность, Знак,

Личность. – М., 2001.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск, 1986.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.

Одинцов В.В. Композиционные типы речи // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982.

Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992.

Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул, 1992.

Понимание и рефлексия: материалы первой и второй тверских герменевтических конференций / Отв. ред. проф. Г.И.Богин. – Тверь. 1992. – Ч. 2.

Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка научной литературы. – М., 1965.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1989. – Т. 2.

Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: науч. докл. по опубликованным трудам, представленный к защите на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / Н.К.Рябцева. – М., 1996.

Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла. – М., 1999.

Славин А.В. Проблема возникновения нового знания. – М., 1976.

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психологического отражения. – М., 1985.

Соловьев, А.В., Ракитов А.И. Когнитивная психология и искусственный интеллект. Научно-аналитический обзор: Информация, наука, общество // ИНИОН РАН. МЛ, 1991.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски

языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.

Фрумкина Р.М. Проблема «язык и мышление» в свете ценностных ориентации // Язык и когнитивная деятельность. – М., 1990.

Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стил. – С.-Петербург, 2004.

©Данилевская Н.В., 2009

Н.А. Завьялова
Екатеринбург

**Лексемы «картина» и «цвет» как компоненты
языковой картины мира английского, китайского,
японского и русского языков**

Данная статья посвящена анализу словарных дефиниций лексемы «картина» и «цвет» и значений фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом «картина» и «цвет» в английском, японском, китайском и русском языках. ФЕ мы понимаем как существующую в лексической системе языка на данном этапе ее исторического развития комбинацию минимум из двух словесных знаков, характеризующуюся раздельнооформленностью,

номинативностью, устойчивостью, идиоматичностью и коннотативностью [Гузикова 2004: 113].

Обратимся к анализу словарной дефиниции лексемы “picture” и последующему ее сопоставлению со значениями ФЕ с данной лексемой. **Picture** (сущ.) **1.** a drawing, painting or photograph, etc. – рисунок, картина, фотография. *Atticus drew/painted a picture of my dog.* **2.** an image seen on a television or cinema screen – изображение на кино- или телевизионном экране. **3.** the pictures (old-fashioned) – the cinema screen – кинотеатр. *Let’s go to the pictures tonight.* **4.** an idea of a situation – ситуация, положение. *After watching the news, I had a clearer picture of what was happening.* **5.** something you produce in your mind, by using your imagination or memory – плод воображения, фантазия, воспоминание. *I have a very vivid picture of the first time I met Erik.* **6.** photofit (picture) – a picture which represents as closely as possible a person’s memory of a criminal’s face by putting together photographs of eyes, hair, etc. from a set showing different types of features – картинка фоторобота. **7.** picture book – книга с картинками. **8.** picture frame – рамка для книги. **9.** picture messaging – sending and receiving pictures on a mobile phone – отправка и получение сообщений с картинками по мобильному телефону. **10.** picture postcard – a postcard with a picture, usually a photograph of a place – открытка с изображениями или фотографиями живописных мест. **11.** picture rail – a horizontal piece of wood fixed high on a wall from which pictures can be hung – рейка для картин, деревянный брусок на стене, указывающий на место, на которое можно повесить картины.

Picture (глагол.) **1.** to imagine something – представлять нечто в воображении. *Picture the scene – the crowds of people and animals, the noise, the dirt.*

Обратимся к семантическому анализу ФЕ с компонентом *picture*. Нами было проанализировано 20 англо-американских ФЕ, в рамках анализируемого

материала были выделены следующие семантические группы: «положение, ситуация, состояние», «визуальные характеристики», «коммуникативно-речевые обороты». Группа **«положение, ситуация, состояние»**. **Big picture** – исчерпывающее представление, полная картина происходящего. (Сочетается с глаголами **get ~; have ~; give someone ~; know ~; see ~; show someone ~**). *The sales manager gave us all the big picture this morning, and I'm more confused than ever. Picture perfect* – идеальное состояние. *At last, everything was picture perfect. Nothing less than a picture-perfect party table will do. To paint a [bleak/rosy etc.] picture of something* – описывать, представлять ситуацию определенным образом. *The article paints a bleak (= hopeless) picture of the future. He painted a rosy (= happy) picture of family life. To put somebody in the picture* – объяснять истинное положение вещей. *Jim had no idea what was going on until I put him in the picture.* Следует отметить, что в данной подгруппе принято уточнять степень состояния при помощи прилагательных-модификаторов и определенного и неопределенного артиклей: **the big picture, picture perfect, a bleak/rosy picture**. ФЕ данной группы описывают не только пребывание в определенной ситуации, но и, напротив, выпадение из нее. **Out of the picture** – не имеющий значения, мертвый. *Now that Tom is out of the picture, we needn't concern ourselves about his objections. With her husband out of the picture, she can begin living as she pleases. Withers is out of the picture with a leg injury, so Jackson is in goal today. To paint a black picture of somebody or something* – описание ситуации или человека в мрачных тонах. В данной группе выделим особую подгруппу **«степень информированности о положении, состоянии»**. **In the picture** – быть хорошо информированным. Сочетается с глаголами **be ~; keep someone ~; put someone ~**. *Please, keep me fully in the picture. John found out about the plan. He's in the picture, so take care. The whole picture* –

знание важнейших фактов и их последствий. *You're just taking into account Melissa's views of the situation but of course that's not the whole picture.* ФЕ данной группы составили 40 %.

Группа **«визуальные характеристики»**. **Be the picture of (health/innocence etc.), picture of (good) health** – иметь (здоровый/невинный) вид. *The doctor says I am the picture of good health. Each of the children is the picture of health.* **Pretty as a picture** – чрезвычайно красивый, привлекательный. Нередко употребляется с парным союзом **as – as**. *Sweet little Mary is as pretty as a picture. Their new house is pretty as a picture.* **Picture postcard** – чрезвычайно красивое, живописное место. *A picture postcard cottage.* **Picture window** – большое окно, из которого открывается великолепный вид, панорама. *The new house with a picture window is really impressive.* **To be a picture** – чрезвычайно красивый, привлекательный. **Picture someone as someone or something** – представлять кого-либо в ином образе. *Just picture me as Santa Claus! I can't picture you as a doctor.* **Picture someone in something** – 1. Представлять кого-либо в иной одежде. *I can just picture Tony in that baseball uniform. Can you picture yourself in a dress like this?* 2. Представлять кого-либо в новом интерьере, месте. *I can just picture you in that car! Can you picture yourself in jail?* **Somebody's face is a picture** – иметь удивленный или рассерженный вид. *Her face was a picture when I told her the news.* **Picture is worth a thousand words** – изображение намного красноречивее слов. *It's much easier to learn how machines work by looking at pictures, rather than by hearing someone describe them. A picture is worth a thousand words. The newspaper editor decided to devote more space to photographs of the disaster than to text, since a picture is worth a thousand words.* **Every picture tells a story** – внешний вид человека может многое рассказать о его жизни. ФЕ данной группы составили 50 %.

Группа **«коммуникативно-речевые обороты»**. **Do I have to paint (you) a picture?; Do I need to paint you a picture?; Do I have to spell it out (for you)?** – Мне это, что, нарисовать? (раздраженно). *Mary: I don't think I understand what you're trying to tell me, Fred. Fred: Do I have to spell it out for you? Mary: I guess so. Fred: We're through, Mary. Sally: Would you please go over the part about the square root again? Mary: Do I have to paint you a picture? Pay attention! Get the picture?* – Понятно? *Things are tough around here, and we need everyone's cooperation. Get the picture? 'He doesn't want her but he doesn't want anyone else to have her, you know?' 'I get the picture.'* В данной группе ФЕ с компонентом *picture* выступают либо в качестве реплики-побуждения к дальнейшему действию (*Do I have to paint (you) a picture?; Do I need to paint you a picture?*), либо как ответ на ранее поставленный вопрос (*I get the picture*). ФЕ данной группы составили 10 %.

Проведенный анализ англо-американских ФЕ с компонентом *picture* показал, что самую многочисленную группу составляют ФЕ «визуальные характеристики» - 50 %, далее следует группа «положение, ситуация, состояние» - 40 %, «коммуникативно-речевые обороты» - 10 %. Значения данных групп отражает и расширяет объем значений лексемы ***picture***.

Японская лексема *e* («картина») имеет следующие словарные дефиниции. **1.** Картина, изображение, рисунок, иллюстрация. **E ni suru** – нарисовать, написать. **E no aru** – иллюстрированный, с картинками. **E no yona** – живописный, как на картинке. Отметим следующие сочетания **enogu** – краска, **ehon** – книга с картинками.

В японском языке нами были выделены 7 ФЕ с компонентом *e* 絵 - «картина». Их можно разделить на следующие группы. Группа **«духовные качества человека»**: **egokoro** – «картинное сердце» – человек с

эстетическими взглядами, увлеченный живописью (14,2 %). Группа **«предметы религиозного культа»**: **ema** – «картинная лошадь» – религиозная вотивная картина нередко с изображением лошади; **emaden** – «храм с картинными лошадьми» – храм с религиозными вотивными картинами нередко с изображением лошади (28,6 %). Группа **«качество предмета (эфемерность)»**: **enikaitamochi** – «похожий на нарисованную лепешку моти» – нечто эфемерное, маловероятное, замок на песке; **esoragoto** – «дело, похожее на картинное небо» – нечто эфемерное, маловероятное, замок на песке. Группа **«визуальные характеристики»**: **eninaru** – «стать картиной» – красивый, привлекательный; **eniegaitayo** – «настоящая картина» – точное изображение, нечто очень похожее (28,6 %). Отметим, что все группы малочисленны, слабо структурированы.

В китайском языке нами были проанализированы 6 ФЕ с компонентом *huà* 画- «картина». Их можно разделить на следующие группы. Группа **«качество предмета (эфемерность)»**: **huà bǐng chōng jī** – «рисовать лепешки, чтобы утолить голод» – создавать видимость, утешать себя несбыточными надеждами (16,7 %). Группа **«духовные качества человека»**: **huà hǔ bù chéng fǎn lèi quǎn** – «силился нарисовать тигра, а получилось жалкое подобие собаки» – браться не за свое дело; **huà hǔ huà pí nán huà gǔ, zhī rén zhī miàn bù zhī xīn** – «не оживет нарисованный тигр на картине, он – лишь кожа сухая без дышащей плоти под ней, так и знание о человеке – неполно, ибо непостижима душа» – чужая душа – потемки (33,3 %). Группа **«способ действия»**: **huà lóng diǎn jīng** – «оживить нарисованных драконов, начертав зрачки в их глазах» – нанести завершающий штрих; подчеркнуть самое существенное. **Huà shé tiān zú ... duō cǐ yì jù** – «дорисовать змее ноги – значит переборщить» – абсолютно излишне и некстати. **Huà dì wéi lào** – «нарисовать жесткие

границы» – поставить определенные рамки кому-либо; ограничить свободу действий (50%).

Сравнивая японо-китайский материал, можно отметить следующие особенности. Специфической группой данных ФЕ является группа «качество предмета (эфемерность)», «душевные качества человека». Отметим специфическую для японского языка группу «предметы религиозного культа» (28,6 %). В китайском языке самую многочисленную группу составляют ФЕ группы «способ действия» (50%). Обращают на себя внимание идентичные в лексико-семантическом отношении японская ФЕ (**enikaitamochi** – «похожий на нарисованную лепешку моти» – нечто эфемерное, маловероятное, замок на песке) и китайская ФЕ (**huà bǐng chōng jī** – «рисовать лепешки, чтобы утолить голод» – создавать видимость, утешать себя несбыточными надеждами. Думается, что в данном случае следует говорить о заимствовании из китайского. Данные ФЕ составили специфическую для японо-китайского материала группу «качество предмета (эфемерность)». Отметим общую для японского и английского языков группу «визуальные характеристики». Специфическими для английского языка являются группы «положение, ситуация, состояние», «коммуникативно-речевые обороты».

Обращаясь к анализу лексемы русского языка «картина», мы находим следующие дефиниции. **КАРТИНА**, -ы, ж. 1. Произведение живописи. *Картины русских художников. Развесить картины.* 2. То же, что фильм (разг.). 3. Изображение чего-л. в художественном произведении. *Картина быта.* 4. То, что можно видеть, обозреть или представлять себе в конкретных образах. *Картина природы. Картины детства. Картина мира.* 5. Вид, состояние, положение чего-н. (книжн.). *Картина запустения. Картина ясная – нужно действовать.* 6.

Подразделение акта в драме. *Пьеса в трех действиях, семи картинах. 7. картина, в знач. сказ.*

В рамках фразеологии нами была выделена 1 ФЕ: **живые картины** (устар.) – мимические сцены без слов. Думается, что ФЕ **«Не так страшен черт, как его малюют»** можно также отнести к данному ряду, так как глагол «малевать» семантически близок к глаголу «рисовать». Данная ФЕ означает, что кто-то «испытывает излишнее волнение, страх перед кем-либо, чем-либо неизвестным, или в ответ на чьи-либо угрозы, запугивание. *Ну вот, Андрей Сергеевич, как хорошо все кончилось! Выходит, что зря волновались. Не так страшен черт, как его малюют.* Новиков-Прибой. Цусима». Можно сделать вывод о том, что в русском фразеологическом дискурсе лексемы «картина», «рисовать» представлены незначительно – всего 2 ФЕ.

Сравнивая количественные показатели проведенного исследования, следует отметить, что лексема «картина» больше всего представлена во фразеологии английского языка – 20 ФЕ; далее следует японский – 7 ФЕ; китайский – 6 ФЕ; русский – 2 ФЕ. Интерпретируя данные результаты, позволим себе высказать предположение о том, что англоязычный мир ориентируется на визуальную составляющую бытия. Для англичан и американцев «picture» чрезвычайно важный элемент, через который выстраиваются отношения с миром. Для японцев и китайцев «картина» – синоним эфемерности, искусственности. Для русской культуры «картина» не является важной составляющей. Однако в формате современной культуры СМИ можно говорить о заимствовании «картинок» в рамках компьютерного дискурса.

Обратимся к анализу ФЕ с компонентом «цвет». В английском языке лексема «цвет» передается лексемой colour (брит.)/color (амер.), которая имеет следующие

значения: 1. цвет; оттенок, тон; *primary colours* 2. краска; красящее вещество *to paint in dark colours* 3. румянец *to gain colour* 4. знамя *regimental colours* 5. цветной предмет *a colour dress* 6. муз. тембр. Мы проанализировали 21 ФЕ с данным компонентом. В рамках анализируемого материала мы выделили следующие семантические группы. Группа «положение, ситуация, состояние»: **to paint in bright (dark) colours** – изображать нечто позитивно (негативно); **to cast (to put) a false colour on smth.** – искажать, представлять нечто в искаженном свете; **a horse of another color** – совсем другое дело; **local colour** – местный колорит. В рамках данной группы нами была выделена подгруппа «правда, истинное положение»: **to come out in one's true colours** – предстать в своем настоящем виде; **to give some colour of truth to smth** – придавать некоторое правдоподобие чему-л (29 %). Группа «черты характера»: **without colour** – лишенный индивидуальных черт; **to lay on the colours too thickly** – сгущать краски, преувеличивать; **to take one's colour from smb.** – подражать кому-либо; **to stick to one's colours** – оставаться верным до конца кому-либо; **to nail one's colours to the mast** – открыто отстаивать свои убеждения; **to sail under false colours** – обманывать, лицемерить (29 %). Группа «армия»: **to call to the colours** – призвать в армию; **to join the colours** – вступать в армию; **to desert the colours** – дезертировать; **to lower (strike) one's colours** – сдаваться, покоряться; **with the colours** – действующая армия; **colour bar (line)** – расовая дискриминация (29%). Отметим отдельные ФЕ, не вошедшие ни в одну группу: **to see the colour of smb's money** – получить деньги от кого-либо; **to come off with flying colours** – добиться успеха; **under colour of** – под предлогом (14%).

Лексема **iro (цвет)** входит в состав многочисленных ФЕ японского языка. Цвет (*shoku/shiki/iro*) выполняет целый ряд важных функций. Визуальная характеристика

предмета представлена на примере многочисленных словосочетаний, обозначающих визуальные характеристики предметов. **Onshoku** - тембр (звук и цвет). **Irokazu** - цветные цифры, которые используются для того, чтобы различать виды товаров. **Iroke** - оттенок. **Keshiki** - пейзаж. Японская **кухня** также активно обращается к цвету. **Isshoku** - отличие по цвету, новизна. **Ichishiki** - одноцветный. **Shikisai** - цвет, оттенок. Нередко цвет в японской культуре используется в качестве психологической характеристики человека **irochigai** - рассердиться и измениться в лице из-за испуга. **Irofushi** - показной, нарочитый. **Irokichigai** - частые смены настроения. **Iromegane** - «цветные очки» - искаженное видение, ошибочный взгляд. **Iroyoi** - положительный, благоприятный, «хорошего цвета». **Irozashi**: 1) расцветка; 2) румянец. **Irozuku** - покраснеть (о лице). **Honshoku** - подлинный характер. **Jishoku** - слова и выражения лица. **Makeiro** - признаки поражения. **Meiro** - выражение глаз. **Tokushoku** - отличительная черта. Интересным с точки зрения стилистики представляется выражение **Tamamushi-iro** по *hyo:gen o tsukau* - «говорить с цветом светлячка» [March 1990: 16]. В данном случае подмечена черта речевого стиля, распространенного в японской бизнес-среде. Японские бизнесмены нередко высказываются двусмысленно, их слова подобны переливам на теле светлячка, слушающий должен сам решить, как ему понимать делового партнера. Здоровье - **irodatsu** - изменение цвета лица как симптом заболевания. Нередко цвет в японском языке означает чувственные наслаждения. **Gyoshoku** - распушенность, разврат. **Irobanashi** - 1) разговор влюбленных; 2) глупая болтовня. **Irobito** - 1) милый, очаровательный; 2) проститутка. **Irobuti** - любовная переписка. **Irochaya** - чайная комната гейш. **Irogoto** - 1) любовное приключение; 2) любовная сцена в спектакле; 3) актер, исполняющий роль в любовной сцене,

сердцеед. **Irogonomi** - 1) любовное приключение; 2) человек, стремящийся к любовным приключениям. **Irogurui** - влюбленный до безумия. **Irojikake** - любовные уловки, приемы кокетства. **Irokago** - корзина с подарками, которую отправляют подруге, возлюбленной. **Irokaze** - ухаживания. **Iroke** - половое влечение, любовь. **Irokoï** - роман, любовное приключение. **Iromachi** - любовный квартал. **Irome** - 1) любовные интриги; 2) строить глазки. **Iromekashii** - соблазнительный, кокетливый. **Irome o tsukau** - «использовать зрачки» - строить глазки. **Eiyu iro to konomu** - «любить цвет возлюбленного» - иметь роман. **Irootoko** - «цветной мужчина» - сексуально привлекательный мужчина; герой - любовник. **Irooppa** - «цветная женщина» - сексуально привлекательная женщина; кокетка; возлюбленная. **Iroke** «цветная атмосфера» - привлекательность, обаяние, сексуальность. **Irokoï** - роман, любовное приключение. **Iroppoi** - «полный цвета» - сексуально привлекательный. **Irogonomi** - тайное любовное приключение. **Irosama** - возлюбленная; красавица (используется в речи мужчин). **Irozama** - красавица; возлюбленная. **Iroshina** - уловки, приемы кокетства. **Ganshoku nashi** - «стать бесцветным» - побледнеть при виде возлюбленного. Любопытной представляется связь цвета с кварталом публичных домов. **Irotsuya** - 1) блеск, глянец, очарование; 2) привлекательность, любовь. **Irozake** - сакэ, выпитое во время прогулки по кварталу публичных домов. **Irozato** - квартал публичных домов. **Irozakari** - человек сексуально активного возраста. **Irozukai** - тратить деньги на приключения, любовные интриги. **Koshoku** - сладострастие. **Irozukume** - нашумевшая любовная интрига. **Shikijo:** - сексуальное влечение, страсть. **Shushoku** - вино и любовь. **Iromoyo** - любовная сцена в пьесе театра Кабуки. **Irogawara** - вызов любимого артиста театра Кабуки на бис. **Iroko** - актер театра Кабуки, исполняющий роль

героя любовника. **Irogoto** - актер, исполняющий роль любовника; сердцеед, покоритель женских сердец. Особое внимание привлекают японские реалии. **Ironaosu** - 1) обряд переодевания новорожденного из белого кимоно с короткими рукавами в обычное; 2) обряд переодевания новобрачных из белого кимоно в обычное после церемонии бракосочетания.

В Китае цвет является символом важнейших сил и стихий, он нередко связан со звуками и вкусовыми ощущениями, можно говорить о синестезическом восприятии цвета на Востоке. Китайский философ Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.) в своем труде «Дао дэ цзин» («истинный канон») говорит: «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым» [Мыслители Древнего и Средневекового Китая 2003: 27]. Пять цветов - желтый, красный, синий, белый, черный; пять звуков - пять вариаций гаммы в китайской музыке; пять вкусовых ощущений - сладкий, кислый, горький, острый, соленый. К списку 5 «основных» цветов позднее в Древнем Китае добавился синий (зеленый). В китайском языке находим следующие ФЕ с компонентом *se* (цвет). *Sè lì nèi gēn* – «сильны лишь с виду». *Sè mí* – ловелас.

Лексема **цвет** входит в состав целого ряда выражений русского языка: «зардеться как маков цвет», «на вкус и цвет товарища нет», «цвести махровым цветом», «во цвете лет». В качестве синонима лексемы *цвет* в ряде выражений используется лексема *краска* и ее дериваты: «краска бросилась в лицо», «залиться краской», «не жалеть красок», «не место красит человека, а человек место»,

«убитая сорока ружье красит», «горе одного только рака красит», «рисовать мрачными красками», «вгонять/бросать в краску», «сгущать краски», «в черных красках», «в розовых красках». Обыгрывание цветов как символов глубоко укоренено в русской традиции: псевдонимы Андрей Белый, Саша Черный, Саша Красный. В советский период цвет - особый язык кодирования политического протеста.

Можно сделать вывод о том, что, несмотря на принадлежность к разным культурам, люди описывают окружающий мир при помощи тех цветов и оттенков, которые они сами видят, а иногда и создают. С целью усиления впечатления от изображаемого объекта, увеличения его наглядности человек использует цвет. Анализируемый материал показал, что в английском языке цвет используется для описания типов ситуаций, принадлежности к армии. Отличительной особенностью японо-китайской культуры стало использование цвета для описания сферы чувственных наслаждений, любви и секса. В России цвет нередко использовался для кодирования политического протеста.

Литература

Гузикова В.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц английского языка (на материале прозы С.Мозма и ее переводов на русский язык) : дис. ... канд. филол. наук / В.В. Гузикова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.], 2004.

Китайско – русский словарь идиом. Более 6000 словосочетаний/С.Ю.Сизов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.

Мыслители Древнего и Средневекового Китая / сост. Г.В. Остапченко. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Торсинг, 2003.

Словарь современного английского языка:
<http://dictionary.cambridge.org>

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.;
под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.:
Русский язык, 1985 – 1988.

Японско-русский фразеологический словарь. Около 4000
фразеологических единиц / С.А. Быкова. – 2-е изд. – М.:
АСТ: Восток – Запад, 2007.

March, Robert M. The Japanese Negotiator. Subtelety and
Strategy Beyond Western Logic / Robert M. - Tokyo and New
York: March Kodansha International, 1990.

©Н.А.Завьялова, 2009

**Психолингвистические аспекты порождения
и понимания поэтического текста: диалог автора
и читателя**

Рефлексия создания поэтического текста поэтом И.А. Бродским в его «Нобелевской лекции» вполне соотносима с теорией порождения речи в рамках московской психолингвистической школы (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев и др.). В данной теории постулируется этапный характер порождения речи: от мысли к слову, от мотива к его реализации, внутренняя речь при этом становится пространством выбора значений языковых единиц, которые должны выразить и/или сформировать смыслы говорящего.

Поэтическая речь понимается нами в данном контексте как высшая форма языка, поскольку является не просто итогом производства речи, а воплощает в себе все его этапы одновременно. (Бродский также считает поэзию высшей формой: «Искусство... в частности, литература, не побочный продукт, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература и, в частности, *поэзия, будучи высшей формой словесности* [выделено нами. – М.Л.], представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель» [Бродский 1992: 455]; «Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив» [там же: 461]).

И.А.Бродский, анализируя производство поэтического текста, демонстрирует нерасчлененность, слитость этапов разделяемого в психолингвистике процесса.

Стихотворная речь обнажает мотивы её порождения: «Человек принимается за сочинение стихотворения по разным соображениям: чтоб завоевать сердце возлюбленной, чтоб выразить свое отношение к окружающей его реальности, будь то пейзаж или государство, чтоб запечатлеть душевное состояние, в котором он в данный момент находится, чтобы оставить – как он думает в эту минуту – след на земле. Он прибегает к этой форме – к стихотворению – по соображениям, скорей всего, бессознательно-миметическим: черный вертикальный сгусток слов посреди белого листа бумаги, видимо, напоминает человеку о его собственном положении в мире, о пропорции пространства к его телу. Но независимо от соображений, по которым он берется за перо, и независимо от эффекта, производимого тем, что выходит из-под его пера, на его аудиторию, сколь бы велика или мала она ни была, – немедленное последствие этого предприятия – ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от одного от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено» [там же: 460–461].

Ср. с подчеркиванием роли целевой установки В.В.Маяковским: «Ритм – это основная сила, основная энергия стиха. Объяснить это нельзя, про него можно сказать только так, как говорится про магнетизм или электричество. <...> Поэт должен развивать в себе именно это чувство ритма и не заучивать чужие размерчики; ямб, хорей, даже канонизированный свободный стих – это ритм, приспособленный для какого-нибудь конкретного случая и именно только для этого конкретного случая годящийся. <...> Из размеров я не знаю ни одного. Я просто убежден для себя, что для героических или величественных передач надо брать длинные размеры с большим количеством слогов, а для веселых – короткие. <...> Размер получается у меня в результате покрытия

этого ритмического гула словами, словами, *выдвигаемыми целевой установкой* (все время спрашиваешь себя: *а то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется?* [выделено нами.— М.Л.] и т.д.), словами, контролируруемыми высшим тактом, способностями, талантом» (В.Маяковский. Как делать стихи?).

Стихотворная речь — та же внутренняя речь, но специфически функционирующая: «Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя часто он надеется, что стихотворение его переживет, пусть ненадолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто оказывается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал» [Бродский 1992: 461].

Стихотворная речь приближена к внутренней речи тем, что смысл в ней преобладает над значением (слова), вместе с тем стихотворение всегда больше, чем его замысел: «... порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, — и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его, прежде всего, потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [там же: 456]. Ср. с известным «*Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда, Как желтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда*» (А.Ахматова. Мне ни к чему одические рати...»).

Художественная речь передает особенности и функции устной (диалогической в прямом смысле) речи: «Роман или стихотворение — не монолог, но разговор писателя с читателем — разговор, повторяю, крайне частный,

исключающий всех остальных, если угодно – обоюдно мизантропический» [Бродский 1992: 456].

И в этом частном разговоре каждый читатель обязательно услышит что-то своё, особенное, сказанное именно ему, в настоящий момент, совпадающим с моментом чтения (см. о принципе понимания *«для меня – здесь – и сейчас»* в [Залевская 2005: 400]).

В лингвистической и психолингвистической литературе неоднократно поднимался вопрос об опорах понимания, сильных позициях текста, ключевых словах и т. п. – тех элементах текста, которые помогают читателю сравнительно верно воспринять смысл текста.

По определению А.В.Пузырёва, ключевое слово – это объективно выделенный семантико-композиционный центр текста, аккумулирующий основной смысл произведения, служащий для выражения глубинной подтекстовой информации и выражающий концептуальный смысл произведения. Он считает, что «если в тексте налицо семантико-стилистическая изменчивость какого-то слова на протяжении всего текста, совпадение этого слова с центром поэтической (художественной) рефлексии, то налицо и существование ключевого слова в тексте. Если же пусть даже у неоднократно повторяющегося слова семантико-стилистическая вариативность (общетекстового характера) отсутствует, то ключевым в тексте такое слово не является» [Пузырёв 1995: 23–28; 127–142].

В.А.Лукин подчеркивает необходимость разграничения понятий «ключевые слова» и «сильные позиции в тексте»: «Сильные позиции служат для понимания текста, которое почти всегда начинается с одной из них – заглавия. В то же время понимание никак не может начинаться с ключевых знаков. Они наряду с другими знаками задействованы в процессах понимания текста получателем. Однако тот факт, что их роль, возможно, была в этих процессах

доминирующей, может быть установлена лишь с позиции уже имеющейся у получателя версии смысла» [Лукин 1999: 85].

В литературоведении также обращаются к проблеме понимания художественного текста и его доминантных элементов, например, через категорию сукцессивности / симультанности. Так, книга Ю.Н.Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924), прежде всего, определяет специфику поэзии как особого вида искусства, членение на стиховые ряды делает речевой процесс сукцессивным, в отличие от симультанного (одномоментного) характера прозы. Сукцессивность – один из четырех факторов, которые влияют на семантику стихотворного текста и деформируют ее: «1) фактор единства стихового ряда; 2) фактор тесноты его; 3) фактор динамизации речевого материала и 4) фактор сукцессивности речевого материала в стихе» [Тынянов 2007: 57].

Б.М.Гаспаров пишет, что «достаточно подчеркнуть слово любым способом, чтобы слова воспринимались не «симультанно», а «поштучно». Слова в стихе как бы отрываются друг от друга и дефилируют перед читателем каждое поодиночке, демонстрируя свои семантические возможности» [Гаспаров 1997: 460]. Б.М.Гаспаров оговаривает механизмы сотворчества поэта и читателя в аспекте анализа категорий сукцессивности (при первочтении текста) и симультанности (при перечтении текста): «...сукцессивный подход к тексту, от первочтения, динамический, диалектический — это подход творческий, преобразующий материал (творческий для поэта, сотворческий для читателя); симультанный подход к тексту, от перечтения, статический, констатирующий — это подход исследовательский, со стороны, строго соблюдающий грань между субъектом и объектом исследования» [там же: 467].

По-нашему мнению, в психолингвистическом смысле восприятия поэтического текста (в отличие от литературоведческого и лингвистического подходов) возможно говорить о **сукцессивности, выделенности элементов словесного ряда** как при первичном, так и при повторном чтении. Это элементы текста, на которые читатель обратил внимание в первую очередь, запомнил их, а также элементы, которые он не понял и стремится понять потом, и это обдумывание занимает большее время, чем обычно. (Здесь уместно определение О.А.Буркова: «Сукцессивность – это стремление каждого слова занять как можно большее пространство» [Бурков 2006]). Это слова, которые, вероятно, но необязательно совпадут с ключевыми словами с точки зрения лингвистического анализа текста и которые можно считать опорами понимания и сильными позициями с точки зрения психолингвистики. И, наконец, это элементы текста, прямо влияющие на определение смысловой и эмоциональной доминанты текста, доминантного личностного смысла [Пищальникова 1999].

Проанализируем результаты психолингвистического эксперимента, проведенного нами со студентами-филологами (5 курс, 12 человек) и студентами-психологами (2 курс, 16 человек) в Новосибирском государственном педагогическом университете в 2009 году.

Материалом послужило стихотворение М.Цветаевой «День угасший...», предъявленное без указания автора, и ряд вопросов:

*День угасший
Нам порознь нынче гас.
Это жестокий час
Для Вас же.*

Время – совье,

*Пусть птенчика прячет мать.
Рано Вам начинать
С любовью.*

*Помню первый
Ваш шаг в мой недобрый дом,
С пряничным петухом
И вербой.*

*Отрок чахлый,
Вы жимолостью в лесах,
Облаком в небесах –
Вы пахли!*

*На коленях
Снищу ли прощенья за
Слезы в твоих глазах
Оленьих.*

*Милый сверстник,
Еще в Вас душа – жива!
Я же люблю слова
И перстни.*

Вопрос 1. Назовите слова или фразы, на которые Вы обратили внимание (можете подчеркнуть их простой линией). Почему они обращают на себя Ваше внимание?

В табл.1 представлены результаты ответов на данный вопрос. Можно увидеть, что практически все элементы текста привлекли внимание читателей в той или иной степени. Филологи обратили внимание на большее количество слов и выражений, чем психологи, это особенно видно по первым трем позициям (*Я же люблю слова И перстни; С пряничным петухом И вербой; Вы жимолостью в лесах, Облаком в небесах – Вы пахли*).

Наибольшее впечатление у психологов вызвали слова, связанные с выражением эмоционального состояния (*Слезы в твоих глазах Оленьих*), у филологов – слова, связывающие не вполне соединимое, на их взгляд (*Я же люблю слова И перстни*). При объяснении выбора слов, привлечших внимание, филологи, как правило, использовали большое количество разных филологических терминов (нестандартная сочетаемость и синтаксическая организация фраз, сбой в ритме, инверсии, переносы, эллипсисы, сильное поэтическое впечатление, высокая окраска слова «снищу», яркая метафора, оксюморон и др.). Психологи либо не могут объяснить, что их привлекло, либо просто объясняют значение выбранных слов, например: «*Отрок чахлый* – это значит больной?»; «*Время – совье* – хищная птица, надо обороняться».

Таблица 1

Слова, на которые обратили внимание	Филологи	Психологи
<i>Я же люблю слова И перстни</i>	7 чел. (58 %)	6 чел. (37 %)
<i>С пряничным петухом И вербой</i>	6 чел. (50 %)	3 чел. (19 %)
<i>Вы жимолостью в лесах, Облаком в небесах – Вы пахли!</i>	6 чел. (50 %)	2 чел. (12 %)
<i>Слезы в твоих глазах Оленьих</i>	5 чел. (41 %)	9 чел. (56 %)
<i>День угасший Нам порознь нынче гас</i>	4 чел. (33 %)	6 чел. (37 %)

<i>Время – совье</i>	4 чел. (33 %)	6 чел. (37 %)
<i>Отрок чахлый</i>	3 чел. (25 %)	4 чел. (25 %)
<i>Мой недобрый дом</i>	3 чел. (25 %)	3 чел. (19 %)
<i>Рано Вам начинать С любовью</i>	2 чел. (17 %)	3 чел. (19 %)
<i>Снищу ли прощенья</i>	2 чел. (17 %)	3 чел. (19 %)

Вопрос 2. Назовите слова или фразы, которые для Вас были непонятны (можете подчеркнуть их волнистой линией) или менее понятны (можете подчеркнуть их пунктирной линией). Что именно Вам непонятно или менее понятно?

В табл. 2 видно, что психологи гораздо больше и чаще отмечают непонятные элементы текста, чем филологи: у них меньше читательского и филологического опыта, поэтому им труднее дается распознавание метафорических образов (*В глазах оленьих; День угасший Нам порознь нынче гас; Время – совье; Вы жимолостью в лесах, Облаком в небесах – Вы пахли!*) и устаревшего слова *отрок*. 4 студента-психолога отмечают как непонятные слова *Я же люблю слова и перстни* по той же причине, по которой филологи просто обращают на них внимание. Филологи (хотя далеко не все) обращают внимание на непонятную смену *ТЫ* и *ВЫ*, психологи этот факт игнорируют.

Таблица 2

Непонятные слова	Филологи	Психологи
<i>Я же люблю слова И перстни</i>	-	4 чел. (25 %)
<i>С пряничным петухом И вербой</i>	2 чел. (17 %)	3 чел. (19 %)
<i>Вы жимолостью в</i>	-	3 чел. (19 %)

<i>лесах, Облаком в небесах — Вы пахли!</i>		%)
<i>Слезы в твоих глазах Оленьих (везде «Вы», а здесь «ты»)</i>	2 чел. (17 %)	-
<i>В глазах оленьих</i>	-	2 чел. (12 %)
<i>День угасший Нам порознь нынче гас</i>	-	2 чел. (12 %)
<i>Время – совеь, Пусть птенчика прячет мать</i>	2 чел. (17 %)	5 чел. (31 %)
<i>Отрок чахлый</i>	1 чел. (8 %)	3 чел. (19 %)
<i>Отрок</i>	-	2 чел. (12 %)
<i>Мой недобрый дом</i>	1 чел. (8 %)	-
<i>Милый сверстник</i>	1 чел. (8 %)	-
<i>Это жестокий час Для Вас же</i>	-	2 чел. (12 %)

Вопрос 3. Какова смысловая доминанта текста, на Ваш взгляд?

В целом, филологи и психологи определяют смысловую доминанту текста примерно одинаково: лирическая героиня отказала отроку в любви из-за их несходства. Однако психологи воспринимают поэтический текст более буквально, чем филологи, девушки-психологи чаще идентифицируют себя с лирической героиней и поэтому описывают проблему через свою актуальную жизненную ситуацию (поиск партнера, мужа), например:

- мне кажется, что здесь описывается расставание вечером, и девушке, скорее всего, предложили выйти замуж, то есть другой предложил (*Я же люблю слова и перстни*);

- парень и девушка, которые были вместе, расстались. Но она помнит всё, что у них было, как начиналось, как он приходил к ней, как он пахнет. Но он, скорее всего, моложе, поэтому они не могут быть вместе, ей нужен уже состоявшийся человек, который сможет её обеспечить и слово красивое сказать.

Ср. интерпретации студентов-филологов, в которых активно используются абстрактные существительные или отсылки к другим текстам М.Цветаевой:

- трагедия искренних чувств, сталкивающихся с любовью «слов и перстней»;

- смысл растворен в эмоции;

- переход от тотальной тоски к безразличию;

- ценность нетронутой еще души;

- примерно та же самая, что и в стихотворении «Полюбил богатый – бедную», построено на контрасте.

Вопрос 4. Какова эмоциональная доминанта текста, на Ваш взгляд?

И филологи, и психологи определяют ведущие эмоции в тексте как грусть, печаль, вину, раскаяние, сожаление, уныние. Однако психологи почти не видят, а филологи часто отмечают наряду с раскаянием, выражением чувства вины и некоторую иронию и отстранение, ироничное равнодушие, которое представлено в последней строфе: оказывается, что *отрок* (к нему же относился и *птенчик*) является *сверстником* и не относится к тому, что любит лирическая героиня.

Любопытно, что певица Рита Горенштейн, исполняя песню на эти стихи, меняет порядок строф: последнюю строфу ставит на четвертое место, а предпоследнюю (она становится последней, соответственно) поет дважды.

Думается, что это делается именно для того, чтобы актуализировать смысл раскаяния, вины и затемнить идею противопоставления, иронии и отстранения.

Вопрос 5. Назовите автора текста (как Вы думаете или знаете).

На этот вопрос, как мы и ожидали, филологи называют автором (пусть и иногда в качестве предположения, версии) М.Цветаеву в 10 случаях из 12 (83 %), а психологи – в 1 случае из 16 (6 %). Психологи назвали автором этого стихотворения: Маяковского, Ахматову, Пастернака, Бальмонта, Гиппиус, Есенина. Следовательно, они практически не дифференцируют женскую и мужскую поэзию. Конечно, у них меньше читательского и филологического опыта, навыков профессионального чтения, однако обратим внимание на то, что в любом случае они называют авторов первой трети XX века, может быть, улавливая в целом поэтическую стилистику данного времени. Психологи компенсируют этот герменевтический провал тем, что настраивают себя на более *дидактическое* (чему хотел научить автор), *философское* (в чем смысл чтения этого текста) или *эмоциональное* (какие читатель может испытать эмоции) чтение, то есть получают больше для себя, своей личности, нежели просто пытаются разгадать те смыслы, которые имеются в тексте.

Таким образом, порождение и восприятие поэтического текста являются процессами, тесно взаимосвязанными друг с другом. При создании стихотворения поэт имеет в виду адресата в большей или меньшей степени, читатель ориентируется на поэта, его интенции, его стилистику, жанровую принадлежность текста. Как показал эксперимент, выделенными элементами для читателя могут быть почти любое слово, любое словосочетание или предложение текста. Диалогический характер чтения стихов проявляется, прежде всего, в попытке понять непонятное, разгадать загадку смысла, которую старается

дать автор (в противном случае, не было бы столь разноречивых интерпретаций художественных текстов, с которыми мы сталкиваемся): «Дело поэта: вскрыв – скрыть. Поэт всегда замечает следы» (М.Цветаева. Земные приметы). Сама же интерпретация непосредственно связана с возрастными, профессиональными и личностными особенностями читателя.

Литература

Бродский И.А. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы: В 2-х томах. Т.2 /Сост. В. Уфлянд. – Минск, 1992.

Бурков О.А. Повтор в поэзии Вс. Некрасова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science.rggu.ru/article.html?id=65995>.

Гаспаров М.Л. Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Избранные труды. – М., 1997. – Т. 2.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.

Пищальникова В.А. Психопоэтика. – Барнаул, 1999.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза, 1995.

Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. – М., 2007.

©М.А.Лаппо, 2009

**Элеонора Лассан
Вильнюс**

Дискурс лузерства: русские вариации

«Применительно к русской культуре давно замечено, что история инокультурных заимствований в России – это прежде всего история переосмысления заимствуемых ценностей», – пишет в интереснейшей книге о заимствовании понятий и вещей *«О крокодилах в России»* Константин А. Богданов [Богданов 2006: 8]. Одним из источников, на которые ссылается Константин А. Богданов, является неоднозначно оцениваемый, однако широко переведенный на другие языки *Лексикон «Идеи в России»* под редакцией польского автора Анджея де Лазари [де Лазари: 1999]. Анджей де Лазари, в частности, пишет: «Изучая другие культуры, часто, не определив дефиницию, мы употребляем понятия и категории, значение которых в сознании нашей культуры закрепились иначе, чем в изучаемой, или наоборот — делаем кальку понятия, не задумываясь над тем, что в нашей культуре оно обозначает что-то другое». В качестве примера автор приведенной цитаты называет выражение «революционная демократия», совершенно бессмысленное, по его мнению,

с точки зрения западной культуры, где понятия *демократия* и *революция* являются несовместимыми [де Лазари: [ideashistory.org.ru/pdfs/07 lazari.pdf](http://ideashistory.org.ru/pdfs/07_lazari.pdf)].

В предлагаемой статье речь пойдет о слове, являющемся заимствованием из английского компьютерного сленга (так, во всяком случае, об этом говорят интернет-источники), которое, по мнению автора этих строк, в известной степени можно считать своеобразным ключом к мироощущению переживаемого периода в целом и претерпевшем в своем содержании определенные модификации в русских речевых практиках. О причинах испытанных модификаций автор предполагает поразмышлять ниже. Речь идет о давшем имя многим творческим явлениям в конце прошлого – начале этого века слове *лузер* (англ. loser).

Вот как реферирует это понятие английская «народная» энциклопедия Wikipedia, в отличие от русской Википедии, уже включившая названное слово в свой состав: ***Loser** is the antonym of winner, often used as an insult, and may also refer to:* In **music** *Loser (band)*, an American rock band, *"Loser" (Beck song)*, a 1993 song by Beck, *"Loser" (3 Doors Down song)*, a 2000 song by 3 Doors Down *"Loser" (Ayreon song)*, a 2005 song by Ayreon; In **other media**: *Loser (film)*, a 2000 movie starring Jason Biggs and Mena Suvari, *Loser (novel)*, a novel by Jerry Spinelli, *The Losers (comics)*, published by DC Comics) (<http://en.wikipedia.org/wiki/Loser>). «**I'm a Losser**» – пели и «битлы» в альбоме 1965 года.

Кембриджский словарь 1995 года следующим образом толкует значение этого слова: ***Loser**. A loser is a person who is defeated in a competition: "Even the loser of the tennis championship comes away with thousands of pounds". // A **good** loser is a person who behaves well and does not show their disappointment when they are defeated. A **bad** loser is a person who complains when they are defeated. // (ihfml) A loser is also a person who always unsuccessful at everything they do:*

"He's a born loser". "In the film she plays a romantic loser". // The loser in a situation is the person who is at a disadvantage as a result of what has happened: "The latest price rises mean that the real loser, as usual, is the consumer. (Cambridge International Dictionary of English: 1995, 842)

Как видим, *лузеры*, согласно этому толкованию, – это те, кто терпит поражение в соревновательной борьбе. При этом лузеры делятся на «плохих» и «хороших»: первые ноют после поражения, вторые умеют переносить его достойно. Здесь затронут моральный аспект, прежде всего, спортивного поведения. Интереснее второй момент, отраженный в толковании слова *loser*, – оказываются лузеры могут быть «прирожденными» (*He's a born loser*): судя по примерам, речь идет о переносном значении слова, отражающем взгляд на жизнь как на спортивную игру, где люди выигрывают или терпят поражение, и есть те, кто от рождения обречен терпеть проигрыш.

В 2007 г. российский режиссер и актер А. Абдулов снял фильм «Лузер», ставший для него последним. Этот фильм продолжает эстафету произведений с одноименным названием и активизирует слово в русском публичном дискурсе. В 2008 году издательство «АКТ» выпускает роман 22-летнего белорусского автора Антона Кашликова с тем же названием – «Лузер». Думается, сказанное позволяет говорить о том, что содержание, связанное со словом *лузер*, является социально значимым, и слово обозначает некое проблемное явление. Свидетельством того, что слово прочно вошло в русский обиход, является и тот факт, что американский фильм реж. Джо Кингсли «American Pie Presents: American Poop Movie» (2008), не содержащий в своем названии слова *Loser*, в русском прокате прошел под названием «Американский пирог» с добавкой «Лузеры в Америке. Рецепт катастрофы», что в целом передает квинтэссенцию содержания фильма.

Принято приписывать разбираемому слову сленговый характер, ограничивающий сферу его употребления неформальной ситуацией. Но русское *лузер* употребляется и в дискурсе публичной коммуникации, причем звучит в устах первых лиц государства: Так, о **политических лузерах** говорит президент России Дм. Медведев: «Понимаете, в каждой стране есть набор политических лузеров, которые считают, что их средства массовой информации несвободны, потому что они не представлены там каждый день. Но это их собственные проблемы, а не проблемы средств массовой информации», - сказал Дмитрий Медведев агентству Reuters (<http://www.biggd.com/play.php?v=LVgmCwP5o2>); в терминах лузерства оценивается ситуация в Беларуси: **«Счастливики и лузеры: баланс сил»** (о расстановке сил в политической жизни Беларуси в преддверии кризиса) [<http://www.nmnby.org/pub/0707/24d.html>]; существуют **«лузеры" украинской политики»**: «Что делать этой группе политических «лузеров» («лузер» — «неудачник», — *авт.*)? Ну не возвращаться же в партию, почетный председатель которой тебя предал!» [<http://establishment.com.ua/articles/2006/11/16/1658/>]. Разумеется, можно говорить о том, что употребление лексических единиц в средствах массовой информации не всегда есть знак принадлежности слова к литературному языку: использование сленговых слов может «работать» на установление контакта с аудиторией, быть демонстрацией причастности говорящего к «своему» кругу. Однако если исходить из того, что слово *лузер* известно не столь широкому кругу носителей языка (в ходе проведенного автором блиц-опроса на вопрос: *что значит слово лузер?* – практически не могли ответить носители языка старше 30 лет), то его использование в тех или иных речевых практиках может свидетельствовать о том, что говорящие прибегают к этому слову, поскольку оно наиболее

адекватно выражает содержание, которое «хочет быть выраженным». Об отсутствии должного знакомства со значением этого слова в русском языковом коллективе свидетельствует, как представляется, и следующий факт: если довериться интернет-источнику, содержащему информацию о компьютерном анализе фоносемантических характеристик слова *лузер*, определяемых по соответствующим шкалам, то оказывается, что они противопоставлены содержательным характеристикам этого слова: «**лузер** обладает следующими качествами из 25 возможных (качества приводятся по степени убывания их выраженности): *Громкий, Храбрый, Сильный, Большой, Мужественный, Холодный, Медленный, Могучий*» [<http://www.psevdonim.ru/slv/ke8pth.htm>]. Думается, что если бы информанты владели значением этого слова, то это знание не могло бы не оказать влияния на его восприятие.

Так что же значит русский *лузер*, и действительно ли его употребление расходится с употреблением в английском языке? Поскольку словари русского языка, за исключением составляемых энтузиастами интернета («Словарь варваризмов русского языка»: *Человек, которого преследуют неудачи то ли по воле судьбы, то ли от неумения жить. Происхождение: англ. loser проигравший, неудачник* [<http://varvarizm.narod.ru/looser.html>]), не дают толкований этого слова, прислушаемся к тем, кто широко использует его на интернет-форумах.

Я – ЛУЗЕР *Лузер (сленг.) — англ. «loser» — неудачник, проигравший. Хотя и созвучно с англ. «user», но не является его производной. Обычно используется как характеристика неумелых и неуспешных игроков. Носит презрительный характер. Если вбить в Яндексe что-то типа «лузеры» или «привычки лузеров», то результат поискового запроса удивит тысячами ссылок на материалы, посвященные этому явлению. И это несмотря на то, что такого термина нет ни в одном словаре. Даже*

знаменитая Википедия еще не успела создать для него отдельной статьи. Тем не менее, это англоязычное слово уже так прочно вошло в русский обиход, что всех нас поделили на две непересекающиеся категории: лузеры и нелузеры. Уж и характерные отличия сформулировали [<http://blog.zhebelev.ru/potential/ya-luzer>].

«Ты – лузер» стало одним из самых обидных оскорблений. Люди, особенно молодые, бьются рыбой об лед, и выпрыгивают из шкуры – лишь бы успеть, запрыгнуть на подножку, доказать всем, и особенно самому себе, что они круты и в порядке. А если не удастся добиться и доказать – часто ломаются. Иногда очень серьезно ломаются. С очень болезненными последствиями. Потому что общество, и, самое главное – люди, которые это общество составляют – требуют от них все и сразу. Ты, неудачник, на метро едешь, и даже в ресторан девушку пригласить не можешь? Лузер, да ты посмотри хотя бы на своих однокурсников. Как они одеваются, на чем ездят, где обедают, и куда отдыхать ездят. А ты...[rksmb.ru/get.php?1982].

В приводимых репликах отсутствует определение значения этого слова, но чувствуется, как посредством него обозначается большая социальная проблема: слово стало инструментом социального деления общества на «две непересекающиеся категории: *лузеры и нелузеры*», те, кто «добился» и «не добился» – чего? Думается, здесь проглядывает общая черта современной действительности – как евроамериканской, так и преобразованной на российской почве ее социальными условиями. Рублёвка как символ жизни – вот тот манящий идеал, приблизиться к которому могут немногие, но многие хотят, и в силу стремления русского сознания к достижению предельных состояний чувствуют себя *лузерами* из-за недостижения уровня Рублёвки. Иной уровень и стиль жизни рассматривается как проигрыш в жизненной игре.

Отметим, что обозначение антитетического *лузеру* понятия в русском языке происходит с помощью однокоренных антонимов, выражающих комплементарные отношения противоположности, не допускающие наличия среднего члена – между *лузером* и *нелузером* не существует промежуточной зоны. Такое деление, видимо, соответствует правилам игры, где один непременно должен быть проигравшим. Третьего не дано. В английских источниках антонимом к *loser* является *winner* (*победитель*) – здесь сохраняется спортивная терминология, отсылка к которой четче подчеркивает переносный характер значения используемого в определенных контекстах слова. Русский же *лузер* не имеет знака метафоричности, слово воспринимается как прямое обозначение негативного свойства, причем свойства весьма неопределенного с точки зрения его денотативных характеристик. Возможно, поэтому слово используется в текстах, весьма разнообразных по своему характеру, становясь то инвективой, то элементом морально-дидактических и даже идеологических дискурсов. Инвективному употреблению (*ну ты и лузер!*) могут способствовать и названные выше фоносемантические характеристики слова, придающие интенсивность означенному негативному признаку (*могучий, сильный* и т.п.). Наличие производных слов (*лузерство, по-лузерски, лузерский, лузерить*)⁹, называющих проявления некоторых устойчивых признаков, подлежащих опознанию (*вести себя по-лузерски*), говорит как о значимости явления, получающего столь широкое означивание в языке, так и о возможности через соответствующие контексты описать референтные свойства явлений, подводимых под понятие

⁹Слова собраны автором на интернет-страницах: напр, *лузерский блицкриг Саакашвили* [www.regnum.ru/.../1042393.html].

лузерства. Мы не будем обсуждать в данной статье соотношение русского неудачника и пришедшего из английского лузера (именно такой смысловой эквивалент предлагается и в «словаре сленга неформалов» [<http://teenslang.su/content/%EB%F3%E7%E5%F0>] и в репликах пользователей Рунета) – это материал отдельной статьи. Обратимся к этому слову как знаку некоего социального явления, знаку мироощущения, если судить по миллионам страниц в Рунете, содержащим отсылку к этому слову (на 18 авг.2009 г. – 5 000 000 стр.)

«I'm a loser, baby, why don't you kill me?...», – поет американский певец и музыкант Beck Hansen. На российской почве «лузер» не всегда мучится своим «лузерством»: создаются сайты лузеров, существует Лига лузеров (ее председателем является Федор Дунаевский, сыгравший некогда в фильме К.Шахназарова «Курьер» нонконформиста-подростка – он и сейчас бросает вызов ценностям общества успеха, говоря о том, что лузерство есть протест против навязываемых обществом ценностей потребления).

Кого же относят к лузерам в рамках русских дискурсов?

Хронический лузер. *Итак, мне надоело бороться за право существования. Меня окружают люди, имеющие большие преимущества, чем я. Мне хронически не везет. Хочется быть кем-то, от кого зависят другие, а не зависеть от других. Чокнутые учителя возмнили себя богами. Школа – СМЕРТЬ!* [rublog.ru/blogs.php?login=solist&id=4449] / *А "лузеры" – в классическом понимании этого модного ругательного слова – это вполне нормальные мужчины, которые искренне стараются, но у которых мало что в жизни получается. В первую очередь, в материальном плане* [http://www.superstyle.ru/11feb2009/esli_muzh_luzer]. Из данных контекстов следует, что к лузерам относят тех, кто не состоялся в материальном плане по меркам современного общества, или себя относят

те, кто испытывает неудовлетворенность жизнью в силу того, что другие «пользуются большими преимуществами». Отсюда и одно из возможных определений *лузера*, исключаящее, кстати, материальный момент: *Лузер – это неудовлетворенный собой человек, который винит окружающий мир в собственных неудачах* [<http://saetov.com/2007-10-03/luzerstvo>]. Отметим некоторую дидактичность данного определения, побуждающего к «самоисправлению» – перестать винить других в собственных неудачах, что будет способствовать исключению из категории лузеров.

В русском дискурсе возможно отнесение к лузерам и тех, кто перестал находиться в зените славы, хотя, тем не менее, состоялся: «Лузеры против дилетантов» – название статьи, рассказывающей о реалити-шоу первого канала «Последний герой», в котором «звезды-лузеры будут сражаться против дилетантов». Кто же отнесен автором к «звездам-лузерам»? Это те, чье время осталось в прошлом: звезда начала 90-х Сергей Крылов, звезда начала 90-х Лика Стар, звезда середины 90-х Влад Сташевский, звезда «потускневшей» группы "Блестящие" Жанна Фриске и так далее. Все они – «звезды-лузеры» [<http://www.theplace.ru/news/news.php?id=7254>]. Если задуматься над причинами, побудившими пишущего избрать это слово для обозначения участников шоу, то его логика видится в следующем: названные певцы уступили сегодня по популярности место на арене (эстраде) другим, более популярным певцам, они проиграли в марафоне певческой славы, их время как певцов – ушло. Они больше не участвуют в распределении рейтинговых мест в хит-парадах, и это неучастие в жизненном параде делает их лузерами.

Если присоединиться к логике пишущего, то «лузерством» является и старость сама по себе, потому что

время пенсионеров – «прошло» (особенно в тех странах, где старость соединяется с необеспеченностью): *писал на форумах кадровиков, спрашивал – например – можно ли нанять персонального рекрутера – чтоб человек действительно ...тебя устраивал..., ну скажем за некий небольшой аванс ...В ответ услышал кучу насмешек, обвинений в старости, лузерстве...* [<http://gans-spb.livejournal.com /11327.html>]. Не случайно один из участвующих в интернет-форумах предлагает назвать сайт «Одноклассники» сайтом «Неудачники.ру» или «Пенсионеры.ру» в силу того, что пишущие на этом сайте обладают временем в силу профессиональной незанятости (отметим пусть не смысловую эквивалентность слов *неудачники* и *пенсионеры*, но их контекстную синонимию в данном случае и напомним, что смысловым эквивалентом пришедшего из английского языка *лузера* считается *неудачник*). Итак, круг референтных групп, к которым приложимо слово *лузер*, весьма широк и может не иметь отношения ни к некоему результату деятельности, ни к «хроническому невезению», когда не удаются задуманные вещи или не приходит обладание желаемыми. К *лузерам* относятся а) проигравшие в политической борьбе, б) не добившиеся материального признания, в) вышедшие из зенита славы, г) люди, в силу возраста оказавшиеся неучастниками борьбы за блага жизни, д) ощущающие зависимость от других подростки и т.п. Для сравнения: *Для американцев же "лузер" – это не тот, у кого денег мало, а тот, кто не стал тем, кем хотел, предал себя. Это вообще не про удачу* [<http://burtin.livejournal.com/1661.html>]/

Можно говорить об универсальных причинах евроамериканской культуры, вызвавшей экспансию слова и понятия в современные дискурсы: распространение компьютерного сленга, перенос виртуальных моделей действительности (игры) на реальные, ориентация на

лидерство, успех (победу), ставшие неотъемлемой частью ценностей общества потребления, где добившийся больших материальных благ может больше потреблять, жизнь в «обществе спектакля», где известность, пребывание на виду есть мерило жизненного успеха, поэтому звезды производятся фабричным способом («фабрика звезд»). Интересно, что распространение слова и понятия произошло практически накануне мирового экономического кризиса, заставившего почувствовать «лузерство» (проигрыш) всего «цивилизованного» мира – оно словно явилось симптомом мироощущения в преддверии грядущих социальных катаклизмов...

Так существуют ли «русские особенности» употребления этого иноязычного слова? Многие авторы интернет-реплик, говорящих о лузерстве, полагают, что в американском дискурсе это слово относимо к тем, кто не состоялся, и не связано с русским понятием *неудачника*, которое сопоставляется *лузеру* в русских текстах и составляемых в интернете словарях. Лучшим переводом *лузера*, по мнению одного из пользователей интернета, было бы *неуспешник*¹⁰. а не *неудачник*, поскольку успех

¹⁰ Именно термин типа "неуспешник" был бы адекватным переводом иностранного слова "лузер". Лузер – в том смысле, в котором это слово употребляется в англоязычной культуре - это именно человек, который по жизни все делает "не так" и "не то". И именно поэтому он лузер. А вовсе не потому, что ему не везет (Кстати, отсутствие аналогичного по смыслу термина в русском языке может свидетельствовать о том, что в русской ментальности принято слишком большое значение придавать удаче и слишком малое – успеху)... На самом деле, роль случайностей и обстоятельств в нашей жизни гораздо меньше, чем думают лузеры. Лузеры думают, что им не везет. А на самом деле это не "им не везет", это "они не везут". Но нужно иметь изрядную смелость, чтобы признаться себе в этом и начать исправлять ситуацию. Умному человеку неудача (неуспех) дает пищу для размышления,

предполагает усилия для достижения цели, и *лузер* (проигравший) – это тот, кто не смог добиться успеха, так как действовал несоответствующим образом. С этих позиций приход слова *лузер* воспринимается как заполнение лакуны – мы должны осознавать, что ответственны за свои неудачи, и *лузер* показывает, что нам не то чтобы *не повезло*, а нам *не удалось совершить нечто в силу нашего неумения* [<http://kucherenko.livejournal.com/1748184.html>]. Я готова была бы согласиться с таким взглядом на различие *лузера* и *неудачника*, но вот Кембриджский словарь, отмечая, что существуют *прирожденные лузеры*, тоже как будто бы снимает вину с человека за его неудачи, возводя причину неуспешности к некоторой врожденной заданности (*he's a born loser*). С другой стороны, в таком случае *loser*, действительно, становится весьма обидным именованием лица, ибо приписывает лузеру природный интеллектуальный дефект.

Не обсуждая, как уже говорилось, смыслового соотношения *лузера* и сопоставляемого с ним *неудачника*, попытаюсь показать некоторые особенности русского дискурса лузерства, коррелирующие, как представляется, с национальными речевыми практиками:

чтобы он имел шанс понять, что именно он сделал не так, и в следующий раз сделать правильно. Тот, кто способен на это, обычно быть лузером быстро перестает. А лузерам вера в случайность, в везение мешает разглядеть истинные причины своих неудач. Остальные продолжают оставаться лузерами, продолжая ныть и жаловаться на обстоятельства (Kucherenko). Про неудачников и лузеров [<http://kucherenko.livejournal.com/1748184.html>].

1) частота признания в лузерстве, жалоба на жизнь: *я лузер*¹¹ (на 18 авг.2009 г. 882000 страниц в интернете, содержащих это выражение). Думается, частота подобных признаний коррелирует с так называемыми «русскими разговорами». Жалобы на жизнь (литании) – вот популярнейший русский жанр по наблюдению американского антрополога Нэнси Рис [Рис 2005]. Дискурсивное искусство страдания, – так характеризует Нэнси Рис специфику российских разговоров, при этом изменение разговора в сторону вопроса о решении проблемы не приветствуется носителями искусства дискурсивного страдания. Поскольку мы говорим о дискурсивных практиках, то вполне возможно предположить, что чувствовать себя лузером есть особенность стоящего за этими практиками сознания, своего рода интеллектуальный навык;

¹¹ **Я – лузер.** Я не могу сказать, что счастлива. Начиная разбираться и во всех областях жизни вижу недочеты. Работа - только для денег (ни удовольствия, ни креатива, ни профессиональных навыков не приносит). Любимого человека нет, хотя хочется строить отношения, но не с кем. Окружающим вру про какие-то несуществующие романы. Друзья есть, но часто задумываюсь, друзья ли они или просто знакомые рядом, а если есть свободное время, то с удовольствием обойдусь и без них. Все интересы поверхностны, немножко того-сего, чтоб разговор поддержать. Я знаю, что еще можно меняться (мне 22), но не знаю как. Конечно, по сравнению с больными или бездомными, мои проблемы - ерунда, но с детства у меня всегда был образ перед глазами: вот я такая успешная во всем, живу яркой, насыщенной жизнью в окружении друзей и любимых, а в реальности-то полная ерунда. Хочу измениться, но как? Я живу с вечным осознанием, что делаю что-то не так и надо вот только поднапрячься и изменить свою жизнь. Лет 6 уже так мечтаю. Страх, лень и какая-то пассивность цветут пуще прежнего. А кругом всё больше и больше молодых и успешных – и откуда они только силы черпают.

2) любовь к моральным суждениям (Вежбицкая) делает популярным жанр размышления и советов относительно того, как распознать лузера (из чего следует, что лузерство – не явное, а внутреннее состояние), как победить его в себе и стать «успешным». При этом речь опять-таки идет не о конкретных действиях по достижению конкретной цели (например, материального благополучия), а о моральном совершенствовании. Так, Александр Левитас называет семь привычек лузеров (напр.: *Лузер сравнивает себя с другими. У него нет внутреннего "пробного камня", и не хватает ума, чтобы сравнивать себя сегодняшнего с собой же вчерашним. Он может оценить себя, только сравнив себя с другим человеком. При этом лузер часто выбирает людей заведомо более успешных, что даёт ему бесконечные поводы для нытья и жалоб*) – и далее дает совет: «Если Вы обнаружили одну из этих привычек у себя – не жалеете себя и не нойте. Лучше взгляните на это позитивно – теперь Вы знаете, над чем работать в наступившем году». Таким образом, *лузер* становится понятием русского морального дискурса. Жалуясь, русский лузер рефлексировал над особенностями своего характера и сознания, не задаваясь вопросом о приобретении навыков успешного действия;

3) амбивалентность оценок лузерства. В силу присущей русскому характеру антиномичности, в силу свойственной русским интеллигентским речемыслительным практикам тенденции ощущать покой и удовлетворенность как «душевную подлость», рождается и некий нравственный радикализм в отношении лузерства, выражаемый, например, следующей фразой: «Если успешный гражданин не осознает себя частично лузером, то он идиот» [<http://forum.guitarplayer.ru/index.php?topic=49765.60>]. Таким образом, в противовес тенденции общества потребления делить своих членов на *лузеров* и *нелузеров*, рождается моральный императив чувствовать себя

лузером, то есть ощущать собственное несовершенство, поскольку «всякая жизнь, какая ни есть, это мир упущенных возможностей» (Сельвинский);

4) идеологический дискурс лузерства. При анализе дискурса лузерства складывается впечатление, что это понятие становится точкой идеологических расхождений не просто в его оценке, но в выборе поведенческих моделей. «Лузеры – новые люди России», – так называется статья Артема Акопяна, усмотревшего новое явление в России, состоящее в том, что на фоне имущих и осуществившихся по общественным меркам другие – неимущие и неосуществившиеся – испытывая ненависть к богатым и знаменитым, не просто «ноют», но с гордостью объявляют себя лузерами, то есть нонконформистами. [<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/334626/cat/42>].

Обозначим противостояние богатых и знаменитых, с одной стороны, и «неосуществившихся», с другой, как наметившийся морально-социальный конфликт, так как за моральными предпочтениями «лузеров», согласно автору названной статьи, кроется то, что принято называть социальной завистью. Если *loser* – характеристика неких поведенческих черт, возможно, заданных от природы, то русский *лузер* становится именно социальным явлением, словом, фиксирующим набор признаков лица, относящегося к социальной группе не обладающих материальным успехом, не имеющих доступа к власти и свету юпитеров и в силу этого рассматриваемых другой частью общества как «второсортные»;

4) нелюбовь к «винерству». При широком распространении слова *лузер* его английский антоним не получил распространения. И хотя существуют предложения считать *винером* независимого от

обстоятельств человека¹², выражение *я – винер*, если судить по данным интернета (в отличие от *я – крутой!*) не используется носителями русского языка. С одной стороны, это можно объяснить неощутимостью метафорического значения у слова *лузер*: *лузер* не активизирует метафорического фрейма *игры*, в силу чего оказывается незаполненным место такого актанта игры, как *победитель (винер)*. С другой стороны, терминология борьбы/победы вообще может быть уже чужда носителю русскости, уставшему от предыдущих десятилетий идеологической и классовой борьбы.

Так поймет ли loser лузера? Мы начинали с того, что многие заимствованные понятия на русской почве подвергаются переосмыслению и говорить о русской действительности можно только на ее языке, ибо другой язык не всегда в состоянии передать специфику русского мироощущения. Относительно ставшего обозначением культурно значимого понятия слова *лузер* можно сказать, что русский лузер оценивает себя не столько по результату

¹² Лузер хочет быть в этой жизни объектом. Он охотно смешивается с толпой футбольных фанатов и демонстрантов, тинейджеров на дискотеке и солдат, марширующих строем. Он не в силах выключить телевизор, хотя и равнодушен к тому, что ему показывают. Он вряд ли откажется принять наркотик или выпивать по несколько раз в день, если ему предложат. Любое решение, предложенное извне, кажется лузеру верным. Винер, если это настоящий винер, а не лузер, косящий под винера, ведет себя принципиально иначе. Он не перекладывает на мир ответственность за себя. Он пьет пиво, которое ему нравится, вне зависимости от того, продвинутое оно или нет. Он может попробовать и наркотик, но обязательно задумается о последствиях и о том, сможет ли держать ситуацию под контролем. Винер хочет быть человеком, а не функцией, жить, а не играть социальную роль: учащегося, менеджера, электората, мужа, любовника, пользователя.

деятельности, как это делает его английский собрат, сколько по характеру переживаний, связанных с внутренней неудовлетворенностью и сравнением себя с другими. Это слово в русском дискурсе становится, с одной стороны, вербальным средством выражения социального размежевания общества, с другой – войдя в русский язык, дает новые средства русскому искусству «дискурсивного страдания».

Становясь средством выражения авторефлексии, *лузер*, заполняя некою смысловую лакуну, может побудить задуматься о причинах собственных несовершенств тех, кто считает себя «неудачником», и перенести часть ответственности за *неуспехи* с «судьбы» на **Я**.

Литература

1. Богданов Константин А. *О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов*. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

2. де Лазари А. *Польские исследования об идеях в России. Идеи в России / Idee w Rosji / Ideas in Russia*, 1999. Режим доступа: ideashistory.org.ru/pdfs/07lazari.pdf.

3. *Лузер – значение слова Лузер*. Режим доступа: <http://www.psevdonim.ru/slv/ke8pth.htm>.

4. Рис Нэнми. *Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки*. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

5. *Cambridge International Dictionary of English*. 1995. London: Cambridge University Press

©Лассан Э., 2009

Н.К. Орлова, М.Э.Рут
Екатеринбург

Из наблюдений за восприятием поэтонима

В художественном произведении имя персонажа нередко становится первым репрезентантом образа. Поэтому не случайно работа писателя над собственными именами представляет собой сложный и трудоемкий процесс, нередко автор меняет имена на другие, пока не находит то, что, с его точки зрения, верно. Как отмечает А. А. Фомин, «уже в античной литературе собственные имена играют важную роль, решая не только собственно лингвистические задачи, но и выполняя ряд художественных функций, присущих и современной нам литературной онимии» [Фомин 2004: 109]. Поскольку художественный текст есть функционально-замкнутая система эстетически организованных речевых средств, имя собственное обрastaет в нем множеством смысловых связей, сложных ассоциаций и коннотаций, которые образуют его индивидуально-художественную семантику. Речь идет не только о так называемых «говорящих» именах и фамилиях, под которыми понимают антропонимы с яркой внутренней формой или очевидным социальным колоритом. Это особенно было свойственно литературной традиции XVIII в. и унаследовано русской литературой XIX в. В начале же XX в. наметилась другая тенденция. Проза стала вуалировать не только прямые значения имен персонажей, но и оттенки их значений (коннотации).

Развитие поэтической ономастики как науки подразумевает «четкое осознание участниками литературной коммуникации (автором текста и его читателями) художественно-эстетического потенциала собственного имени, включенности онима в общую парадигму изобразительных средств произведения. Иными словами, необходимо, чтобы имя собственное получило статус художественного приема, войдя в арсенал художественной поэтики» [Там же: 109–110].

Автор, имея определенные намерения и располагая при этом достаточной свободой при выборе того или иного антропонима, называет своих героев так, а не иначе не случайно. Воспринимает ли это адекватно читатель, может ли он разгадать сквозь призму имени вложенный автором в него смысл? Как вообще в сознании читателя соотносятся имя и сам персонаж?

Изучение семантического ореола, окружающего антропоним литературного героя на этапе создания, и затем восприятие его читателем – актуальная проблема. Мы выдвигаем гипотезу о том, что значения, вкладываемые автором в поэтонимы, находят отклик у читателя. Считаем целесообразным, опираясь на достижения в области литературной ономастики, прибегнуть в разрешении этой проблемы к методу психолингвистического эксперимента, взяв за основу художественный текст. В качестве такового выступает повесть Василия Ливанова «Мой любимый клоун».

Ономастикон повести выглядит так:

1	главный герой, 33 года, работает клоуном в цирке	<i>Сергей Синецын (Птица)</i>
2	мальчик из детского дома, которого усыновляет Сергей Синецын	<i>Ваня</i>
3	жена Сергея, 22 года, дочь академика, закончила иняз	<i>Оля (она же Лёся)</i>
4	в прошлом возлюбленная Сергея, циркачка	<i>Полина Челубеева</i>
5	теща Сергея	<i>Мальва Николаевна</i>
6	известный академик, тесть Сергея	<i>Владимир Карлович Баттербардт</i>
7	лучший друг Сергея, его напарник	<i>Ромашка (Роман Самоновский)</i>
8	жена Романа, циркачка	<i>Алиса Польди</i>

Как видим, ономастическое пространство повести структурно задано в традициях отечественного именословия (личное имя, отчество, фамилия). Кроме того, автором используются прозвища, что также можно рассматривать как отражение традиции.

Нестандартные для русского языка назывные модели становятся особенно выразительными в художественном тексте. В антропонимиконе повести зафиксированы фамилии, образованные вне традиций русского именослова: *Баттербардт*, *Польди*. Эффект экспрессивности обуславливается экзотическим звучанием онима. Фамилией *Баттербардт* обозначен известный академик, а *Польди* – народная артистка Советского Союза. Пытаясь угадать намерения автора, выдвинем предположение, что присвоенные этим героям иностранные фамилии связаны именно с высоким социальным статусом.

Попробуем частично реконструировать авторский замысел посредством обращения к внутренней форме (в том числе реконструируемой с помощью этимологии) имен персонажей и обнаружения ее связи с образом.

Сергей (*Синицын* по прозвищу *Птица*). Имя *Сергей* происходит от римского родового имени *Sergius* [Суперанская 2005: 199]. Значение: «высочтимый», «высокий», «ясный», «почтенный» [Чубарова 2005: 174]. Связь значения этого имени с образом персонажа обнаруживается – мы предполагаем, что посредством присвоения его герою автор выражает свое к нему позитивное отношение. Имеет место и портретная связь – герой отличается высоким ростом, ср.: «Сергей Синицын, гривастый, как лев, высокий, угловатый, шагает широко, твердо опуская ногу на каблук и слегка косолапя».

Ваня. От древнееврейского *Йоханан* (*Iohanan* – Бог смилостивился, Бог помиловал) [Суперанская, 2005, 115]. Связь значения этого имени с образом обнаруживается: Бог

смилоствился, помиловал – мальчика из детского дома усыновили. Милость Божья проявилась также в том, что по сюжету ребенку удалось избежать смерти, его спасают.

Оля (Лёся). Имя *Ольга* заимствовано из скандинавских языков, происходит от имени *Хельга*, означающего «священная», «светлая» [Чубарова 2005: 158]. Связь значения этого имени с образом обнаруживается в портрете – героиня белокурая.

Полина (Челубеева). Это форма греческого, латинского имени *Аполлинария* – принадлежащая Аполлону, посвященная Аполлону. Аполлон – бог Солнца, предсказаний, покровитель искусств [Там же: 163]. Связь значения этого имени с образом обнаруживается: во-первых, Полина работает в цирке. Во-вторых, солнце – символ высшей космической силы, сердце космоса, центр бытия, символ величественности. Именно такой перед читателем предстает героиня. Ср.: «Крупная собой дама Мальва Николаевна Баттербардт, но до Полины ей не дошпилить», «На манеже смахивает на мужика, особенно когда под першем стоит. Правда, на очень красивого мужика, ничего не скажешь. Вблизи он рассмотрел ее лицо. Черты крупные, грубоватые, но правильные, и глаза дивные, с опущенными внешними уголками, дымчатые такие, очень женские глаза».

Мальва (Николаевна). Это имя не входит в традиционный русский именник. Мальва – травянистое растение с крупными яркими цветками. Ср.: «...Мальва Николаевна красива уже другой, устоявшейся, немного тяжеловесной красотой. Впервые увидев тещу, он сразу представил себе Лёсю в таком возрасте и подумал, что Лёся, как и мать, будет и в старости очень красива». Мальва растет в лесах, а также повсеместно на сорных местах, на склонах, в огородах, около заборов, дорог, жилищ: так и героиня - «сорняк» в семейной жизни дочери.

Владимир (Карлович Баттербардт). Этимология. Др.-рус. Володимѣрь, цслав. Владимиръ. Первая часть имени связана с цслав. *владъ* «власть», тогда как вторая часть родственна гот. *mērs* «великий», д.-в.-н. *māgi* «знаменитый» и др. Таким образом, *Владимир* «великий в своей власти». Форма имени с финалью *-миръ* возникла под влиянием *мир* «спокойствие; вселенная» по народной этимологии [Фасмер 1964: 105]. Связь значения этого имени с образом обнаруживается: герой, названный Владимиром, является известным академиком с мировым именем, пользующимся огромным авторитетом: «Свадьба была в огромной квартире Баттербардтов, заставленной старой массивной мебелью и с толпой безделушек: «это Владимир Карлович привез из Африки», «это Владимиру Карловичу подарили в Японии», «это на память о Лондоне», «Владимир Карлович не для того заслужил кембриджскую мантию, чтоб в ней клоунствовали всякие...», «Начались хождения по крупным специалистам, которые становились особенно внимательны при фамилии «Баттербардт» и, окончив консультацию, неизменно просили «кланяться Владимиру Карловичу».

Роман (Самоновский по прозвищу Ромашка). От лат. *Romanus* «римский; римлянин» [Суперанская 2005: 188], греч. «крепкий, сильный» [Чубарова 2005: 166]. Ср.: «Роман – маленький, крепкий, приземистый, можно сказать, массивный».

Алиса (Польди). Имя Алиса является сокращенной формой имени *Adelaide* (фр. *Adelaide*), в свою очередь представляющего собой французский вариант древнегерманского имени *Adalheid* (*Adelheid*, *Adelheidis*). Это сложное слово включает в себя два корня: *adal* (благородный, знатный) и *heid* (вид, род, образ) [Википедия]. Таким образом, *Алиса* – «благородного происхождения», «из благородного сословия». Связь значения этого имени с образом обнаруживается: героиня,

вышедшая впервые на арену цирка в пять лет. Значение имени явно соответствует факту «благородного» происхождения героини (родом из династии цирковых артистов).

Таким образом, можно констатировать, что автор определенно учитывает этимологические значения выбранных им имен. Ту же картину наблюдаем и в прозвищах.

Прозвище главного героя, Сергея Синицына, – *Птица*, которое формально присвоено ему по аналогии с «птичьей» фамилией. Однако его можно соотнести непосредственно с духовным богатством героя, ведь птицы – символ непреходящего, души, духа.

Прозвище *Ромашка* имеет герой Роман Самоновский. Создание этого прозвища обусловлено деминуацией личного имени. Полученная форма деминутива оказалась омонимичной слову *ромашка*, обозначающему цветок, который воспринимается как символ милой простоты и нежности, символ верности, символ русской природы. Именно таким и является этот герой: простой, нежный, верный.

Прозвища вписываются в сознание читателя и становятся привлекательными и «понятными», обеспечивая возможность углубления в понимании смысла произведения.

Для выявления соотношения в сознании читателя персонажа и его имени, коннотативных смыслов личных имен героев, совпадения или несовпадения авторского сознания с сознанием читателей нами был проведен эксперимент. В нем приняли участие 50 студентов факультета русского языка и литературы разных курсов.

Информантам предлагалось прочесть краткое содержание повести Василия Ливанова, при этом имена героев были заменены цифрами. Предлагаемый текст выглядел следующим образом.

Действие повести начинается в детском доме, где главный герой (1), который работает клоуном в цирке, собирается взять на воспитание мальчика (2).

1 женат на красавице 3, которую «из публики взял». Есть у клоунов такой прием: неожиданно прервать на манеже действие и уставиться в кого-нибудь из первого ряда. Самое верное – уставиться на женщину, которая начинает без толку суетиться, хихикать. А ты начинаешь играть, что влюбился с первого взгляда. Вот так два года тому назад уставился 1 на белокурую девушку и... влюбился.

Фамилию его она брать не хотела. Объяснила, что папе будет неприятно, если единственная обожаемая дочь откажется от своей фамилии.

Родители, узнав о предстоящем замужестве дочери, были категорически против. Дочь известного академика – за клоуном. Но свадьба все-таки состоялась.

1 был счастлив. Его жизнь, казалось ему, наконец-то сложилась во что-то радостное и прочное. На мгновение выбило героя из счастливого круга то обстоятельство, что он узнал об участии в новой программе девушки из его прошлого (4). Она теперь стала для него лицом почти нереальным, будто бы читал о такой женщине или рассказывал о ней кто-то за тесным дружеским столом. Расстались непонятно как. И теперь, встречаясь иногда в цирке, так и норовили друг друга чем-нибудь задеть.

3 захотела ребенка. Вечерами на маленькой кухне за чаем придумывали имя. Спорили, смеялись, даже ссорились. Она почему-то была уверена, что будет сын. «Знаешь, щекастый такой и деловитый. И смешной, как ты. И умный, как я. Ведь я умная, правда?»

И вдруг... Вдруг открылось, что 3 не может родить. Почему? Она похудела, осунулась, раздражалась по пустякам. И тут вмешались ее мать (5) и отец (6).

Убеждали свою дочь, что масса семейств счастливо проживают всю жизнь без детей. С 3 случилась истерика.

1 предложил взять ребенка из детского дома. 3 сомневалась, но потом все-таки решилась. Остановились на том, что надо брать не очень маленького, лет пяти, чтоб уже виден был характер. Он нашел такого, как она хотела: щекастого и деловитого, смешного. И, судя по отзывам, – умного. Узнав об этом, 5 взбунтовалась: – Вы подумали, что этот несчастный ребенок может оказаться с патологической наследственностью? Алкоголик или... просто дебил какой-нибудь? Нет, вы несерьезный человек. Хорошую жизнь вы уготовили моей дочери. А еще считаете, что любите ее.

Родители 3 решают, что ей необходимо переменить обстановку и увозят ее с собой на симпозиум ЮНЕСКО в Канаду на два месяца. Молодоженам даже не удастся увидеться перед отъездом.

1 проводит время со своим близким другом, партнером по работе в цирке, таким же клоуном, как и он сам – с 7.

7 женат на 8 – воздушной гимнастке, народной артистке Советского Союза. Очень многие претендовали на ее руку и сердце, но она почему-то выбрала именно 7. Цирковая семья. За десять лет едва наберется два года совместной жизни. 1 гостит у своего друга. На следующий день два друга-клоуна едут в детский дом и забирают малыша. На вопрос мальчишки, где его мама, 1 отвечает, что она скоро приедет (до этого он прячет портрет 3 за холодильник).

Цирк через несколько дней отправляется за границу на гастроли. Первой в списке оказывается... Канада. Уж конечно, 3, узнав, что в Монреаль приезжает советский цирк, придет! А после представления 1 скажет ей о ребенке.

Приближалась весна. Герой (1) со своим сыном (2) и друзьями (7 и 8) выезжают на природу покататься на

санках. Они весело проводят время. Но спустя несколько дней мальчик серьезно заболевает. Ему вызывают скорую.

1 решает отказаться от гастролей и остаться с сыном. В цирке ему находят замену, но 7 не хочет выступать без своего друга и вообще покидать его – они везде вместе! Решено: 7 тоже не едет.

А между тем состояние ребенка ухудшается – он при смерти. Неотложка. Больница. В срочном порядке требуется переливание крови, но у мальчика редкая группа: первая, резус отрицательный. Доноров нет. Что делать? 8 вспоминает, что такая точно кровь у 4 – бывшей возлюбленной героя. Она приезжает.

1, 7 и 8 сидят на лавочке во дворе больницы и ждут результата. Тем временем идет процесс переливания крови. 4 заснула и снова проснулась. Ей показалось, что кто-то тронул ее за плечо. Мальчик смотрел ей прямо в глаза и улыбался щеками, губами, круглыми ожившими глазами. И она услышала его слабый тихий голос:

– Мама, это ты? Ты приехала?

Она не знала, что отвечать ему, и, уткнувшись лицом в подушку, заплакала. Когда она решилась снова посмотреть на него, он спал, сохраняя на лице улыбку, и ровно, глубоко дышал.

После прочтения реципиенту надлежало перейти к основной части эксперимента – заполнению антропонимической анкеты. Анкета выглядела следующим образом:

Антропонимическая анкета

По вашему мнению, какое из приведенных во второй колонке имен какому герою из первой колонки соответствует? Объясните свой выбор.

1 – главный герой, 33 года,	Ваня;
работает клоуном в цирке;	Витя Коршунов («Коршун»);
2 – мальчик из детского	Владимир Карлович

дома, которого усыновляет	Баттербардт;
1;	Костик;
3 – жена 1, 22 года, дочь	Николай Коптелкин;
академика, закончила	Ромашка (Роман
ин.яз;	Самоновский);
4 – в прошлом	Сергей Сеницын («Птица»);
возлюбленная 1, циркачка;	Павел Михайлович Журба;
5 – теща 1;	Гоша;
6 – известный академик,	Мальва Николаевна;
тесть 1;	Люда Королева;
7 – лучший друг 1, его	Вера;
напарник;	Виктория Бин («Чудная»);
8 – жена 7, циркачка.	Ирина Путилина;
	Полина Челубеева;
	Татьяна Захаровна;
	Оля (она же Лёся);
	Алиса Польди.

Из левого столбца от каждого героя, обозначенного цифрой, необходимо было провести стрелочку к одному из предложенных имен в правом столбце. Специальных требований к реципиентам при объяснении своего выбора не предъявлялось.

Выполнение задания усложнялось тем, что количество предлагаемых имен (18) превышало количество героев (8). Большая часть имен (10) в списке была вымышлена или заимствована из рассказов и повестей других писателей (*Витя Коршунов* по прозвищу *Коришун*, *Костик*, *Николай Коптелкин*, *Павел Михайлович Журба*, *Гоша*, *Люда Королева*, *Вера*, *Виктория Бин* по прозвищу *Чудная*, *Ирина Путилина*, *Татьяна Захаровна*).

Обработка антропонимических анкет позволила оценить, насколько «мышление» автора совпало с «мышлением» потенциальных читателей и установить, какие коннотации связываются в их сознании с отмеченными антропонимами.

По мнению большинства респондентов, герои повести «Мой любимый клоун» являются носителями следующих имен (полужирным шрифтом выделены совпадения с авторскими именованиями):

1	главный герой, 33 года, работает клоуном в цирке	Сергей Сеницын («Птица») 30%
2	мальчик из детского дома, которого усыновляет 1	Ваня 58%
3	жена 1, 22 года, дочь академика, закончила иняз.	Вера 38%
4	в прошлом возлюбленная 1, циркачка	Виктория Бин (Чудная) 24%
5	теща 1	Мальва Николаевна 56%
6	известный академик, тесть 1	Владимир Карлович Баттербардт 54%
7	лучший друг 1, напарник	Сергей Сеницын («Птица») 34%
8	жена 7, циркачка	Виктория Бин (Чудная) 30%

Результат совпадений - 50%, которые означают, что вложенный автором смысл был разгадан сквозь призму имени в половине случаев.

Рассмотрим, какими коннотативными смыслами наполняли реципиенты выбираемые из списка имена. Каждый компонент коннотации не рассматривался нами в

отдельности, мы подошли к этому вопросу как к взаимоотношенному целому.

Структурно-словообразовательные особенности мужского антропонимикона, предложенного испытуемым, позволяли выделить три группы, наличие которых сужало поле выбора и в определенной мере облегчало респондентам задачу:

- неполная форма имени, деминутив или гипокористика (*Ваня, Костик, Гоша*), намекающие на принадлежность носителя имени к младшему поколению. Так, выбирая имя мальчику из детского дома, реципиенты обычно ориентировались на эти варианты;

- имя + фамилия (+прозвище), например, *Витя Кориунов (Кориун), Николай Коптелкин, Роман Самоновский (Ромашка), Сергей Сеницын (Птица)*. Такое структурное соединение привлекало респондентов в ситуации номинации героев среднего поколения (1 и 7);

- трехчленные сочетания: имя + фамилия + отчество (*Владимир Карлович Баттербардт, Павел Михайлович Журба*). Употребление такой формулы придает имени оттенок «зрелости, солидности, уважения», поэтому один из предложенных антропонимов данной структуры (*Владимир Карлович Баттербардт*) был выбран номинаторами для присвоения известному академику, тестю главного героя.

Данная классификация неприемлема в отношении женского антропонимикона, так как все героини, за исключением одной (5), являются представителями среднего поколения. Такая неискusstвенная усложненность сыграла свою роль в выборе имени для женских персонажей повести: реципиентами было угадано только имя героини, явившейся исключением в ряду «ровесников».

Почти каждый третий испытуемый присвоил главному герою повести его истинное имя – *Сергей Сеницын*

(*Птица*). В основном звучали формулировки типа: «Это очень душевный, мягкий человек, поэтому должен носить простое, не очень замысловатое имя Сергей». Звуковое оформление данного имени *Сергей* вызвало у большинства респондентов ассоциативные «значения» душевности, мягкости, простоты. Выбор имени был мотивирован фонетически (ср. характеристики данного имени по предварительно проведённому нами фоносемантическому компьютерному анализу [www.zsyline.ru]: тихий, слабый). О фамилии героя респонденты писали: «клоунская», «смешная». В данном случае можно, скорее, говорить о семантической мотивированности имени – ассоциациях с птицей (синицей). Прозвище *Птица* связывали исключительно с фамилией героя, не находя в нем «тайного» смысла.

Таким образом, антропоним *Сергей Синицын* по прозвищу *Птица* в совокупности о был наделен коннотациями душевности, мягкости, простоты, комичности. Намерения автора относительно характеристики главного героя информантами были считаны.

58 % респондентов решили, что усыновленного мальчика зовут *Ваня*, и были правы. Большая часть респондентов сделала такой выбор под влиянием ложного убеждения, что это имя было широко распространено в советскую эпоху (действие повести разворачивается в советское время). Дело в том, что имя *Иван (Иоанн)* в полных святцах встречается чаще всего – 170 раз, т. е. почти через день, и было очень распространено в старой русской деревне. Но после революции именование по святцам перестало быть законом, популярность имени пошла на спад.

Таким образом, в данном случае вряд ли можно говорить о мотивации выбора в связи с коннотативным наполнением имени.

Жене главного героя, дочери академика, закончившей иняз, 38% респондентов присудили имя *Вера*. Оказалось, это имя имеет коннотации: серьезная, интеллигентная, домашняя, мечтающая о счастье. Такие коннотации сформировались посредством прозрачной внутренней формы имени. Выбор этого имени, следовательно, мотивирован семантически: ср. комментарии респондентов, поясняющие выбор имени: «Вера, так как это говорящее имя. Она верила в настоящую любовь и семейное счастье»; «Ничего нет проще, имя простое. А кого еще брать в жены, как не простую, безобидную, умную, домашнюю»; «Имя подходит девушке, которая привязана к своим родителям, следует их советам»; «Имя хорошо воспитанной женщины, мечтающей о семье, постоянстве в жизни».

Этот же оним был выбран по ассоциации с именем героини кинофильма, личность которой оказала влияние на восприятие имени Вера некоторыми респондентами. Ср.: «Ассоциируется с фильмом «Водитель для Веры». Дочь известного академика (в фильме отец – генерал) выходит замуж за человека, который ниже ее по социальному статусу. В фильме девушка – инвалид, а в повести – не может иметь детей».

На первый взгляд, сознание автора и читателей расходится, так как автор назвал эту героиню не *Верой*, а *Олей* (*Лёсей*). Но необходимо иметь в виду, что 26 % опрошенных утвердили верный вариант, наделив его разными коннотациями. Одна группа коннотаций имени *Оля* касалась в основном внешности: «красавица», «белокурая». Другая группа коннотаций была соотнесена с наличием гипокористики *Лёся*. Отсюда коннотации незрелости, детскости, типа: «На нее еще могут влиять родители», «Она, в отличие от других героинь повести, подана, в первую очередь, не как жена, а как дочь». Третья группа коннотаций тоже была связана с гипокористикой

Лёся, но интерпретировалась респондентами как выражение дружеских взаимоотношений между коммуникантами, даже ласки, как маркёр любящего отношения к героине со стороны мужа (коннотация – та, которую очень любят): «Ласково Лёсей ее называет муж». Все три группы коннотаций свидетельствуют о том, что антропоним был выбран ввиду его фонетической (точнее, фоносемантической) мотивированности (ср. ср. характеристики данного имени, полученные нами на основе фоносемантического компьютерного анализа [www.zsyline.ru]: Оля - хороший, красивый, простой, светлый, радостный, добрый, лёгкий; Лёся – безопасный, светлый, красивый, хороший, нежный, добрый, женственный, радостный, весёлый, гладкий, лёгкий).

В прошлом возлюбленная главного героя, по мнению большинства реципиентов, носит имя *Виктория Бин* по прозвищу *Чудная*. Имя нагружено коннотациями, связанными с его происхождением и значением. *Victoria* – латинское «победа». Ответы номинаторов совпадали: «Героиня победила смерть». Фамилию Бин респонденты характеризовали как звучную, подходящую для цирковой артистки. Характеристика данного имени, полученная на основе фоносемантического компьютерного анализа [www.zsyline.ru], показывает, что оно обладает целым набором положительных оценочных параметров, таких как веселый, безопасный, короткий, яркий, быстрый, легкий, подвижный. Прозвище *Чудная* номинаторы объясняли наличием у героини причуд: «Расстались непонятно как», «встречаясь..., так и норовили... друг друга задеть» или тем, что она совершила чудо – спасла ребенка.

Таким образом, выбор имядателей связан с комбинацией семантической (этимология имени *Виктория*, лексическое значение слова *чудная*) и фонетической мотивированности (фоносемантическая содержательность

звукового облика фамилии *Бин* и возникновение звукового ассоциата *причуды*).

Только 4 % респондентов (это 2 человека, при этом один из них, как оказалось, смотрел экранизацию повести) отдали предпочтение антропониму *Полина Челубеева*, являющимся действительным именем героини. Это, безусловно, свидетельствует о том, что сознание автора не совпало с сознанием читателей, не обративших внимание на значение имени, совпадающее с образом.

Имя тещи главного героя (Мальва Николаевна) верно указало большинство респондентов – 56 %. Такой выбор был, в первую очередь, оправдан структурной оформленностью антропонима: имя + отчество. Именование с использованием полной формы приобретает оттенок уважительности, связывается с возрастом носителя.

С высокой степенью регулярности в ответах (комментариях) информантов встречались ассоциации: властная, стервозная, бесцеремонная. Мы думаем, что само по себе это имя не нагружено такими коннотациями. Фоносемантический анализ указывает на его положительное восприятие (см. присущие имени и отчеству характеристики: хороший, могучий, медлительный, безопасный, добрый; красивый [www.zsyline.ru]). Но в ситуации, когда реципиенты были вынуждены выбирать фактически только между двумя вариантами – *Мальва Николаевна* и *Татьяна Захаровна*, они выбирали первый, поскольку «не годится иметь простое, деревенское имя Татьяна Захаровна жене известного академика».

Известный академик, тесть главного героя был верно «поименован» респондентами. Структурная оформленность его имени в списке (имя + фамилия + отчество) хоть и оказала влияние на выбор испытуемых, но незначительное. Гораздо более существенной оказалась другая деталь – звучная фамилия, породившая ряд

коннотаций: известный, величественный, авторитетный, важный. Объяснения были схожи: «У академика может быть только такая фамилия. Напоминает что-то большое, серьезное, строгое», «Известному академику – известную и важную фамилию: Баттербардт», «Баттербардт – звучит важно!». Имя и отчество выступили лишь неким фоном.

Итак, на выбор *антропонима Владимир Карлович Баттербардт* повлияла его фонетическая мотивированность, что подтверждается компьютерным фоносемантическим анализом (ср. отмеченные коннотации этого имени в целом – мужественный, могучий, грубый, быстрый, храбрый, величественный, активный, подвижный, большой, яркий, сильный, громкий, хороший [www.zsyline.ru]).

В представлении реципиентов лучший друг главного героя и его напарник – носитель имени *Сергей Синицын* (по прозвищу *Птица*). Респонденты ошиблись. Количество опрошенных, определивших данный оним как принадлежность именно этого героя, несколько превышает число респондентов, верно указавших его назначение: 34 и 30 % соответственно. Подробный анализ этого онима с позиций автора и читателя был произведен нами ранее, и коннотации выявлены. Остается добавить, что они соотносимы и с личностью героя № 7 – другом, единомышленником главного героя.

Народной артистке Советского Союза, жене Ромашки по результатам эксперимента было присвоено имя *Виктория Бин* (*Чудная*). О нем мы подробно говорили, когда информанты его ошибочно отнесли к героине № 4. Гармоничное сочетание имени, семантика которого известна каждому, звучной фамилии и меткого прозвища «сообщило» данному ониму набор коннотаций, очень привлекательных для реципиентов и обеспечило его частую выбираемость, популярность. На втором месте оказался верный вариант – *Алиса Пальди*, отмеченный в

анкетах у 24 % информантов. Его выбор был мотивирован фонетически и в связи с использованием данного антропонима в художественной литературе. Имя *Алиса* вызвало такие коннотации: звездная, известная, сказочная. Вообще это имя стало популярным благодаря героине сказки Л. Кэрролла, что нашло отражение и в некоторых ответах респондентов: «Сразу вспоминаю «Алису в Зазеркалье» – чудесная девочка». Респонденты также писали: «Фамилия Польди – для сцены». Предположение о том, что присвоенные некоторым героям (6, 8) иностранные фамилии (*Баттербардт*, *Польди*) связаны с успехом, которого добились герои, подтверждается.

Итак, эксперимент показал, что имя персонажа является одним из важнейших средств создания яркого художественного образа: писатель стремится максимально использовать ассоциативный потенциал антропонимов для характеристики персонажей. Личные онимы благодаря присущим им коннотациям выступают не только номинативными, но и выразительными языковыми средствами.

Мы имели возможность проследить, как мастерски подошел к процессу наименования своих героев Василий Ливанов. Использованные им поэтонимы (имена персонажей, нагруженные разного рода коннотациями) органично влились в смысловую организацию повести. В создании этих коннотаций автором учтено этимологические значения личных имен, актуализировавшиеся в сознании реципиентов в том или ином объеме (что зависит от многих культурно-обусловленных причин, а также от субъективных, индивидуальных факторов восприятия имени).

Автор не использовал в своем произведении имен с прозрачной внутренней формой. Мы же решили включить в эксперимент такие антропонимы. Респонденты мгновенно попали в «ловушку». Имена *Вера* и *Виктория*

вошли в «новый ономастикон» произведения, заняв три позиции из четырех возможных.

Плодородной почвой для порождения коннотаций послужили ситуация выбора, в которой оказались номинаторы, и неясная внутренняя форма большинства онимов, считающаяся лишь редкими информантами. Выбор того или иного антропонима был обусловлен образно-ассоциативной мотивацией, звукосимволической мотивацией или формальными показателями (структурной оформленностью).

Звуковая инструментовка становилась особенно важной, когда семантический подход к ониму был невозможен. Благодаря звукосимволизму имени, реципиент, зачастую неосознанно, приписывал верно выбранному ониму характеристики, в большинстве случаев адекватные текстовым.

Результаты эксперимента говорят о том, что читатель способен угадывать намерения автора, считывать информацию с имени героя: полученный в экспериментальных условиях антропонимикон на 50% совпадает с действительным (текстовым). Выходит, антропонимические коннотации, заданные автором, оказались относительно тождественны коннотациям реципиентов. Гипотеза о том, что значения поэтонимов (антропонимов) в художественном тексте считывается читателями, нашла подтверждение.

Литература

Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. – М., 2005.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т // Перев. и доп. О.Н.Трубачева. – 2-ое изд., стер. – М.: Прогресс, 1964. – Т.1.

Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы//Вопросы ономастики. – 2004. - №1. – С.108–121.

Чубарова Л. Е. Подарки и пожелания. – М., 2005..

©Орлова Н.К., 2009

©Рут М.Э., 2009

Д.Р. Шарафутдинов
Екатеринбург / Гуанчжоу, Китай

**О моделировании синтаксической деривации с опорой
на понятие продуктивно-грамматической
модификации**

Продуктивно-грамматическое направление исследований в синхронной русистике имеет конечной целью создание лингвистической системы технологического (алгоритмического) обеспечения продуктивной (активной, по Л.В.Щербе) речевой деятельности на русском языке. Эта система, называемая

продуктивной грамматикой, обеспечивает продуктивную речевую деятельность посредством вербального оформления имеющихся в сознании продуцента речи представлений, мыслей, идей; причем такое оформление должно быть грамматически правильным (нормативным, стандартным) и адекватным коммуникативному замыслу продуцента.

Применение продуктивной грамматики, характер продуктивно-грамматических процедур обуславливается свойством лексических единиц, изначально выбранных продуцентом речи для реализации его замысла. Продуктивная грамматика совершает те или иные семантические, сочетаемостные, структурные преобразования (модификации) уже вполне определенного исходного лексического материала – конкретных заданных лексических единиц. Продуктивная грамматика носит характер принципиально производный, зависимый (и в этом смысле вторичный) по отношению к осуществленному продуцентом речи выбору лексических единиц. Это соответствует «логике» соотношения грамматического и лексического модулей в самой языковой системе: «Грамматика (сама грамматика, а не ее описание) может существовать лишь как набор некоторых различных операций над лексическими единицами ... Без самих словоформ, над которыми грамматика проводит свои операции, она невозможна» [Милославский 2002: 14]. Очевидно, что разные исходные лексические единицы могут обладать весьма различными признаками, релевантными в продуктивно-грамматическом аспекте. Эти признаки предопределяют саму возможность или невозможность модификации выбранной продуцентом речи лексической единицы в соответствии с имеющимся у него замыслом, а также – в случае возможности – характер, способ такой модификации.

По сути дела, продуктивная грамматика представляет собой **систему модификаций исходных (заданных продуcentом речи) лексических единиц**. Звенья в каждой конкретной цепи модификаций связаны между собой типично системными отношениями – отношениями обусловленности, мотивированности одного другим. В основе такой микросистемы модификаций лежит соответствующее замыслу продуcentа речи (т.е. также заданное) семантическое или сочетаемостное различие между модифицируемой и модифицированной единицами. «Активная грамматика идет от имеющегося лексического модифицируемого элемента через заданную явным образом семантическую модификацию, распространение, уточнение, к более сложному, уже семантически модифицированному, усложненному языковому знаку» [там же: 30-31].

Таким образом, продуктивная речевая деятельность обеспечивается различными взаимосвязанными модификациями изначально заданных лексических единиц. Одним из ключевых понятий рассматриваемого лингвистического направления в связи с этим следует признать понятие **продуктивно-грамматической модификации**. Объект продуктивно-грамматической модификации – лексическая единица, выбранная продуcentом речи в качестве отправной точки, основы для выражения имеющегося у него замысла. Содержание продуктивно-грамматической модификации – семантическое и/или сочетаемостное, а также, как следствие, структурное (формальное) различие между заданной лексической единицей и единицей (не обязательно лексической!), способной выразить замысел продуcentа речи.

В соответствии с этим разграничиваем два типа продуктивно-грамматических модификаций:

1. Семантическая и обусловленная ею структурная модификации: *(изучать) проблему – (изучать) проблемы* (семантический модификационный параметр – СМП – «количество»); *(новый) дом – (новые) дома* (СМП «количество»); *новое (пальто) – новые (пальто)* (СМП «количество»); *(новый) дом – (новый) домик* (СМП «величина, размер»); *(спрашивать) студента – (спрашивать) студентку* (СМП «пол»); *(студент) читает – (студент) читал* (СМП «время, временная отнесенность»); *тоскую (по детям) – тоскует (по детям)* (СМП «тип участника коммуникации») и т.п.

2. Сочетаемость и обусловленная ею структурная модификации: *(изучать) проблему – (заниматься) проблемой*; *новый (дом) – новые (дома)*; *(находиться у, около, возле) дома – (находиться рядом с) домом*; *(спрашивать) студента – (задавать вопрос) студенту*; *(студент) читал – (студентка) читала – (студенты) читали*; *(тосковать по) детям – (тосковать о) детях*; ср. также: *говорить о планах (на завтра), про планы, насчет (по поводу, в отношении) планов* и т.п.

Тип продуктивно-грамматической модификации соотносится с конкретной целью продуцента речи – стремлением выразить определенное семантическое содержание с опорой на выбранную лексическую единицу или осуществить синтаксическое соединение этой единицы с другими в соответствии с нормами русского языка. Чрезвычайно важно при этом, что в обоих случаях структурная (формальная) модификация лексической единицы (например, образование определенной ее морфологической формы или деривата от нее) занимает принципиально подчиненное, вторичное положение в рассматриваемой модели. Структурное преобразование лексической единицы не составляет специальной цели продуцента речи, являясь лишь следствием (средством языкового выражения) производимой им либо

семантической, либо сочетаемостной модификации данной единицы.

Инструментарий продуктивно-грамматических модификаций в современном русском языке включает лексические, морфемно-словообразовательные, морфологические, синтаксические и просодические средства. Остановимся на рассмотрении модификаций, связанных с образованием деривата или морфологической формы заданного слова, т.е. с использованием единиц словообразовательного и морфологического уровней языковой системы соответственно.

Средства русской морфологии, с одной стороны, и средства русского словообразования, с другой, предоставляют различные возможности для продуктивно-грамматических модификаций.

Продуктивно-грамматические модификации при помощи морфологических средств могут быть и семантическими (*новое пальто – новые пальто, наш врач – наша врач, директор пришел – директор пришла, веселый ребенок – ребенок весел*), и сугубо сочетаемостными (*новый дом – новые дома, новому дому, новым домам; ученик пришел – ученица пришла, ученики пришли; тосковать о детях – тосковать по детям; ехать поездом – ехать на поезде; идти по полю – идти через поле*).

Продуктивно-грамматические модификации при помощи словообразовательных средств едва ли могут быть «чисто» сочетаемостными. В основе словообразовательных парадигм всегда лежит семантика – определенные семантические различия между производящими и производными единицами. Другое дело, что в результате словообразовательного акта сочетаемостные свойства производящей базы и производного слова также могут принципиально различаться (так, при образовании сложных слов в качестве производящей базы выступает вообще единица синтаксического уровня –

словосочетание). Однако это следствие – весьма важное для продуцента речи, но все же следствие – семантического и обусловленного им структурного преобразований, составляющих содержание словообразовательного акта.

Продуктивно-грамматические модификации при помощи морфологических средств решают и семантические, и «сочетаемостные» задачи, стоящие перед продуцентом речи. Продуктивно-грамматические модификации при помощи словообразовательных средств нацелены на решение преимущественно семантических задач. Возникающие при этом различия в сочетаемостных свойствах производящей и производной единиц (*читать* → *прочитать*, *читать* → *читатель*, *читать* → *читальный*) носят принципиально вторичный характер и являются своего рода «побочным эффектом» семантических модификаций.

Вместе с тем в русской словообразовательной системе существует особое в данном отношении явление.

Речь идет о словообразовательном феномене синтаксической деривации (см. [Курилович 1962]), характеризующемся общеграмматической значимостью: *изучать* → *изучение*, *белый* → *белизна*, *быстрый* → *быстро*. В этом случае отношения между двумя единицами – исходной и результирующей – тоже основываются на семантике, на семантическом различии между ними (иначе рассматриваемые отношения нельзя было бы квалифицировать как словообразовательные), только это различие не лексико-семантическое, а иного уровня абстракции – грамматико-семантическое. Причем это различие не только в частных грамматических характеристиках, даже таких, которые обладают номинативной ценностью, как, например, время или наклонение глагола (иначе отношения между единицами также нельзя было бы признать словообразовательными),

но в общих грамматических (категориально-грамматических) значениях («предметность», «процессуальность», «признаковость»: «признак предмета», «признак процесса»).

Так, например, в рамках отадъективной субстантивной синтаксической деривации (*белый* → *белизна*) семантическая модификация – отвлечение признака от субстанции и его опредмечивание – получает языковое выражение в соответствующей структурной модификации – суффиксации определенного типа; в результате обеих модификаций, вместе взятых, производящее и производное различаются частеречной принадлежностью, а значит, и сочетаемостными свойствами. Иначе говоря, при синтаксической деривации обязательно осуществляется сочетаемостная модификация исходной лексической единицы (ср. смысл термина «синтаксическая деривация»). Однако продуктивно-грамматическая специфика синтаксической деривации заключается в том, что для продуцента речи эта сочетаемостная модификация представляет собой не сопутствующее явление, не «побочный эффект» модификации семантической (как во многих словообразовательных актах лексической деривации), а как раз основную цель. «... Словообразование ... в рамках лексической деривации решает семантические задачи, а в рамках деривации синтаксической – сочетаемостные» [Милославский 2002: 98]. Отадъективный субстантивный синтаксический дериват (*белизна*) нужен продуценту речи прежде всего для синтаксического переоформления текста: *белый снег*, *Снег белый* → *белизна снега*; *Мне нравится то, что снег в лесу белый* → *Мне нравится белизна снега в лесу*. Конститутивно присущую субстантивному синтаксическому деривату семантику отвлеченности и опредмеченности признака продуцент речи обычно получает «впридачу» - в комплексе, в пакете с частеречной

характеристикой деривата. Морфная структура отадъективного субстантивного синтаксического деривата демонстрирует результат соединения признаковой производящей основы с суффиксом существительного, т.е. с дериватором, выражающим предметное категориально-грамматическое значение. Иначе получить искомое существительное невозможно. Поэтому сочетаемостная модификация прилагательного неизбежно сопровождается его семантической модификацией. В этом случае уже семантическая модификация вторична по отношению к сочетаемостной. Формальные (морфные) выражения рассматриваемых модификаций тождественны.

Таким образом, в случае синтаксической деривации представлена комбинация сочетаемостной и семантической модификаций с приоритетом первой из них при тождестве обуславливаемых ими структурных модификаций. Это означает, что при синтаксической деривации всегда имеют место:

- 1) модификации всех трех типов;
- 2) всего – четыре модификации: сочетаемостная → структурная, семантическая → структурная;
- 3) иерархические отношения между сочетаемостной и семантической модификациями: обусловленность «сочетаемостная модификация → семантическая модификация»;
- 4) общность внешнего, формального выражения сочетаемостной и семантической модификаций в результате совпадения соответствующих структурных модификаций.

Нетривиальность синтаксической деривации в аспекте продуктивно-грамматических модификаций заключается в том, что, будучи несомненно словообразовательным явлением, следовательно, базируясь на семантическом (причем не частно-грамматическом!) различии между единицами, синтаксическая деривация служит для

выражения не столько этой семантической модификации, сколько модификации сочетаемостной, необходимой продуценту речи для решения синтаксических задач. В связи с этим синтаксическая деривация как объект продуктивно-грамматической интерпретации занимает промежуточное положение между словообразованием и морфологией.

Литература

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962.

Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика: Курс лекций. – М., 2002.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

©Шарафутдинов Д.Р., 2009

Иванова Н.Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И.И.Мечникова (Одесса, Украина).

Коновалова Н.И., доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, декан факультета русского языка и литературы (Екатеринбург).

Лаппо М.А., кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск).

Лассан Элеонора, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета, главный редактор журнала *Respectus Philologicus* (Вильнюс, Латвия).

Орлова Н.К., студентка факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Рут М.Э., доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Шарафутдинов Д.Р., кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М.Горького, приглашенный эксперт факультета русского языка Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (Гуанчжоу, Китай).

Оглавление

<i>Аверкиева М.С.</i> Вежливость / невежливость в русском языковом сознании (на материале этикетной лексики)	3
<i>Бушев А.Б.</i> Новая неграмотность: некоторые феномены и языковая личность	11
<i>Вахрушева Л.В.</i> Билингвизм в аспекте специфики современного образования	25
<i>Гоголина Т.В.</i> Психолингвистический эксперимент как метод изучения коммуникем в разговорной речи	33
<i>Горбань В.В., Иванова Н.Г.</i> Ассоциативное поле слов-соматизмов	44
<i>Голомидова М.В.</i> Личное имя как носитель социальной информации	56
<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i> Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные	70
<i>Данилевская Н.В.</i> Эмоционально-смысловая доминанта научного дискурса	91
<i>Завьялова Н.А.</i> Лексемы «картина» и «цвет» как компоненты языковой картины мира английского, китайского, японского и русского языков	106
<i>Ланно М.А.</i> Психолингвистические аспекты порождения и понимания поэтического текста: диалог автора и читателя	118

.....	
<i>Лассан Элеонора</i> Дискурс лузерства: русские вариации	130
<i>Орлова Н.К., Рут М.Э.</i> Из наблюдений за восприятием поэтонима	146
<i>Шарафутдинов Д.Р.</i> О моделировании синтаксической деривации с опорой на понятие продуктивно-грамматической модификации	165